

к 84 (2)
3-80

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

100 ПЕСЕН, КОТОРЫЕ ПОЮ

**ТЕАТР ОДНОГО
АКТЁРА**

(концертная тетрадь)



ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

«ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН»

***100 ПЕСЕН,
КОТОРЫЕ ПОЮ***
(концертная тетрадь)

Орел — 2008

ББК 84(2p)6
3-80

Золотарев Л.М. Вечерний звон/Л.М.Золотарев.

Золотарев И.Л. О реальном и невероятном (вместо послесловия). — Орел: издатель Александр Воробьёв, 2008. — 456 с.

В сборник «Вечерний звон» включены сто авторских песен Леонарда Золотарева (с нотами и без нот), а также цикл песен на слова других авторов с музыкой Леонарда Золотарева, переложенной на аудиокассеты в а капелльном исполнении автора. Сюда же вошли лучшие стихотворения поэта к концертным программам также в виде авторских аудиокассет, а в них русские народные песни, русский романс, арии из опер, неаполитанские песни, песни Л.Золотарева из «Звуковой поэзии мира», романа в стихах «Арсений Чигринев», героической трагедии «Белая Скифия». И все это представлено в сборнике как бы из репертуара музыкального театра одного актёра.

Вместо послесловия помещены литературно-критические статьи Игоря Леонардовича Золотарева.

ББК 84 (2p)6
3 80

© Золотарев Л.М., 2008
© Издатель Александр Воробьёв, 2008

«ЗАЗЕРКАЛЬЕ ДУШИ»

«Зазеркалье души» веков и народов — вот что такое эта страна Аэдия, звуковая поэзия мира. Что еще, кроме поэзии, песни, так заглянет в недра души?

Вот уже две зимы и три лета пою. Чем труднее людям, народу моему, тем больше пою. Голос — мой единственный музыкальный инструмент, на котором я играю и пою, сочиняю, купаясь в музыкальной стихии. Слова и музыка души слиты воедино, так записаны десятки альбомов, сотни песен. Это — малая форма. И есть еще крупные вещи, такие, как «Слово о полку Игореве» в моем переводе — с голоса Бояна и Ходыны — любимых песнопевцев князя Святослава, древнерусская, еще языческая летопись «Велесова книга», переложенная на язык поэзии, а еще христианские, на более светский манер, такие песнопения из «Ветхого Завета», как «Песни царя Соломона», «Экклезиаст», «Псалтырь», Заповеди Жития и Блаженств, а также мой венок сонетов «Каменная рапсодия», циклы «Камея в июле», сонетов Шекспира, Мицкевича, лонгфелловско-бунинская «Песня о Гайавате», а также переводы с французского, в том числе таких крупных произведений, как «Пьяный корабль» Рембо, «Морское кладбище» Валери и другие.

И вот эта «Звуковая поэзия мира». Шестнадцать концертов — букет стихов восточных, европейских, американских поэтов, положенных на музыку моего сердца. Спел я все это, организовал и призадумался: а что же это получилось, что за жанр такой? Звуковая, что ли, антология поэзии народов Земли?

На автора слов глянулось вдруг с не совсем обычной, невыразимой тонкой стороны, — а как он поется?

Вот пою и удовлетворяю свой певческий, поэтический зуд. Как бы оживляю авторов, полузабытые творения поэтов — коллег своих, сотоварищей — ближних и давних. Попадутся стихи — ну до чего же прекрасны! Ну почему хоть не я их написал-то? И вот я нашел способ «присвоить» «чужие», совершенно изумительные строки, я их пою. Найдена возможность не только выразить

себя, но и в себе, в людях Земли, в памяти человеческой, оживить, восстановить строки и имена, дать им новую жизнь.

Я подхожу к поэзии с той стороны, которая заложена в самой природе стиха. Я только обнажаю эти его музыкальные качества, тоже — по Аристотелю — главные.

Так и живу. После трудов праведных, жизненных и после долгого сидения над романом, над прозой погружаю себя в мир иной, пою с голоса живших до меня песнопевцев. Гомером нашим кто-то назвал меня после спетой мной моей «Белой Скифии» — продолжении «Одиссеи» Гомера. Так и живу, пою то со своего голоса, то с голоса тех поэтов, которые жили, творили по всему миру, дышали музыкой слов и живут теперь вместе со мной в моем сердце.

От автора, составителя.

100 ПЕСЕН,
КОТОРЫЕ ПОЮ
(Концертная тетрадь)

Театр одного актера

«Стихи, положенные на музыку моей души»

Если бы Леонард Золотарёв не стал профессиональным журналистом и писателем, то таланты, которыми Бог щедро наделил этого незаурядного человека от рождения, непременно проявились бы в полной мере и в других областях. Он мог стать историком или философом. Его энциклопедические познания просто потрясают. А мог бы стать знаменитым оперным певцом, подобно Лучано Паваротти, покорившему весь мир, и мы бы могли гордиться русским тенором Леонардом Золотарёвым.

Далеко не каждый профессиональный певец может сказать, что он поёт многое из опер, теноровые партии, арии из тенорового репертуара. Золотарёв же может спеть их вам без всякого музыкального сопровождения, точно интонируя сложнейшие мелодические рисунки.

Любовь к музыке у Леонарда Михайловича с раннего детства. Обладая тонким музыкальным слухом и хорошей памятью, он впитал всё, что звучало в советские времена по радио, что можно было «прокрутить» на патефонах, радиолах, магнитофонах...

Будучи студентом историческо-филологического факультета Курского педагогического института, Золотарёв серьёзно занимался пением в оперной студии, с талантливыми певцами под руководством профессиональных педагогов, которые нацеливали его на учёбу в консерватории. Он стал «курским соловьём», а друг его — баритон — солистом одного из сибирских оперных театров. Однако увлечение поэзией, мечта стать писателем пересилили, но не подавили желания проявлять себя и в области музыкального творчества. Многие литературные произведения Леонарда Золотарёва, будь то проза, драматургия или поэзия, пронизаны музыкой, и даже развиваются по законам музыкального искусства.

Песни, представленные в этом разделе, — одно из давних увлечений писателя. Это лишь малая часть огромного количест-

ва мелодий, сочинённых на собственные стихи и стихи известных поэтов, таких, как Сергей Есенин и Николай Рубцов, Шекспир и Мицкевич, Фет и Тютчев и др. Песни Леонард Золотарёв записывает на кассеты и дарит друзьям и читателям.

«Стихи, положенные на музыку моей души», — так говорит о своих авторских песнях Леонард Михайлович. И это, действительно, так. Он не причисляет себя к композиторам, которые мучаются часто очень долго в поисках нужной интонации или гармонической краски. Его мелодии рождаются сами, одновременно с текстом, и воспринимать их нужно именно так, в таком синтезе. В этом смысле он сродни античным аэдам, древнерусским певцам-сказителям, таким, как легендарный Гомер, песнопевец Боян. То есть, здесь можно говорить о продолжении Золотарёвым античной, древнерусской традиции былинно-эпического жанра («Не рыдай меня, мати» и др.), где автор текста, музыки и исполнитель представлены в одном лице, а тематика музыкальных повествований отражает то, что происходит в данное время с соотечественниками, страной, всем миром. Им создана «Звуковая поэзия мира» из десятков кассет — музыкальное зеркало «звездочетов» Земли.

В «Песня об Орле» в какой-то мере использована тема Иоганна Штрауса, развитая Василием Калининковым. Золотарёв положил на эту мелодию свои стихи, как на «музыку своей души», и получилась его собственная песня. А в душе у писателя звучит несметное количество самой разнообразной музыки — от собственных мелодий до былинных распевов, шедевров русской и мировой классики.

Музыкальная грань творчества Леонарда Золотарёва даёт нам, почитателям его огромного литературного таланта, глубже понять, почему писатель использует часто «нестандартные» обороты, стиль, форму, разнообразные ритмы, и другие, казалось бы, спорные приёмы, которые как раз и отличают его перо, создают в литературе звукопись, музыку слова, живую оригинальность.

Великий русский композитор Михаил Иванович Глинка однажды сказал: «Музыку сочиняет народ, а мы, композиторы, только

её оранжируем, то есть обрабатываем». Леонард Михайлович Золотарёв на сегодняшний день и есть представитель этого самого народа — поющего, сочиняющего музыку соловьиной души. Часть их представлена в этой книге мелодиями, слитыми со словами тонко, поэтично, профессионально. Услышишь такую песню однажды и носишь в душе её, эту мелодию как звуки в соловьиной роще, как свет души, как праздник, который всегда с тобой.

Виктор САДОВСКИЙ,
музыкант, поэт, журналист

Гимн Орлу

Величаво

1. Кры - ла - той пти - цей над О - кой ле - тя - щий О -

3
рел наш - го - род Сла - вы бо - с - вой. Уж пя - тый

5
вск, как друг твой на - сто - я - щий. Он за - ду - шев - но го - во - рит сто -

8 *Привес:*
бой. Бо - ян - ный. сред - не - рус - ский. си - не -

10
о - кий В му - зей - ный го - род с - дет вся стра - на. Пусть мел - ки

13
во - ды - бе - ре - га вы - со - ки. И все нам и - ме - на, все и - ме - на.

17
Пер - вый са - лют Ор - лу - мы по - бе - ди - ли!

19
Пер - вый са - лют - и всег - да по - бе - дим! У - ли - цы - ро - зы.

22
у - ли - цы - крыль - я. Го - род лю - би - мый. О - те - че - ства дым!

Крылатой птицей над Окой летящий,
Орел наш - город Славы боевой.
Уж пятый век, как друг твой настоящий,
Он задушевно говорит с тобой.

ПРИПЕВ:

Боянный, среднерусский, синеокий,
В музейный город едет вся страна.
Пусть мелки воды - берега высоки,
И все нам имена, все имена.
Первый салют Орлу - мы победили!
Первый салют - и всегда победим!
Улицы - розы, улицы - крылья.
Город любимый, Отечества дым!

Столица близко, слышатся куранты,
Кремлем - красавцем искренне горжусь.
Тут мелки воды - глубоко таланты.
Могучая тургеневская Русь!

ПРИПЕВ:

Боянный, среднерусский, синеокий,
Гербовный город знает вся страна.
Пусть малы воды - велики дороги.
Овеянная славой сторона.
Первый салют Орлу - мы победили!
Первый салют - и всегда победим!
Улицы - розы, улицы - крылья.
Город любимый, Отечества дым!
Улицы - розы, улицы - крылья,
В небе России к Солнцу летим!
В гербе России Счастья хотим!

Песня об Орле

Интонационная основа - главная тема
Первой симфонии В.С. Калинникова

Певуче

1. О рел. О рел мой! Вэ том сло ве Лас ка ст ду шу мне и

4 слух Бо ян ный в ре че вой о сно ве наш

8 рус ский ге ний, рус ский дух. Из

11 глу би ны дожди и гро зы не ся род ну ю на шу речь. Мы

16 соль зем на я, сок бе ре зы. Нам за повед но е бе речь. Все

21 тут мо с. все тут мне до ро го. А воз дух, ка жет ся, та кой. Что

25 чуть взмах ни и ты над го ро дом. Ле тишь, как пти ца, над О

28 кой. Ле тишь, как пти ца, над О кой.

Орел, Орел мой! В этом слове
Ласкает душу мне и слух -
Боянный в речевой основе -
Наш русский гений, русский дух.
Из глубины, в дожди и грозы
Неся родную нашу речь,
Мы - соль земная, сок березы,
Нам заповедное беречь.

ПРИПЕВ:

Все тут мое, все тут мне дорого.
А воздух, кажется, такой,
Что чуть взмахни - и ты над городом.
Летишь, как птица, над Окой.

Даря живое слово весям.
Тут, в разнотравии своем,
Мы - шум дубрав, мы - кладезь песен.
Тут мы и плачем, и поем.
Орел мой - в сердце у России,
В Москве, на гербе отчем, - свой.
Уж пятый век, а все красивей
Мой город русский, корневой.

ПРИПЕВ:

Все тут мое, все тут мне дорого.
А воздух, кажется, такой,
Что чуть взмахни - и ты над городом.
Летишь, как птица, над Окой.

Малоархангельск

Повествовательно

Am Em H7 Em

1. В ко-гор - те ма-лых го-ро - дов. воз-мож - но, и не са-мый ма - лый, он

5 Am D7 G Am Em

весь из пар-ков и са - дов, на стел - лах пав-шим звёз-ды а - лы. Мы тут жи-

9 H7 Em D7 G

вем, на видном мес - те, как раз меж Курс-ком и Ор-лом, где

13 F#m7(b9) Em Am6 H7 Em **Припев**

ключ Ожи, родны-с пес - ни и си - ний-си-ний о-ко - см. А

18 *Маршеобразно* H7 Am Em H7 H7

степь а степь, а степь а степь А степь ши-ро-жа-я. А по сте - пи крес-ты да ко-л-

22 Em Am Am6 D7 Em Am6 H7 Em

я. А ключ ре - ка, а не-бо си-не - о - ко-с, глу - бин - ка рус-ска-я мо - я.

Под оркестр народных инструментов, под баян

Степная песня

В когорте малых городов.
Возможно, и не самый малый, -
Он весь из парков и садов.
На стеллах павшим звезды алы.
Мы тут живем, на видном месте,
Как раз меж Курском и Орлом.
Где ключ Оки, родные песни
И синий-синий окоем.

Припев: А степь - а степь, а степь - а степь
А степь широкая.
А по степи кресты да колея.
А ключ - река, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.

Мое высокое раздолье
Плесни из кружки, и течет
Одна река - на Черноморье,
Другая - до каспийских вод.
Как назвала Екатерина,
Так и стоим мы на своем.
Малоархангельск - слово длинно,
Но кратко - на сердце моем.

Припев: А степь - а степь, а степь - а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея.
А ключ-река, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.
Судьба моя, душа моя глубокая,
Россия - родина моя.

Он крепко сшит и ладно скроен,
Георгиевский кавалер.
Как у Москвы, святой Егорий
Венчает наш духовный герб.
Мы у архангелов в чести.
Как Феникс, встаем из пепла...
Любимый город мой, расти!
Да будет мне с тобою светло!

Припев:

А степь, а степь, а степь - а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея,
А ключ - река, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.
Судьба моя, душа моя глубокая,
Россия - родина моя.
Судьба моя, душа моя глубокая,
Святая родина моя.

Прощание с Киевом

Умерено, с лёгкой грустью

1. Мы встре - тились, что - бы рас - стать - ся. Друг дру - га бо -
6
ясь по - лю - бить. Фран - цу - женка - тон - ка - я гра - ци - я.
12
Дро - жит, не о - бор - ва - на, нить. Но сто - ит ей лишь о - бор -
19
вать - ся. И бу - дет о - кон - че - но все. -
24
- - О, э - то раз - ли - чи - е в на - ши - ях! Вы.
29
рус - ски - е, стран - ны, мусь - е!

Мы встретились, чтобы расстаться,
Друг друга боясь полюбить.
Француженка - тонкая грация.
Дрожит, не оборвана, нить.
Но стоит ей лишь оборваться,
И будет окончено все.
О, это различие в нациях!
Вы, русские, странны, мусье!

Над Киевом чайки кричали
С холмов на Великую Русь.
Где было нам столько печали
Сюда никогда не вернусь.
Днепровская, чуть с голубинкой.
Волна пропадала в волнах.
Подрагивала паутинка
В ее пикардийских глазах.

Вот так и стоит среди зноя
С цветами, как огненный флаг.
Прощается Киев со мною,
В ее утопая руках.

(Петь эту строфу на 2-ю часть мелодии, как репризу)

Одинокая дача

(Песня из электрички,
песня Василия из моего романа в стихах
"Арсений Чигринев")

Просто, свободно

1. Да ча мо я, да ча. ты мо я у да ча. Соля цс за ка ти ло ся

7 в то по тах ко ня. От шум е ла мо ло дость, ста рость о бо

12 зна ча. Толь ко и о ста лась ты, да ча. у мс ня.

Дача моя, дача, ты моя удача.
Солнце закатилось в топотах коня.
Отшумела молодость, старость обозначает.
Только и осталась ты, дача, у меня.

Выхожу я из дому, мчусь на электричке
Из большого города, мрака этажей.
Воля моя, волюшка! Степь зажгу от спички.
Выгоню самогоночки - своейской, посвежей.

Русь гуляет прежняя, Русь гуляет - окает.
Русь гуляет - матушка, годы за спиной.
Воля моя, волюшка! Дача одинокая.
Степь моя раздольная, ветерок хмельной.

Ракитушка

С движением

Край ты мой ра- кит-ный, лунь зе-ле-но - гла - зый! Все - реб - ре ма - куш-ка.
7
хло - по-ты в гнез - де. Не о том меч - та-лось, что слу-чи-лось сра - зу.
13
Не то-го хо - те - лось, что те - перь вез - де. Вы - ше се-но - ва - ла
19
сук об-лю-бо - ва - ла Ве - ша - я ку - куш - ка - э - хо по ре - ке.
25
Ты - ся - чу про - сил я - сто на - ку - ко - ва - ла.
29
Ну а та у - па - ла на седь - мом вит - ке.

Край ты мой ракитный, лунь зеленоглазый!
В серебре макушка, хлопоты в гнезде.
Не о том мечталось, что случилось сразу.
Не того хотелось, что теперь везде.

Выше сеновала сук облюбовала
Вещая кукушка - эхо по реке.
Тысячу просил я - сто науковала,
Ну а та упала на седьмом витке.

Бурею ракуту с берега свалило.
Вот стою - горюю "Берег-то крутой".
Как ее любил я, как она любила!
Замирает в сердце голос золотой.

Недошелестели все мои метели.
Ненацеловался, а уже седой.
Гляну с сеновала - нет ее, не стало!
Уж другие птицы вьются над водой.

Край ты мой расейский, лунь зеленоглазый!
Берегом иду я в рыжем кожане.
Что запало в душу, не уходит сразу.
Ветлы да ракиты клонятся ко мне.

Ключ-колодец

Умеренно



В тихом городке Малоархангельске
Я иду, а под ногой журчит.
Под моими окнами, как праздники,
Голоса, как в серебрах ключи.

Кто их, родниковые, повесил, -
Знак скрипучий, мерный звон цепей?
Кто колодец тут накуролесил
Посредине улицы моей?

Это водосвятие к народу
Вынесено с нашего двора
В знак того, что пали за свободу
На войне три дедовых орла.

Бьет вода живая - льет, не уставая.
Значит, живы! Господи, живем!
Дедово наследство - это помню с детства.
Дедушкино, родовое пьем.

А копал ту жилу дед с Ивани,
Доставал до чрева самого.
Про подлodka услышал нарани.
Задохнулся - это ж про него!

Это ж он, засыпанный в колоде,
Из Ивани голос подает!
После дед мой только и берется
Скалывать на сруб намерзший лед.

Вот водопровод в Малоархангельске,
Но с утра все светится, журчит.
И на нашей улице, как праздники,
Серебрами звякают ключи.

Бьет вода живая. Льет, не устая.
Значит, живы! Господи, живем!
Доброе наследство - это помню с детства.
Нашенское, родовое пьем.
Доброе наследство - это помню с детства.
Дедушкино, родовое пьем.

Городок

(Новосильская лирическая)

Умеренно, певуче

The musical score is written on a single treble clef staff in 3/4 time. It consists of four lines of music. The first line starts with a key signature of one flat (B-flat) and a 3/4 time signature. The melody is simple and lyrical. The lyrics are written below the notes. The second line starts with a measure rest of 5 measures. The third line starts with a measure rest of 9 measures. The fourth line starts with a measure rest of 13 measures and includes first and second endings. The first ending leads back to the beginning of the fourth line, and the second ending leads to the end of the piece.

1. На от - ко - се ве - чер - нем, над Зу - шей степь ха -
5 зар - ску - ю ви - дишь. Вос - ток. Все по -
9 ет и по - ет. толь - ко слу - шай Но - во -
13 сль - ский кня - жой го - ро - док. Все по док.

На откосе вечернем, над Зушей
Степь хазарскую видишь, Восток.
Все поет и поет, только слушай
Новосильский княжой городок.

Здесь лебедушки песнь хороводят,
А над речкой летают стрижи.
В поле девичьи запахи бродят,
Цвет волос поспевающей ржи.

Приголубь, приласкай, как родного,
Обогрей на дорожку чуток,
Чтоб вернуться когда-нибудь снова
В этот славный княжой городок.

Пусть в росе, как и прежде, сияют
Матеолами вежи веков.
И ревнуют, и все выясняют
Ароматы французских духов.

На откосе вечернем, над Зушей
Пой, лебедушка! Падай, листок!
Новосильские влюбчивы души.
Люб России святой уголок!
Есть в России такой уголок!

* * *

(Речитатив)

Переборет и нас эта тихая жизнь.
Перевесит судьба, перевесет.
Перегонят года, перебьют стрижи,
Одолеет трава, одолеет.

Песня про подлодку

(Памяти погибшего экипажа подводного атомохода "Курск")

Скорбно

1. Пел под лодки стучит в мое сердце.

2. Павши елишь - я лежат в облаках.

4. В северном море, а некуда деться.

6. Команде - слышавший сигнал - рука.

8. Павши елишь - я... А некуда деться...

10. В курских местах уж отпел соловей.

12. В северном море на дне мое сердце.

14. Стучит все глуше, а души живей.

Пепел подлодки стучит в мое сердце.
Павшие листья летят в облака.
В северном море, - а некуда деться, -
Ком шелестящий сжимает рука.

Павшие листья... А некуда деться...
В курских местах уж отпел соловей.
В северном море на дне мое сердце.
Стуки все глуше, а души живей.

Как на ладони, по линиям жизни
Пепел подлодки стучит и стучит.
Русские мальчики - дети Отчизны.
Лист, зацепясь, одиноко висит.

В северном море не обогреться,
В волнах крутых коченеет страна.
Где-то на дне там лежит мое сердце.
Павшие листья уносит волна.

Максимова дача

Памяти жертв расстрелов
в гражданскую войну под Севастополем.



1. Мак-си-мо-ва да-ча, Ма-ла-хов кур-ган На под-сту-пах
близ-них и даль-них. И хо-дит мой конь по ши-ро-ким кру-
гам, Аж ро-зо-вы ноз-дри и кам-ни.

Максимова дача, Малахов курган
На подступах ближних и дальних.
И ходит мой конь по широким кругам,
Аж розовы ноздри и камни.

На розовом, розовом камне тесно.
Винтовка в руках, парабеллум.
Одно на Максимовой даче, одно -
И красным, и синим, и белым.

Лежат, синеглазые, смотрят на нас -
Смирненные, в вечном покое.
И конь спотыкается мой каждый раз
О синее море такое.

О самое синее в мире сейчас,
О Черное море такое.
Все конь спотыкается мой каждый раз
О племя страны молодое.

Графская пристань

(Застольная)



А осень, как сон.
Севастополь во сне
Скрип столлика. Графская пристань.
Не граф я, но кровь голубая во мне -
Ром крепостью градусов триста.

Спасай свою душу!
Балдей при луне!
Там - митинг, тут - дамы-графини.
И семьдесят пять уж гражданская войне,
И искры играют в графине.

Не граф я - от духа Толстого сюда,
С России, на Графскую пристань.
Бокал разбиваю за павших тогда
На "даче" на той каменистой!

Незримый хранитель могучему дан.
Но что-то в сознании брезжит:
«А если если опять на Малахов курган?
А кто ж его снова удержит?...»

Гудит Севастополь. Ром плещется в нас.
Все страхи, когда хоть устанем!
И морем качается «Красный Кавказ»,
И градусов триста в стакане.

Судьба-судьбинушка

Умеренно

3. Под и - вой под пла - ку - чей под мо - ло - денькой Под
 6 си - ним кам - нем, в серд - це Хо - му - го - во, Ле - жит ор - лов - ский ка - за - чок Во -
 9 ло - день - ка. Спит креп - ким сном у кра - е - шка кру - то - го. Ка -
 12 ки - е ко - ни ми - мо хлоп - ца ска - чут? Ко - го е - ще за стре - мя до - лом
 15 та - щат? У - шел в Чеч - ню пар - ниш - ка наш го - ря - чий, А
 18 из Чеч - ни до - мой вер - нул - ся спя - ший. Мы в чис - том по - ле во - лю
 22 и - шем. Где вся на кон - чи - ке клин - ка Судь - ба - судь - би - нуш - ка - судь -
 би - ша. Ли - ха - я до - ля ка - за - ка! Мы в чис - том по - ле во - лю
 26 и - шем. Где вся на кон - чи - ке клин - ка Судь - ба - судь - би - нуш - ка - судь -
 30 би - ша. Ли - ха - я до - ля ка - за - ка! Ли - ка!
 ха - я сла - ва ка - за - ка!

Под ивой под плакучей под молоденькой,
Под синим камнем, в сердце Хомутово,
Лежит орловский казачок Володенька,
Спит крепким сном у краешка крутого.
Какие кони мимо хлопца скачут?
Кого еще за стремя долом ташат?
Ушел в Чечню парнишка наш горячий,
А из Чечни домой вернулся спящий.

ПРИПЕВ:

Мы в чистом поле волю ищем,
Где вся на кончике клинка
Судьба-судьбинушка-судьбища,
Лихая доля казака.

Под ивой под плакучей под молоденькой,
В земле Орловской, в сердце Хомутово,
Лежат отцы и деды у Володеньки -
Все спящие, все имени святого.
Еще царь Петр Лексеич с Тиха Дона
Прислал сюда полки, как для щита.
Храня Москву, Расеи край исконый,
Кзаки не жалели живота.

ПРИПЕВ:

Мы в чистом поле волю ищем,
Где вся на кончике клинка
Судьба-судьбинушка-судьбища,
Лихая доля казака.

Под ивой под плакучей под молоденькой.
Под синим камнем, в сердце Хомутово,
Спи, казачок! Святой ты наш Володенька.
Спи, казачок! У краешка крутого.
Гей, кони, кони - рыжие, гнедые!
Гей, ввысь бунчук, наш грозный атаман!
Эй, запевай! Про ивы молодые,
Про казачка, уснувшего от ран.

ПРИПЕВ:

Мы в чистом поле волю ищем,
Где вся на кончике клинка
Судьба-судьбинушка-судьбища,
Лихая слава казака!
Лихая слава казака!

О, Русская земля!

Величаво, былинно

1. В не - бе, в не - бе ши - ро - ки - с крыль - я! В си - нем, в си - нем гла - за - уг - ли! Я - о - рел, пти - ца - царь, ор - лы мы
 4
 7
 11
 15
 Над сре - ди - ной Рус - ской зем - ли. О Рус - ская - я зем - ля!
 Ты у - же до хол - ма. Пя - ди, мать, не жа - ле - ешь са - ма.
 Низ - ко лет - им, не - ту мо - чн - Ста - ли до - ро - ги ко - ро - че.

В небе, в небе - широкие крылья!
 В синем, в синем - глаза-угли!
 Я - орел, птица - царь, орлы мы
 Над серединой Русской земли.
 О Русская земля!
 Ты уже до холма.
 Пяди, мать, не жалеешь сама.
 Низко летим, нету мочи -
 Стали дороги короче.

А ведь до Крыма вели - уводили.
 А ведь за Крымом была крома.
 Но с пятак уже мы, как и были.
 Над пятаком и грома, грома.
 О Русская земля! Ты уже до холма.
 Пяди, мать, не жалеешь сама.
 Низко летим, нету мочи -
 Стали дороги короче.

Взвейся! Чтоб в небе Орла удержало.
 Взъярься! Чтоб солнце Орлят нарожало.
 Чтобы нас боги несли и несли
 Над просторами Русской земли!
 О Русская земля! Ты уже до холма.
 Пяди, мать, не жалеешь сама
 Низко летим, нету мочи -
 Стали дороги короче.

Алмаз

Легко

1. В сво - их пес - но - пень - ях за Русь по - сто - ю. Сво -

7
и пес - но - пень - - - я по - ю. Ал - маз сто - ка -

13
рат - ный - на сто рас - ко - лю И лю - дям и -

19
ду. раз - да - ю. По - про - буй соб -

24
рать те ка - ра - ты в ал - маз. Вер -

29
нет - ся ль на - зад фи - о - ле - то - вость глаз?

В своих песнопеньях - за Русь постою.
Свои песнопенья - пою.
Алмаз стокатный - на сто расколю
И людям иду, раздаю.

Алмаз стокатный - бегущий поток
Я сквозь фиолетовость глаз разглядел.
Когда заалет на лоне Восток,
Алмаз стокатный останется бел.

Он бел, мой алмаз, мой великий кристалл,
Как чистая-чистая, белая Русь.
В алмаз стокатный, как только устал,
Так я многократно ложусь.
Попробуй собрать те караты в алмаз.
Вернется ль назад фиолетовость глаз?

Черная вуаль

С грустью



1. Уж не за - лет - ся Рос - си - я гар - мо - ня - ми.



5 Как - то по - ди - ко - му кы - чет со - ва.



9 Все про - ку - ти - ли мы, все про - во - ро - ни - ли.



13 О - лу - сто - ши - ли свя - ты - е сло - ва.



17 Бы - ло ль бы - ло - е да жи - ли иль не жи - ли.



21 В прош - лом ка - кой - то кро - ва - вый ту - ман.



25 Как же се - бя мы ил - лю - зи - ей не - жи - ли.



29 Как на сплюш - ной по - па - да - лись об - ман.

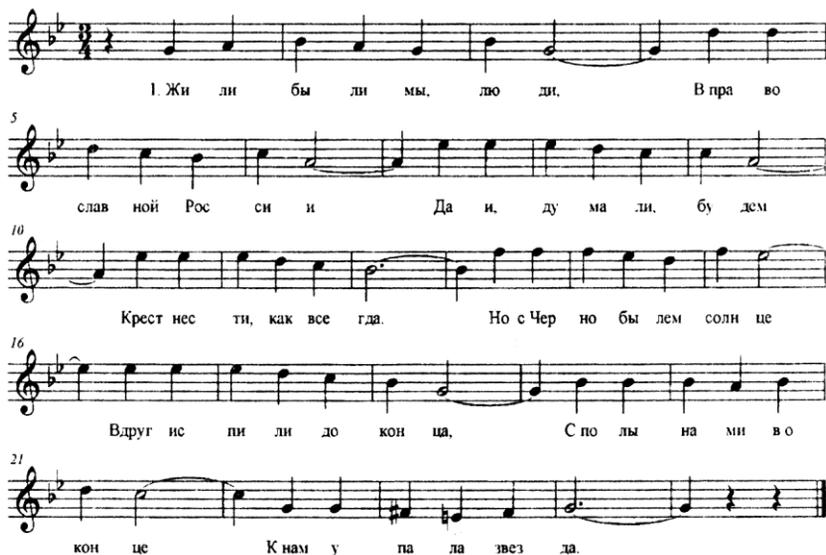
Уж не зальется Россия гармониями.
Как-то по-дикому кычет сова.
Все прокутили мы, все проворонили,
Опустошили святые слова.
Было ль былое да жили иль не жили;
В прошлом какой-то кровавый туман.
Как же себя мы иллюзией нежили,
Как на сплошной попадались обман.

Как нас на Север свозили вагонами.
Как по теплушкам сгорали дотла.
Вот за такими стальными прогонами
Дама пиковая вкось и легла.
Так и останусь, наверное, в меченых.
На ночь опять же разводят мосты.
Снова калечат уже покалеченных:
Кто-то - в Париж, а кого-то - в Кресты.

Силы небесные душу рисковую
Розгами молний секут пополам.
Синими брызгами даму пиковую -
Вас, как в шампанском, купают, мадам!
Круглая-круглая, - от постороннего
Черной вуалью укрыта луна.
Все прокутили да все проворонили,
А ведь Россия, простите, одна!

Забытые хутора

Умеренно, повествовательно



1 Жи ли бы ли мы, лю ди, В пра во
 5 слав ной Рос си и Да и, ду ма ли, бу дем
 10 Крест нес ти, как все гда. Но с Чер но бы лем солн це
 16 Вдрус испи ли до кон ца, С по лы на ми в о
 21 кон це К нам у па ла звез да.

Жили-были мы, люди,
 В православной России
 Да и, думали, будем
 Крест нести, как всегда.
 Но с Чернобылем солнце
 Вдруг испили до конца,
 С полынами в оконце
 К нам упала звезда.

Мы на гнездах сидели.
 Мы взлететь не успели.
 Как грачи, почернели
 Тут в шафрановой мгле.
 Мы чего ожидаем?
 Уж на юг не летаем.
 Все гробы забываем
 На родимой земле.

Еще свадьбы играют,
 Еще церкви сияют.
 Купола обжигают
 Дух святой в небеси,
 А уж тут вымирают,
 Нами рай заселяют.
 Пустырями зияют
 Хутора по Руси.

Мимо нас караваны
Пролетают гортанны.
И зовут за туманы —
На красивую жизнь.
Мы еще напоемся,
Новых песенждемся!
Навсегда остаемся
Там, где мы родились!

Доживем еще, люди
И воспрянет Россия!
Воскресятся из буден
Села и города.
Верю-вижу ночами,
И над нами — грачами —
Вознесется лучами
Золотая звезда.

...Мы на гнездах сидели,
Мы взлететь не успели,
Как грачи, почернели
Тут в шафрановой мгле.
Мы с Чернобылем квиты.
Спим, травой перевиты,
Мы давно уж забыты
На родимой земле.

Кукушкины дожди

С лёгкой грустью

1 Неж - ный-неж - ный, теп - лый-теп - лый дождь. Шел - ковый, как

6 пух ку - куш - кин, дож - дик. Ми - лый мой, за - чем же ты и -

11 **Припев**
дешь, А не та, ко - го же - ла - ю с дрожь - ю? Ку -

17 куй. ку - куй, ку - куш - ка кру - го - ва - - - - я! На

21 зорь - ке на ве - чер - ней на хмель - ной. По - о - башаймне

26 счасть-я, до - ро - га - я. По - го - во - ри, по - го - во - ри со

31 мной. По - го - во - ри, по - го - во - ри со мной.

Нежный-нежный, теплый-теплый дождь.
Шелковый, как пух кукушкин, дождик.
Милый мой, зачем же ты идешь,
А не та, кого желаю с дрожью?

ПРИПЕВ:

Кукуй, кукуй, кукушка круговая!
На зорьке на вечерней на хмельной.
Пообещай мне счастья, дорогая.
Поговори, поговори со мной.

Нежный-нежный, то не дождь, не дождь -
Шелковые, медленные руки.
Милая, зачем ты их кладешь
Мне на плечи - колдовские звуки?

ПРИПЕВ:

Кукуй, кукуй, кукушка круговая!
На зорьке, на вечерней, на хмельной.
Пообещай мне счастья, дорогая,
Поговори, поговори со мной.

Мягкий-мягкий, теплый-теплый дождь.
Шелковый, как пух кукушкин, дождик.
Милый мой, когда опять придешь
В сердце мое милостию божьей?

ПРИПЕВ:

Кукуй, кукуй, кукушка круговая!
На зорьке на вечерней на хмельной.
Пообещай мне счастья, дорогая.
Поговори, поговори со мной.

Тонкая яблоня

Ласково

1. Поса-дил я яб - ло-ню пря-мо под окном, По-ли-вал во-до-ю клю-че- вой.

5
Вы - рос-ла, вы - рос-ла, за - те-ни-ла дом, За-пле-ни-ла радостью жи-вой.

9
Ка - тит-ся, ка - тит-ся я-блочко мо-е По до-рож-ке торной, лу-го-вой.

13
Реприза для последнего куплета, для слов "Тоненькая..."

Сол - ныш - ко, сол - ныш - ко - крас - но - е шить - е.

15
За-ка-тилось я-блочко в не-го. За - ка - ти-лось я - блоч-ко в не - го.

Посадил я яблоню прямо под окном,
 Поливал водою ключевой.
 Выросла, выросла, затенила дом,
 Запленила радостью живой.
 Катится, катится яблочко мое
 По дорожке торной, луговой.
 Солнышко, солнышко - красное шитье.
 Закатилось яблочко в него.

Пролился над яблоней нехороший дождь,
 Прогремела черная гроза.
 Дождик-то, дождик-то - чем он не хорош?
 Чем горька слезинюшка-слеза?
 Облетела яблонька под моим окном,
 Не дождалась часу своего.
 Горестно душеньке, опечален дом
 От дождя плохого одного.

Тоненькая-тонкая, вся перед тобой,
 Негасима радостью живой.
 Яблоньку милую заслону собой,
 Отолью водою ключевой.

Три сестры

Спокойно

1. Путник ты, и я всегда с тобой. Ты устал от тягот и дорог. Если вдали ведет тебя Любовь, Значит, ты, мой друг, не одинок.

Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал от тягот и дорог.
Если вдали ведет тебя Любовь,
Значит, ты, мой друг, не одинок.

Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал от всех своих тревог.
Если Верой держится Любовь,
Значит, ты, мой друг, не одинок.

Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал в пути и занемог.
Но живет Надеждою Любовь,
Значит, ты, мой друг, не одинок.

Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал от тягот и дорог.
Три сестры сжимают посох твой,
Значит, ты, мой друг, не одинок.

Лох-несс

С движением

1. Мелькнет и исчезнет удача твоя. Как

3 спинка Лох-несс, как морская змея. Мельк-

5 нет и исчезнет на озере том. А тайна останется.

8 *Конеч* Дело не в том. А дело, а дело совсем ведь не в том. Что

11 кто-то кого-то ударил кнутом. Не в том, что на место ка-

14 ко-то село. А в том, что Лох-несс от души пожалел.

Мелькнет и исчезнет удача твоя,
 Как спинка Лох-несс, как морская змея
 Мелькнет и исчезнет на озере том,
 А тайна останется. Дело не в том.

А дело, а дело совсем ведь не в том,
 Что кто-то кого-то ударил кнутом -
 Не в том, что на место какое-то село,
 А в том, что Лох-несс от души пожалел.

Подводная лодка или батискаф,
 Пусть "белые пятна" останутся, граф.
 Пусть чудеса морские в озерах живут,
 Пусть тайны мирские зовут и зовут.

Двойники

Умеренно

1. На до мно ю про плы ва ют о бла ка.
7 Во пло ща ют ся в ме ня мо и ве ка.
13 Я по ю, а Брей гель стар ший Мне на шеп ты
19 ва ет мар ши. Все сло ва жи во пи
24 су ет свы со ка.

Надо мною проплывают облака.
Это длится уже годы и века.
Жил когда-то Брейгель-старший,
Я - братишка его младший,
Я - двойник его, на мне его рука.

Наши годы коротки и велики.
Я узнал, что существуют двойники.
В той же Бельгии когда-то
Жил художник, вроде я там
Делал маслом свои первые мазки.

Надо мною проплывают облака.
Воплощаются в меня мои века.
Я пою, а Брейгель-старший
Мне нашептывает марши,
Все слова живописует свысока.

Хорошо, что существуют двойники.
Поживем, хотя и годы коротки.
Где ты, мой братишка младший,
На сонет мой, чуть увядший,
Ты положишь свои свежие венки.

Шагреновая кожа

Умеренно

1. Стра - да - ю, как у - хо - дят дни. Как про - ле - та - ет вре - мя,
Бо - же! Все до ми - ну - ты, все о - ни Мо - я шаг - ре - ис - ва - я
ко - жа. Мо - я шаг - ре - ис - ва - я ко - жа. 2. Найди ко - - - жа.

The musical score is written in treble clef with a common time signature (C). It consists of three staves. The first staff begins with a repeat sign. The second staff starts with a fermata over the first measure. The third staff includes first and second endings, indicated by brackets and numbers 1 and 2.

Страдаю, как уходят дни.
Как пролетает Время, боже!
Все до минуты, все они -
Моя шагреновая кожа.

Найти слова, свои слова.
Без них мир просто невозможен.
Пока она еще жива -
Моя шагреновая кожа.

По дню за строчку?
Вот я, на!
Режь по живому, сколько можешь!
И сокращается она -
Моя шагреновая кожа.

А ведь единственна, одна.
Уже с ладонь, а дышит все же.
И в этом вся она, она -
Моя шагреновая кожа.

Голубое и зелёное

Сдвижением



1. Я хва - та - ю с не - бес у - бе - га - ю - щий мгн

7



И са - жа - ю на де - ре - во сле - ту.

14



Я люб - лю мой зе - ле - ный бе - ре - зо - вый стнх

20



И мо - ю го - лу - бу - - - ю ра - бо - ту.

26



Вы - со - ко - вы - со - ко на - до мной не - бе - са.

32



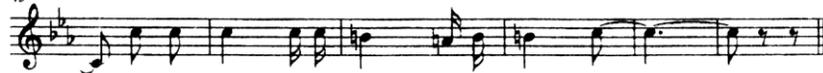
Го - лу - бо - - с хмель - но и без - дон - но.

37



Я зе - ле - ны - е слы - шу все - бе го - ло - са.

43



Из ме - ня вы - пи - ра - ют и - кон - но.

Я хватаю с небес убегающий миг
И сажаю на дерево слету.
Я люблю мой зеленый березовый стих
И мою голубую работу.

Высоко-высоко надо мной небеса,
Голубое хмельно и бездонно.
Я зеленые слышу в себе голоса,
Из меня выпирают иконно.

Голубое до неба - моя вертикаль,
А зеленое - по горизонту.
Сквозь меня этот крест, через сердце эмаль.
Фаберже, что ли, по Геллеспонту.

Мое сердце возьмет голубой океан
И вернет его мне золотое.
Под березой сижу я, задумчивый Пан,
И любясь и ей, и собою.

Зелёные глаза

Подвижно, певуче



1. Сво-и - ми я зе - ле - ны-ми гла - за - ми Гля-жу на



ми - ра вся - чес-кий о - крас. Сс-бе по - го - ду



де - ла-ем мы са - ми, И что по - го - да де - ла - ет из



нас? Ста-ре-ем мы, спол - на да - ет-ся сла - ча. Вис-ки бе -



ле - ют, как при - ме - та лет. Не по - ки -



дай ме - ня, мо - я у - да - ча. Не вы-цве - тай ты.



мой зе - ле-ный цвет. лё - ный из ог - ней.

Своими я зелеными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.
Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?
Стареем мы, сполна дается сдача.
Виски белеют, как примета лет.
Не покидай меня, моя удача.
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами,
И что с того - она не человек.
Стареем мы, сполна дается сдача.
Сказал словечко молодой поэт.
Не покидай меня, моя удача!
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Мы все уйдем, уходим понемногу.
Да не спешите ж нас толкать туда!
Проходит день за днем - и слава богу.
Приходит ночь - и это не беда.
Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней!

Зеленя

Легко

1. Сне говь е о бой мет. и с зе ле ных по
 лей По не сет ме ня к Солн цу в за
 вст ны е да ли. Я и ду, я и
 ду ве тер зле е и злей. Мы гор
 лас тей с ще не ви да ли!

Снеговые обоймет, и с зеленых полей
 Понесет меня к Солнцу в заветные дали.
 Я иду, я иду - ветер злее и злей,
 Мы горластей еще не видали!

Норовит под кожанку, в теплушку залезть -
 Застудить, опрокинуть, закинуть в курганы.
 Обопруся о дуб, - уж такие мы есть.
 Переждем, перебесятся старые раны.

Те поля уж не пашут, а те зеленя
 Уж, наверно, последние, - экое дело!
 Бурьяны, бурьяны ободрали меня,
 Когда шел, где, бывальчя, греча кипела.

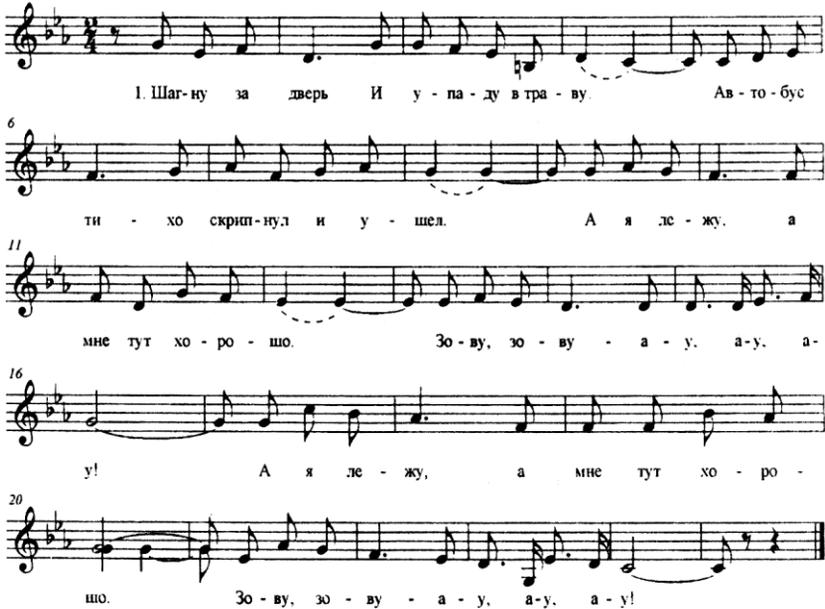
Привезут из-за моря, и горяшко с плеч.
 Перемелют - и крышка, без всякой мороки.
 Променяют на хлеб нашу русскую речь
 Да еще и чужие подсунут пороки.

* "Зеленя" - слово, введенное в оборот речи Тургеневым.

Ветер рвет кожанок со плеча моего.
Посижу у костра, пошаманю на тризне.
Натерпелись за жизнь, навидались всего —
Зеленя, зеленя, зеленя по Отчизне.

Моя деревенька

Не спеша



1. Шаг-ну за дверь И у - па - ду в тра - ву. Ав - то - бус
 6 ти - хо скрип-нул и у - шел. А я ле - жу, а
 11 мне тут хо - ро - шо. Зо - ву, зо - ву - а - у, а-у, а -
 16 у! А я ле - жу, а мне тут хо - ро -
 20 шо. Зо - ву, зо - ву - а - у, а-у, а - у!

Шагну за дверь и упаду в траву.
 Автобус тихо скрипнул и ушел.
 А я лежу, а мне тут хорошо.
 Зову, зову - ау, ау, ау!

За рощей и родная деревенька.
 Дворы мои, затерянная Русь.
 Вот постою, передохну маленько,
 А там уж как-нибудь и доберусь.

Рюкзак дай сброшу, дух переведу.
 "Прешпекты" гладки - жизнь на них крутая.
 Иду, иду - ран в душе летают,
 Концы с концами в мыслях не сведу.

И гром по мне, и пробегают блики.
 И пятки в кровь, татарник подо мной.
 А предо мной все пращурь, все лики,
 Все сотни лет на ниточке одной.

Встречай меня, затерянная Русь!
 В окошко стукну: "Как оно живется?"
 И каждый раз, как только доберусь,
 Боюсь, вдруг радость эта оборвется.

Кленки на берегу

Спокойно

1. Клен ки на бе ре гу всем серд цем бе ре гу. Все жду те бя у
3 клс на я. Вы со ка я тра ва, лю би мы е сло ва, Тво и гла за зс
7 1. лс ны с. Вы со ка я тра 2. лс ны с.

The musical score is written on a single treble clef staff with a key signature of one flat (B-flat) and a common time signature (C). It consists of three lines of music. The first line starts with a treble clef, a key signature of one flat, and a common time signature. The melody begins with a quarter note G4, followed by quarter notes A4, Bb4, and C5. The second line continues the melody with quarter notes D5, E5, F5, and G5. The third line starts with a quarter note G5, followed by quarter notes F5, E5, and D5. The score includes lyrics in Russian and a repeat sign with two endings.

Кленки на берегу всем сердцем берегу.
Все жду тебя у клена я.
Высокая трава, любимые слова,
Твои глаза зеленые.

Хожу сюда под тень всю осень каждый день
Все жду тебя у клена я.
На золоте стою про золото пою
В твои глаза зеленые.

Кленки на берегу всем сердцем берегу.
Все жду тебя у клена я.
Так дай же мне ответ, ты любишь или нет
Мои глаза зеленые?

Орловчанка

Темп вальса



1. Не спе - ши ко мне, не спе - ши Со сво - е - ю пре - крас-ной у -



7 улыб-кой. Не пи - ши мне пись - ма, не пи - ши, Был о -



13 шиб - кой тот день, был о - шиб-кой. Не ле - ти со сму - щен-ной ду -



19 шой. Не фран - цу - жен - ка, не ан - гли - чан - ка. Мне и



25 так без те - бя хо - ро - шо. До - ро - га - я мо - я ор - лов - чан-ка.

Не спеши ко мне, не спеши
Со своею прекрасной улыбкой.
Не пиши мне письма, не пиши,
Был ошибкой тот день, был ошибкой.

Не стучи каблучком, не кричи
С полохапкой персидской сирени.
Помолчи у свечи, помолчи,
Прикрывая рукою колени.

Не лети со смущенной душой, -
Не французенка, не англичанка, -
Мне и так без тебя хорошо,
Дорогая моя орловчанка.

Не врывайся ко мне, не грешни,
Как в Японии где-то цунами.
Не пиши же письма, не пиши,
Пусть останется тайное с нами.

У Каховки, задумчив, стою.
Размышляю: а где же тачанка?
Без винтовки сражен я в бою,
Дорогая моя орловчанка.

Александровский мост

Романтично

1. Го - род - пти - ца, а мост не - под - ви - жен. Две ре -

5

ки, два мос - та, два кры - ла. Тут взле - тел, о - чу -

10

тил - ся в Па - ри - же. А - лек - сан - дров - ский мост из Ор -

15

ла. А - лек - сан - дров - ский мост, А - лек - сан - дров - ский

20

мост. Под мос - та - ми то Ор - лик, то Се - на. Пе - ре -

25

пу - та - на жизнь - то фран - цуз, а то росс, А - лек - сан - дров - ский

30

мост не - из - мен - но.

Город-птица, а мост неподвижен.
Две реки, два моста, два крыла.
Тут взлетел, очутился в Париже.
Александровский мост из Орла.
Александровский мост, Александровский мост.
Под мостами то Орлик, то Сена.
Перепутана жизнь - то француз, а то росс,
Александровский мост неизменно.

Назначаю свиданье тебе у моста, -
Александровский мост, Александра.
Позабыл, в каком городе эти места.
Где вы ждете меня, Леонарда.
Александровский мост, Александровский мост.
Звезды реют в беззвучном полете.
Я в Париже ищу злато ваших волос,
А вы тут, у моста, меня ждете.

Александровский мост, Александровский мост,
Александра со мной неизменно.
Под мостами течет солнце ваших волос, -
Славен Орлик, божественна Сена.

Улица Латышских Стрелков

(Песня второго училища)

1. У - чи - ли - ще на - ше - ра - бо - ча - я сме - на. На у - ли - це
на - шей Ла - тыш - скихСтрел - ков. Мы герб вы - ре -
за - см из кле - на от - мен - но. Под гер - бом Ор -
ла и ле - тим вы - со - ков. Мы герб вы - ре - ков. _____

Училище наше - рабочая смена,
На улице нашей Латышских Стрелков.
Мы герб вырезаем из клена отменно.
Под гербом Орла и летим высоко.

Мой русский характер горячий, не скрою!
Талант не зарюю свой, не затаю!
Славянские корни, я строю, я строю
В Орловском краю деревеньку свою.

Мы будем учиться, нам нравится это.
Мы будем влюбляться с тобой наяву.
Я вырежу солнце, я выкрашу лето
И жить в деревеньку свою позову.

Мой русский характер горячий, не скрою.
Талант не зарюю в тумане веков.
Да здравствуют руки, которыми строю,
И улица наша Латышских Стрелков!

Качели

Темп лёгкого вальса

1. Лю бу ю бе ду а ле чи на хо
 4 ду. Та ка я в Ор ло вс при ме та.
 8 Ка чай тесь. ка че ли. у нас в гор са
 12 ду. Ка ко му лет двес ти уж где то!

Любую беду а лечи нахожу,
 Такая в Орлове приметя.
 Качайтесь, качели, у нас в горсаду,
 Какому лет двести уж где-то!

Под ручку ходили напару сюда
 Дворяночки сладкие летом.
 Тут пели романсы свои господа,
 А бось отвечала куплетом.

Губернское братство стекает рекой,
 И вся Монастырка при этом.
 Качайтесь, качели, над синей Окой!
 Крутись, голубая планета!

Качайтесь, качели, несите меня
 Все выше и выше, до неба!
 Увижу Орловщину - грохнусь с коня
 На волны могучие хлеба.

Качайтесь, качайтесь, качайтесь все!
 Несите по небу, качели!
 На чертовом вместе летим колесе,
 А вы бы чего бы хотели?

На прекрасной голубой Оке

Художнику Олегу Маслову - под "Липой вековой",
(вакхическая песня)

Свободно, импровизационно

1. На пре - крас - ной го - лу - бой О - ке Мы си - дим втро -

3
см. ста - кан в ру - ке. И шу - мит вол - на, хмель - на.

8
Как в ста - кан глоток ви - на. И си -

13
дит - ся хо - ро - шо на ре - ке.

В первом куплете пропустить

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна.
Как в стакан глоток вина,
И сидится хорошо на реке.

Мы втроем сидим и пьем.
Говорим о дне своем,
И течет река, хмельна.
Бесконечна глубина,
Далеко еще до дна,
Обмывайся, моя книга, мой том!

Соловей на бреге том,
И ему чуть-чуть нальем.
И плывет душа, хмельна.
Далеко еще до дна,
Бесконечна глубина,
Обмывайся, моя книга, мой том!

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна,
Зачерпни еще со дна,
И сидится хорошо, как в шинке.

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И течет Ока, хмельна.
По глотку в стакан вина.
Как сидится хорошо на реке!
И течет река, хмельна.
По глотку в стакан вина,
Как сидится хорошо на Оке!

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна.
Как в стакан глоток вина,
И сидится хорошо на реке.

Мы втроем сидим и пьем.
Говорим о дне своем,
И течет река, хмельна.
Бесконечна глубина,
Далеко еще до дна,
Обмывайся, моя книга, мой том!

Соловей на бреге том,
И ему чуть-чуть нальем.
И плывет душа, хмельна.
Далеко еще до дна,
Бесконечна глубина,
Обмывайся, моя книга, мой том!

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна,
Зачерпни еще со дна,
И сидится хорошо, как в шинке.

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И течет Ока, хмельна.
По глотку в стакан вина.
Как сидится хорошо на реке!
И течет река, хмельна.
По глотку в стакан вина,
Как сидится хорошо на Оке!

Червоная свеча

Умеренно скоро, свободно



От глав - ной пло - ща - ди Ор - ла Две у - ли - цы, как два лу -



ча. Две вол - хо - вы, сквозь го - род про - ре за - ясь.



И зо - ло - ты - е ку - по - ла Чер - во - на зо - ло - та све -



ча Го - рит в серд - цах, по двум лу - чам пе - ред - ви - га - ясь.



Од - ним лу - чом - с хол - ма ту - да. Вниз по буль - ва - ру, ка - ба -



кам. В храм на Пес - ков - ской, в зла - то - гла - вость у - пи - ра - юсь.



Я чу ста - рин - ны е го - да, Кра - си - во тут, кра - си - во



там. Как по вес - не, как в ти - ши - не трс - во - жит за - вяжь!

От главной площади Орла -
Две улицы, как два луча,
Две волховы, сквозь город прорезаясь,
И золотые купола -
Червона золота свеча
Горит в сердцах, по двум лучам передвигаясь.
Одним лучом - с холма туда,
Вниз по бульвару, кабакам,
В храм на Песковской, в златоглавность упираюсь.
Я чту старинные года,
Красиво тут, красиво там.
Как по весне, как в тишине тревожит завязь!

Другим лучом с холма на холм,
На кафедральный шпиль, собор,
На острие его ложусь и замираю.
Здесь бой курантов и "Бристоль",
Как изумителен обзор!
У края моря тут стою и припадаю.
На двух лучах вальс "При свечах",
Как все в Орле, на двух лучах.
Со временем никак не успокоюсь.
Роман давно бы мой зачах,
Но на устах, но на плечах
Все эта нескончаемая повесть.

Роман я с городом кручу,
А на устах... молчу, молчу...
Не до столиц нам с лоском их и блеском.
Несу червоную свечу
И не столичности хочу,
А все-таки как где-нибудь на Невском.
От главной площади Орла -
Две улицы, как два луча.
Две волховы, две волховы, две волховы.

Бристоль

(песня про жеребенка)

Широко

1 Как вый - ду за го - род в степ - но - е раз - доль - е, В зе - ле - но - е
6 по - ле - про - стор - но - то как! Так серд - це о - ка - тит Рос - си - ей, лю -
12 бовь - ю. На хлеб - ны - е вол - ны на - бро - шу пид - жак. И
17 vro - де не Нель - сон ведь, не и - но - стра - нец. И бред - ней чу -
22 жих не при - му за ко - ня. А ве - ки при - кро - ю - "де - ту - чий гол -
28 **Припев**
лан - дец" По гла - зу, по гла - зу ко - пы - томв ме - ня! На
33 па - ру - се бе - лом мне лю - бо ка - чать - ся Да и - скрой из
38 глаз о - сы - пать бе - ре - га. За - ржет же - ре - бе - нок - гор - лас - тый, чер -
44 те - нок! И я е - му в го - лос - а - га!

Как выйду за город, в степное раздолье,
В зеленое поле - просторно-то как!
Так сердце окатит Россией, любовью, -
На хлебные волны наброшу пиджак.
И вроде не Нельсон ведь, не иностранец,
И бредней чужих не приму за коня,
А веки прикрою - "летучий голландец"
По глазу, по глазу копытом в меня!

ПРИПЕВ:

На парусе белом мне любо качаться
Да искрой из глаз осыпать берега.
Заржет жеребенок - горластый, чертенок!
И я ему в голос, ага.

Иду на рассвете в Орле из "Бристоля",
Такой опустелый, мощной не звеня.
Когда же, когда же, мое золотое,
О поле родное, накормишь меня?
Как выйду за город, в степное раздолье, -
Такой бесприютный, затисканный весь,
Так сердце окатит Россией, любовью, -
И, значит, мы живы, и, значит, мы есть.

ПРИПЕВ:

Качайся, пиджак, на колосьях зеленых!
И ты, колыбель моя, вы - берега!
Заржет жеребенок - талантлив, чертенок!
И я ему в голос, ага.

Горлинка

С печалью



1. Как при-е-ду в го-ро-док свой ма-лень-кий. в Ма-лый Ар-хан-гельск
на свя-той Ру-си. рас-це-тёт в ду-ше цве-то-чек а-лень-кий.
Бо-га о чём-ни-будь по-про-си. Гор-лин-ка, гор-лин-ка -
пти-ца не-у-да-ла-я. на бе-рё-зу ся-дет под мо-им ок-ном.
За-по-ёт. за-у-ха-ет - пес-ня за-поз-да-ла-я. В гор-ле ос-та-но-вит-ся.
на серд-це мо-ём. Окончание Мой цве-то-чек а-лень-кий, цве-ти!

Как приеду в городок свой маленький,
В Малый Архангельск на святой Руси,
Расцветёт в душе цветочек аленький,
Бога о чёмнибудь попроси.
Горлинка, горлинка - птица неудалая,
На берёзу сядет над моим окном.
Запоет, заухает песня запоздалая.
В горле остановится, на сердце моём.

Как взгляну на местность небогатую -
Песня жутковата, улица пуста.
Горлинку сизую, птицу диковатую
Приютили милые места.
Горлинка, горлинка - птица неудалая,
На берёзе ухнет, как из-под земли.
Русь моя великая, сторона бывалая -
Ну кого ещё сегодня отнесли?

Как приеду в городок свой стольнянский,
В Малый Архангельск на святой Руси,
 Попрошу я боженку, попрошу я горлинку,
 Отдохни маленько, пой - не голоси.
 Горлинка, горлинка - птица судьбоватая,
 Не вешуй нам, мимо пролети.
 По-за каждым окнушком, над любою хатою,
 Мой цветочек аленький, свети.

Орлиная земля

С движением



1. Кле-но - вый лист в хол-мах и пе-ре - лес - ках, а по хол - мам рас - ки-ну-ты кры-



ла. Я здесь жи - ву, мо-е родно-е ме-сто под серд-цем у дер-жав-но-го ор-



ла. Взгля-ну на Се - вер-русски-е сто - ли-цы, шаг-ну на Юг - все русски-е кра-



я. А тут мой дом, Ор-ел мой тут гне - здит-ся, лю - бовь мо-я, Ор-тов-щина мо-



я. К звез-де сво-ей за ту - че-ю - Ор - лы - лотям над кру - че-ю.



Си - ре-не - вы, за - думчи - вы по - ля. Ор - ли - на - я, бы - лин - на - я. Род -



на - я се - ре-дин - на - я - ко - рен-на - я рус - ска - я зсм - ля.



Русь - ми-ла - я мо - я, Русь - от-чи - с кра - я Ключ - сня-я О - ка.

Конец



Кленовый лист в холмах и перелесках,
А по холмам раскинуты крыла.
Я здесь живу, мое родное место
Под сердцем у державного орла.
Взгляну на Север - русские столицы,
Шагну на Юг - все русские края.
А тут мой дом, Орел мой тут гнездится,
Любовь моя, Орловщина моя.

Вновь облетают вековые клены.
Кладу листок кленовый на ладонь.
Прожилки, совместясь, в душе влюбленной
В который раз вдруг высекут огонь.
Сжигало нас и в осенях, и в войнах.
Но Русь стоит, живет, как и жила.
Все золотеет мой вечнозеленый,
Все в синеве орлиные крыла.

ПРИПЕВ:

К звезде своей за тучею -
Орлы - летим над кручею.
Сиреневы, задумчивы поля.
Орлиная, былинная.
Родная серединная -
Коренная русская земля.
Русь - милая моя,
Русь - отчие края.
Ключ - синяя Ока,
Солнце размыкает облака.
Тут - все мои друзья
Тут - все мои дела,
Тут - вся моя семья
На широких крыльях у орла.

ПРИПЕВ:

К звезде своей за тучею -
Орлы - летим над кручею.
Сиреневы, задумчивы поля.
Орлиная, былинная,
Родная серединная -
Коренная русская земля.
Русь - милая моя,
Русь - отчие края.
Ключ - синяя Ока,
Солнце размыкает облака.
Тут - все мои друзья,
Тут - все мои дела.
Тут - вся моя семья
На широких крыльях у орла.

(Петь на мелодию припева)

К звезде своей за тучею -
Орлы - летим над кручею.
Сиреневы, задумчивы поля.
Орлиная, былинная -
Родная серединная -
Коренная русская земля.
Орлиная, любимая,
Моя неповторимая -
Коренная русская земля, } 2 раза
Коренная русская земля.

ПЕСНИ
ИЗ МУЗЫКИ МОИХ И
АВТОРСКИХ СЛОВ

Елисеевское поле

Пахали поле, выпавав останки
Солдата погребенного войной.
Дрожали письма на руках крестьянских,
Полуистлели, сделались трухой.

Но имя это все же сохранили.
«В.Елисеев»... Восемнадцать лет...
На нем же рожь могучую косили,
В любви встречали не один рассвет.

Скорби же, Елисеевское поле,
Простреленная русская земля!
Не будь тебя еще какой бы доли
Хлебнули Елисейские поля!

Алешня

Алешня в пойме, травяной настой.
Страна раки в березовом краю.
Купался тут когда-то Лев Толстой,
И я в воде по самую шлею.

Я — русский конь в упряжке ременной.
Воз с переметом затянуло в речку.
Какой там пряник, кнут вневременной!
Как дернут — оборвут, боюсь, уздечку.

Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться.
Пока мы живы, Бога не гневи!
Пока мы тут, что нам Босфор и Ницца!

По всей Алешне от берез светло,
По всей долине тянется туман.
Неси, Алешня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан.

Яблочный Спас

Тук-тук, тук-тук,
Тук-тук, тук-тук...
Яблоки падают, падают сами.
Где-то поблизости дятел стучит.
Малоархангельск живет голосами,
Материн сад в моем сердце звучит.
Звуки немерены. Звезды бездонны, —
Преображаются в Яблочный Спас.
Где-то в Осетии падают бомбы.
Что же ты, Спас, тишину там не спас?
Ежик по яблоку носит, по ноте
В песню про август, про Яблочный Спас.
Век двадцать первый. Весь мир мироточит,
Преображенными делает нас.
Яблоки, яблоки падают в осень.
Трель мимолетную дятел строчит.
В Малоархангельске с облака впросинь
Песня дождя все смелее звучит.
Тук-тук, тук-тук.
Тук-тук, тук-тук...

«Журавли колесом!»

(осенний вальс)

Две березы за хатой моей деревенской.
Шорох жоравлей с неба, золоченые синь-купола.
Осень-осень в сторонущке нашей амченской,
Что-то жуткое в этом концерте-гала.
Всего семеро в нити, перетянутой кликом,
Величаво летят над моей головой.
А, бывалыча, клином проходят великим,
Оглашая окрест серебро над молвой.
«Журавли колесом!» — им вослед тут кричали,
Возвращая обратно, проявляя желанье и пыл.
Ведь кого-то встречали и кого-то венчали.
Кто-то где-то кого-то когда-то любил.
Что случилось? Кто выпал из мистерии клина?
Завернулась струна острым в сердце мое.
Не катит колесо, как бывалычо. длинно.
Да и кратко уже откатило свое.
Две березы за хатой моей деревенской,
Ледяные, стоят, в чем их матушка Русь родила.
Вот уже и декабрь в этой теме осенней амченской.
Серебро на висках в этом жутком концерте-гала.

Утренняя песня

(Белый вальс)

Белые снега пали на озими
Да на озера-глаза.
Капала, капала доземи, доземи
Песнь лебединая, капля-слеза.
Грезилась, грезилась, милая, милая.

Голос венчал образа.
Капала первая — неутомимая,
Капала первая — неутолимая,
А за второй надвигалась гроза.
Ветры жестокие путали волосы,
Тешились, душу губя.
Брались с пшеничного спелого колоса
И возносили на тучи себя.
Полюшко русское, Русь-несмеяна
Жизни дороже, а мне невдомек.
Утро снимало звук с кнопок баяна
И зажигало, и зажигало, и зажигало Восток.
Утро снимало звук с кнопок баяна
И пробуждало Восток,
И пробуждало восторг.

Синеглазая

(Весенний вальс)

Увижу синеглазую
Под вечер голубой
В косыночке-то газовой,
Как облак над собой.

Возьму родную, русскую
За талию за узкую.
Косынка пала с плеч,
Да как ее сберечь?

От вешней бури Русь мою
Укрой, спаси нас, Бог.
Пойдем под ручку с чувствами
Размывами дорог.

И любитя, и плачется,
И песне далеко.
Весь путь наш обозначится,
И так легко, легко.

Легендарный городок

(Малоархангельск)

Малый, без трамвайчиков обходится
Тихий легендарный городок.
Грудью нас закроет Богородица,
Если враг к нам ступит за порог.
Весь в легендах. Путаем обличье:
Пушкин — ревизор. а я — Карузо.
А Гринев — наш мэр был, городничий, —
Так Герой Советского Союза.
Тетя моя — первый председатель.
Мир тогда в руинах весь лежал,
Я еще ее и свою матерь
В героизме не осознавал.
Все обсудят тут — по всей России,
Кое-что прибавят от себя.
В легендарной, творческой стихии
Я и рос тут, истину любя.
Только мать, бывало, скажет: «Боже!
Знаешь много — ну и помолчи».
И как камень на душу положит:
«А не то пойдешь на кирпичи».
Третий по значенью за войну,
А о нем как будто в рот воды.
Все мы у забвения в плену,
Все мы маловаты — степь, деды.
Уж дугу разбили по частям —

В областях удельные князья-с.
Если бы розно воевали там,
Что б сейчас осталось бы от нас?
Говорю, свое испив до дна,
От солдат. от имени руин.
С нами тут была да вся страна!
С нас удар — отсюда на Берлин!
Место нашей букве «М» — в столице.
На плите — за Мурманском, в Москве.
Штрафники — отверженные лица,
Хлеборобы с пулею в виске.
Мол, да дорог золотник. Породистый.
Тихий легендарный городок.
Грудью нас закроет Богородица,
Если враг к нам ступит за порог.
Вот живу, и нет, не наглядеться.
В удивленьи жизнь моя прошла:
Как в такое маленькое сердце
Ты вместилась, Родина, смогла?

Ключ камергера

(песня о Спасском-Лутовиново)
Ключ камергера, ключ камергера,
Самый хранимый из спасских ключей.
Крепость орловская, новая эра,
Ключ камергера — свой и ничей.

А ведь когда-то сидели мы в «баньке»,
Были желанны Тургеневу, всем.
Что-то случилось... Да перестаньте!
Все уповать на финансовый тлен.

Все пролетит мимо русского гения:
Замки, ворота, монархи и трон.
Только останется ключик к Тургеневу,
Ключ родниковый, малиновый звон.

Утро туманное по лугу стелется,
Утро седое до самых висков.
Да перестаньте же! Даже не верится,
Ключ камергера со скрипом веков.

Поднебесная песня

Я прилег на землю:
Надо мной — березы,
Подо мной — зеленая трава,
И винтом до неба
Завинтило слезы,
По винту до Солнца
Поднялись слова.

Высока береза,
Только слово выше,
Солнца горячее,
Огненной ланит.
Дай скажу как лучше,
Что из песни вышел,
Дай скажу, что песней
Все во мне звенит.

Дай скажу... И, сидя
Где-то на березе,
Пан в листве смеется

Или сделал вид.
Утираю слезы,
Что мне остается,
Если Солнце прямо
На меня летит?

Песня Александра Македонского
(Из трагедии «Пламень Александрии»)

Царь я, родился от нимба,
Сам же себе на беду.
Как я пошел от Олимпа,
Так все иду и иду.

Будет дорога широкой,
Узенько месяц сиять.
Голос души одинокой
Сон золотой навевать.

Сколько уже пережито,
Сколько еще пережить.
Сколько всего не забыто
И никогда не забыть.

Где-то родная Эллада,
Люди родные мои!
С детства любимая лада,
С гор снеговые ручьи!

Будет царю все открыто,
Под пирамидами стыть.

Вечно дельфийское жито
Раны твои тяготить.

Будет дорога широкой,
Узенько месяц сиять.
Голос души одинокой
Вещие сны навевать.

«Дай твои нежные руки,
Ближе ко мне подойди.
Нет, не страшны нам разлуки
И расстоянья в пути.

Нежные, нежные руки.
Ближе ко мне подойди.
Нет, не страшны нам разлуки
И ожиданья в пути».

Поющая душа.

Чуть отдохнет и снова за свое
Моя непокоренная душа.
И, медля умирать, а жить спеша,
Пока есть голос, слышите, — поет!
Они — все про борьбу свою, про ту,
Что им на лапу кое-что кладет.
А я — про Красоту, про Красоту,
Которая сама себя поет.
Они — все правоверные, все те,
Что все кладут, а некуда уж класть.
А я — про Красоту на высоте,
Которая нам не дает упасть.

Земляки

(«Люберецкие мы»)

Новый год. Голубая картина.
Все бы Родина в голове.
Позвонила вдруг Родина Нина:
«Мы теперь с Алексеем в Москве.
Вот где ныне и пашем, и сеем —
Посредине метро и зимы.
Любим Люберцы мы с Алексеем.
Где и дочь, люберецкие мы».

Тут остались и дом, и деревья,
Русь хазарская, степь без границ.
Там Москва как большая деревня,
Земляки с хуторов и станиц.

Тут все Родина милая, жневья,
По погостам сияние лиц.
Там Москва, как большая деревня
Притяжение русских столиц.

Гой ты, Русь! Журавлиная, клином.
Большаки, где я свой и ничей.
Черны вороны ходят по спинам,
Да гремит запоздалый ручей.

Там Москва, как большая деревня,
Земляки с хуторов и станиц,
Тут остались и дом, и деревья,
Русь хазарская, степь без границ.

Капитан Немо

И однажды капитан
Вдруг полез к себе в карман,
А в кармане — темнота и тишина.
И зачем полез в карман
Этот самый капитан?
Напортачили чего-то штурмана.

Капитан, капитан, улыбнитесь,
Это лучше людям всякого вина
Капитан, капитан, вы же витязь,
Наутилус, Солнце, Море и Луна.

Капитан, капитан, улыбнитесь,
Это лучше людям всякого вина.
Капитан, капитан, подкрепитесь:
Пей до дна за тех, кто в море, пей до дна!

Попугай Робинзона

На острове диком вдвоем с Робинзоном
Средь банго и пальм мы живем.
На правом сажу я плече Робинзона,
На месте привычном своем.

Когда все нормально, сажу я на правом.
За нашим привычным столом.
Но только качнется, но только коснется
Про Англию он, про диплом,

Я тут же на левое перелетаю,
На левое сяду плечо.

Вот так тут права я свои и качаю,
Когда мне не нравится че.

— «Пиастры, пиастры! — кричу я. — Пиастры!»
— «Зачем нам пиастры?» — он мне.
А сам научился, как Фидель Кастро,
За так не сидеть на огне.
Когда все нормально, сижу я на правом,
За нашим привычным столом.
Обидно вот только и мне за державу,
По пятницам не подаем!

Аборигены съели Кука

(Школьный урок)

С детства слышу: «Мука — мука,
Сахар — бяка, мясо — яд».
Ну а люди съели Кука,
Как барана, говорят.

Ну и дело, вот так штука!
Повторите, нука — нука.
Это людям всем наука:
Аборигены съели Кука.

С детства слышу: «Вегетарьянцы —
Называются все те,
Что навроде итальянцы,
Жарят с мясом «конфите».

Нука — нука, вот так штука!
Повторите, нука — нука.
Это людям всем наука:
Аборигены съели Кука.

Акуля перчатка

По южным морям океана,
Откуда светило встает,
Разносятся звуки баяна,
Наш парень там в рабстве живет.

Джек Лондон все это поведал,
Я сам у него прочитал.
На острове маленьком кредо:
Качать океанский причал.

Патрон там, как барин, на стуле.
И парню чуть что, как жюри.
Вдоль шкуры перчаткой акульей, -
И смейся, о черт побери!

Но вот лихорадка со стула
Патрона взяла моего.
И черный уж этот акула,
Перчатку белую его.

В Москве по Останкино пуля,
Какой-нибудь насморк в Твери,
А парень перчаткой акульей, -
И смейся, о черт побери!

Кораллы хрустят, аж картина,
Баян же играет, браво!
У нас тут одна Акулина
За сына считает его.

По южным морям океана,
Откуда светило встает,
Разносятся звуки баяна,
Наш парень там в рабстве живет,

ПЕСНИ ИЗ РОМАНА В СТИХАХ
«АРСЕНИЙ ЧИГРИНЕВ»

«Русский лес»

Лес мой — славный, русский!
На тропе на узкой.
Встреть меня, прими меня,
Мой зеленый лес!

Защити, горластого,
От булата властного,
Заведу гитару дай,
Извернусь, как бес.

Лес — отец мой русский!
При погоде буской
Сына одинокого
Встреть и приласкай.

Много ли мне надо ли, —
Чтобы листья падали,
Чтобы кони прядали,
Веселел мой край!

Лес мой — славный, русский!
Соловейко курский!
Выслушай седую жизнь,
Матерь моя, Русь!

Встреть меня, осторожного,
Но — не безнадежного.
Верен буду Родине
И тебе, клянусь!

«Неупиваемая чаша»

(Песня Арсения)

«Неупиваемая чаша», —
Так называется родник,
Откуда дух, вся сила наша
И весь насквозь наш материк.

Вся наша Русь в нее видна,
А с ней и мы среди полей.
В июне чаша холодна,
А к Покрову так потеплей.

Когда наклонишься к ней чуть,
Чтобы испить тут и свое,
Глазами может отблеснуть
И отражение твое.

И Русь в ней вся отражена:
Толстой, Тургенев, Бунин, Фет...
Как славна наша сторона!
Какой нам от Богов привет!

Слетит листок туда — на Русь
И, золотой, не тонет, узкий.
К нему губами прикоснусь
Да и скажу: «Я тоже русский!»

Мой Гамлет

(Песня Арсения)

Гамлета мечтал я, в общем-то, сыграть.
Грезилось мне, снилось: «Быть или не быть?»
Каждому артисту суждено страдать,
Каждой королеве хочется любить.
Режиссеры разные, Гамлет же один.
Мысли безотвязные, кто им господин?
Пики, черви, крести — любви Сатане,
Только «туз» бубновый на моей спине.
Бедный, бедный Гамлет! Призраки и жизнь.
Датскую корону не могу забыть.
Принципы и принцы, быть или не быть?
Йорика сгубил бы, только попадись.
Гамлета сыграл бы, по живым скорбя,
А теперь играю самого себя.

На большаке

(Песня Арсения)

На большак он выбежал, не успел на рейсовый.
Телеграмма медиков жжется, как металл.
И машины мимочки — с шлейфами и пейсами,
Прет в голодный город частный капитал.

Курочки в багажничке, бульбочка в мешочке,
Яблочки, соленья — сельские дары.
Он рукою машет им, уж дошел до точки.
Да все мимо-мимочки сэры и сэры.

Он уж чуть не пляшет, аж поет, и плачет.
Жезл бы милицейский — полосатый жезл.
А ведь не тетенцы, а ведь это наши!
Так плюют на бюст вам и на всякий жест.

Вот вам и деревня. Вот дары природы.
Вот вам этот парень. И — в гробину мать!
В этот миг в больнице, в знак плохой погоды,
Отчитался батя... че там вспоминать...

Из «Белой Скифии»

(Песня Одиссея)

На плоту, на плоту, как во сне наяву,
Одиссей, очарованный мифами,
Наудачу морями плыву я, плыву
В свою Белую, Белую Скифию.

Золотое руно, золотое руно.
На плоту моем Троя, нас трое —
Слово, музыка и оно, и оно —
Сердце, золотом налитое.

Вот и остров сирен, зазовут и убьют.
Жизнь, не так уж она и простая.
Золотое руно все стригут и стригут,
А оно все опять отрастает.

Золотое мое, Золотое руно —
Слово, музыка и Одиссея.
Все стригут и стригут, а они все равно
Золотее все, золотее.

На волне, на волне я, качаясь, плыву.
Все страшней острова, все чудесней.
Переплыть бы сирен, а уж там заживу,
Переполненный скифскою песней.

В роще Платона

К.Г.Б.

Из античной юности звенящей
До седых теперешних веков
Тихой рощей, мысль плодоносящей,
Все ведет Платон учеников.
Все идут они, те корифеи,
Мимо соблазнительных олив,
Но одно местечко тут для феи —
Женщине любимой — припасли.
Вот как! И уж рощею Платона,
Тихой Академией его
К истине российская мадонна
Вывела слепца не одного.
Внутреннее зрение дала
Корифейка, светоч, дочь Орла.

У скифского кургана

(Дуэт Несмеяны и Одиссея)

- Увидела, узнала, полюбила.
Царица, а дрожу перед тобой.
Вернется царь, что ждет меня — могила?
Возьми меня, возьми меня с собой!
- Прошел я через Сциллу и Харибду,
Пролил по Пенелопе море слез.
И вот тону я, погибаю, гибну
В твоём бездонном золоте волос.

— Так улыбнемся вместе, Несмеяна!
Мой Одиссей, ответим на любовь!
Соединим у скифского кургана
С одесской кровью греческую кровь.
Стоим одни у скифского кургана.

Одиночество в ночи

(Грезы Одиссея)

Ночь течет во мне,
И звезды с весел падают на звезды.
Наклонясь, я разбиваю их рукой.
Я иду по ним, прямо по ним, по звездам,
На тот манящий берег,
На тот пьянящий берег, где, как во сне,
Я вижу тебя далеко.
Моя лодка, мое одиночество,
В этой глубокой ночи.
Как я боюсь потерять тебя
В этой пучине, в этой стихии звезд отраженных,
О приблизься ко мне!
О не молчи!

Руку мне протяни,
К груди меня притяни —
В пламя свечи, в самое пламя свечи.
Два одиночества,
Сразу два одиночества вдруг исчезнут
В этой глубокой, в этой глубокой ночи.

Кружится моя лодка, падают звезды с весел -
В пламя свечи, к ней подберу я ключи, не огорчи.

Весла оставим на берегу,
Мы их в объятия бросим —
В водовороты ночи. В водоворотах ночи
Губы твои горячи.
О не молчи, не молчи!
Губы, губы твои горячи!

Золотые табуны

(Песня Царя всех скифов Мадея)

По степи, по серебру ковылей —
Табуны пылят, мы уходим в набег.
Вдруг река — широка и дика! И Воздушный Змей
Тянет в небо тучи скифских телег.
Я — Орел, я — царь птиц, лечу высоко.
Я — Орел, я — Царь скифов, гляжу далеко.
И парю, и парю я для всех для нас,
Чтобы скифский народ не угас,
Чтобы скифский народ не угас.

А телеги уже за рекой — мне подать рукой,
В небесах косяками парят.
Как птицы! Как парусные корабли!
Я — Орел, я — Царь скифов! И народы мои царят
Тем, что гонят за Солнцем туда, на закат,
Золотые свои табуны.
До ночи, до бледно-зеленой Луны,
До самого края Земли!
И нет поворота назад.

При Луне, в облаках

(Второй сон Одиссея про князя Колаксара —
героя сколотского, праславянского)

На телеге лечу

При Луне, в облаках.

Там внизу — реки, броды, селенья.

Покровительница моя! Богиня Афина,
Зевесова дочь!

Не меня ты несешь на руках -

Колаксара, его поколение!

Чуча-чуча, чуча-чуча!

Князь в телеге, редкий случай.

На воздушном змее лечу,

Всадник травит канат,

По степи дерзко скачет.

Колаксар по монетке вниз,

По кровинке и рад —

За бессмертие, не иначе.

Эй, на кляче там! Чуча!

Прибавь дерзости, героя не мучай!

На воздушном змее —

Я и сколот — славянский герой

Где-то в начале Веры.

Сплю и вижу телегу —

С парусом перед собой,

Такие-то у царя Итаки

Химеры.

Покровительница! Афина Паллада!

Нам бессмертья не надо!

А может, вращаясь в этом кругу,

Все лицемерю и лгу?

Покровительница моя! Богиня Афина!
Зевесова дочь!
И меня ты несешь на руках,
И народ мой, и мое поколение,
Обездоленное поколение.

Змиев вал

(Хор викингов)

Слышите? Это шаги, шаги.
Скрипы телег. Огненный полоз с Востока.
Если б не мы тут, и Рим бы спалили враги.
Викинги мы, застава тут, княжее око.

Змиев вал — от моря до моря.
Ни обойти нас, ни конем обежать.
Роем мы ров свой, будем же продолжать.
Ляжем первыми в него, кефара уж отпевает героев.
А это, слышите? Детские голоса.
Змиевы игры. Что же вы дремлете, боги?!
Ворон вещает! Смертная полоса,
Не дождемся подмоги.
Воины, вой! Ляжем под белые стяги!
Кровью умоем! Умоемся сами, варяги!

Весло, похожее на Лопату

(Песня Молодого Скифа)

Я — скиф, по свету белому мотался.
Иду домой, из странствий возвратясь.
Несу Весло, с каким не расставался,
Как с посохом своим Великий Князь.

На синем море плавал и рыбачил,
Приобретал другое ремесло.
Моя Лопата там, — а как иначе? —
И превратилась, видите, в Весло.

Приду домой, воткну Весло за хату —
Перед окошком, в тучный чернозем.
И превращу Весло опять в Лопату,
На славу мы, скифяне, заживем.

И зашумят сады и огороды,
Хлеб в закрома, за море потечет.
А как опять захочется свободы,
Рвану на юг, как всякий скифский сброд!

С Лопатой вдруг опять уйду из дома,
А возвращусь опять-таки с Веслом.
Как воля, так Весло нам, царство грома.
А как Лопата — тишина и дом.
А как Лопата — тишина и дом.

Два огненных весла

(Одиссеева песня о Северном Сиянии)

Темным ликом своим из южных, знойных земель,
Сгущая краски, продляю я
Долгую эту полярную ночь.
До костей пронзило, кажется. Морозы, как хмель.
Солнце выпито, заодно и Луна — его несвободная дочь.
О Северное Сияние! Восхитись на полнеба, мраки иззолоти!
Сделай лицо мое перистым, белым.
Душу только, гляди, с тьмой не сплоти,
Не выпей все до дна, черной не сделай.

В Христиании и Париже
Камень с мушкой ценится, что ль.
Эта мушка в темнице рыжей —
Несвобода моя и боль.

А море штормит, в волны бросает
Слезы каменные слегка.
Все оплаканное воскресает,
Все оплачется за века.

Так, особо в денек лучезарный,
В этих дюнах и я всплакну,
В море вольное, Берег Янтарный,
Отпусти хоть меня одну!

Живущие на облаках

(Одиссеевы впечатления от легенды песнопевца Бояна)

Пряди солнечные твои,
По облакам идущий!
Ты — герой,
Ты бессмертен,
Боги принимают тебя —
Неимеющий, неимущий.

Держат, солнечного, облака,
Купает солнечная река.
Щедрой рукой раздавая дожди,
Сам ничего не жди.

Ирий — рай земной в облаках.
Соверши свой подвиг, герой!
И я тебя отнесу туда на руках —
В рай земной!

Пряди солнечны твои,
На облаках живущий!
Ты — герой,
Ты бессмертен,
Боги благословляют тебя,
Ничего от других не ждущий.

Ольвия голубоглазая

(Хор Сынов Ослепленных Рабов)

Мы — Сыны Ослепленных Рабов
Как снег на голову, пали на пяди эти, —
Неразбитая ваза.
И Ольвия белая сделалась вдруг голубой,
Вернее белоскифской, голубоглазой.

Наша родина тут, откуда отцы.
Скифянки — матери наши, из сумасбродных.
Пока мужья их в Египет ходили — такие концы! —
От рабов нас рожали — свободных.

Мы — сыны неоскопленных отцов.
Убежали из Скифии, к синему морю.
Волю — вольным! Свободу — в волчьей степи в лицо!
Несвободным — история, история.

Наша родина тут, откуда отцы.
Помогите же нам, гречанки.
Соберите на битву. Весть примчали гонцы:
«Возвращается царь на тачанке!»

Мы — Сыны Ослепленных Рабов!
Не разбита еще бесценная наша, звероскифская ваза!
Позовите к себе на совет да любовь,
И, увидите, Ольвия снова станет собой —
Васильковой, голубоглазой.

Богатырские Курганы

(Вторая песня Царя всех скифов Мадея Второго
и с ним Скифский Хор)

А вот и мы — победители, царские скифы!
Неостановимы, неотвратимы, как смерть,
Всех вас тут перебьем!
Раскроем, как грифы!
Если вы сами не догадались еще умереть.
Нам, что ли, вы, молодые грифята,

Перед войском стоя, вопите из дыма:
«Не пустим! Не пустим!
Не пропустим через себя!»
Ветры мертвые веют уже над вами, живыми,
Ваши чубы ржаные, сколотские теребя.

А Курганы-то Богатырские наши!
Насыпали их мы!
В них покоятся наши цари!
Походите по степи, повоюйте, поешьте каши,
Вот тогда и увидим,
Что вы за богатыри!

Долго мы кровь чужую со своею мешали.
В шрамах все, иссеченные, всюду лежим.
В дом свой добро несли, рабов отовсюду гнали
И сделали полной чашей...
— Режим!
Кровью наполнили вы свои чаши...
Я — царь! И, как должно царю,
Это я вам говорю:
— Походите, повоюйте, постойте — с наше, с наше!
Верьте царю!

Белая рубаха, алая серьга

Белая рубаха, алая серьга!
А пядь Ахиллесова серая.
Пыль дорог. Уязвима нога —
Левая. Левая. Левая.

Красотой, однако, Ахиллес обладал!
Носил в ухе капельку алую.
Как и после князь Святослав!
В белой рубахе своей кого ни бивал —
За Русь Белую, Большую и Малую.

Боже, богиня Афина! Что же ты у того берега
Проглядела его, благородная?
Вот ихватила в пятку его
Эта змея подколодная.

Вот и Остров Змеинный — земля шалая,
В Понте пока единственный, диевский.
Ахиллес — это сережка в ухе, рубинчик, кровинка алая!
Герой греческий, а породы праславянский, докиевской.

К отцу отцов

(Моления Одиссея)

Господи! Отец отцов! Продли мой век!
Хоть на капельку, боже!
Дай доглядеть на себя, что я за человек,
Да и ты тоже.
Столько себе не намолю,
Сколько Итаке, боже!
Дай семь фунтов под килем моему кораблю,
Да и тебе тоже.
Господи! Бог наш греческий,
Самый великий, боже,
Дай увидеть мне дым отеческий!
Да и тебя тоже!
Дай к Олимпу твоему причаститься,
Не оттолкни меня, боже.
Дай, бог, с грехами не опуститься,
Да и в подвиге тоже.
Господи! Окаянный век!
Люди какие! И все же
За веру в них молится наш человек,
И за себя тоже.
За себя молится ваш человек
И за другого тоже.
Видишь, отец!
Как истерзан, заморочен курганом — печальником
грек!
Оволховали дороги.
Святым кабы был наш человек,
На свете жили бы только боги,
Одни только боги, только боги, боги!
Сын мой, мой Телемах!
Сын мой, Телемах!
Сын!

**Возвращение
(Песня Одиссея)**

Слова Леонарда Золотарева,
Фантазия на музыку Чарли Чаплина

Это моя весна,
Навеселе красные маки.
Я вернулся домой,
Я иду по земле родимой Итаки.

Кто скажет,
Что на плече я несу?
Кто скажет мне,
Кем я слыву?
Если это весло, то я у корабля на носу.
Все плыву, плыву.

А если это лопата,
Копай себе под камнем,
Под которым все твои предки.
А из миртовой лопаты весна мне
Распустила уже целый лес —
Зеленые ветки, цветут зеленые ветки.

Тихо, тихо падает снег,
Я несу на плече этот лес —
Лопата моя знаменитая!
Троя буйствует вся в цвету,
Троя царствует одна у всех.
И круги за кругами,
Снеги за снегами —
Тихо падает, падает снег.

Это все Белая,
Белая, Белая Скифия!
И круги за кругами,
Снеги за снегами -
Тихо падает, падает снег.
Это все Белая, Белая, Белая Скифия!

Сергей Есенин

Песнь о собаке

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

И, когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля.
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

Собаке Качалова

Дай, Джим, на счастье лапу мне.
Такую лапу не видал я сроду
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду...

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такую милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

Письмо к женщине

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене.
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили,
Нам пора расстаться,
Что вас измучила,
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым седоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте,
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии,
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянии.

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною случилось!

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый вас
Сергей Есенин.

У калитки

(Из поэмы «Анна Снегина»)

Письмо как письмо.
Беспричинно
Я в жисть бы таких не писал.
По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Как мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково «Нет!»
Далекие милые были!..

Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Просто песня

Есть одна хорошая песня у соловушки —
Песня панихидная по моей головушке.
Цвела — забубенная, росла — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы, мои думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.
Как случилось — сталося, сам не понимаю.
Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня, звонкая, вылей трель унылую.
В темноте мне кажется — обнимаю милую.
За окном гармоника и сиянье месяца,
Только знаю — милая никогда не встретится.

Эх, любовь — калинушка, кровь — заря вишневая,
Как гитара старая и как песня новая!
С теми же улыбками, радостью и лицами
Что певалась дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха —
Все равно любимая отцветет черемухой!
Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.

Эх, раз! еще раз! Еще много-много раз!
Песня панихидная по моей головушке!

Шаганэ

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе, поле,
Про волнистую, рожь при луна.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз.
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли,

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе, поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она странно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ, ты моя, Шанагэ.

* * *

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И, хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке,
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И, хотя я не был на Босфоре,
Я тебе придумаю о нем.
Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышатся огнем.

* * *

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Алой розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

* * *

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил,
Разлюбил ли тебя не вчера.

Не храни, запоздалая тройка,
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый, облик милый,
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая,
Наша жизнь, что былой не была.
Голова ль ты, моя удалая,
До чего ж ты меня довела!

* * *

Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край, после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляну.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что случилось в стране.
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году —
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду...

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорви голова!

Николай Рубцов

Видение на холме

Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.

Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...

Россия, Русь — куда я не взгляну...
За всех твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,

Люблю твои избышки и цветы,
И небеса горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в твои леса и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.

Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье.
И надо мной бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд, безбрежное мерцанье...

Деревенские ночи

Ветер под окошками тихий, как мечтанье.
А за огородами в сумерках полей
Крики перепелок, дальних звезд мерцанье,
Ржание стреноженных молодых коней.

К табуну с уздечкою выбегу из мрака я,
Самого горячего выберу коня,
И по травам скошенным, удилами звякая,
Конь в село соседнее понесет меня.

Пусть ромашки встречные от копыт сторонятся,
Вздрыгнувшие ивы брызгают росой, —
Для меня, как музыкой, снова мир наполнится,
Радостью свидания с девушкой простой!

Все люблю без памяти в деревенском стане я.
Будоражат сердце мне в сумерках полей
Крики перепелок, дальних звезд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней...

Ферапонтово

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.

И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы.
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле.

Иван Саввич Никитин

Русь — кормилица

Эх, родимая мать,
Русь-кормилица!
Не пришлось тебе знать
Неги — роскоши.

Под грозой ты росла
Да под вьюгами.
Буйный ветер тебя
Убаюкивал.

Умывал белый снег
Лицо полное.
Холод щеки твои
Подрумянивал.

Много видела ты
Нужды с молodu,
Часто с злыми людьми
Насмерть билася.

Все друзья твои врозь
Порассыпались.
Ты одна под грозой
Стой, Русь-матушка!

Не дадут тебе пасть
Дети — соколы.
Встань, послушай их клич
Да порадуйся.

Пронесется гроза,
Взглянет солнышко,
Шире прежнего, Русь,
Ты раздвинешься.

*Алексей Васильевич
Кольцов*

Соловушка

Ты не пой, соловей,
Под моим окном.
Улетай в леса
Моей Родины.

Ты скажи, как без нее
Пропадаю я,
Что трава по степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен.
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь положу,
Склоню голову?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе — девице.

Кольцо

Я затеплю свечу
Воска ярого,
Распаяю кольцо
Друга милого.

Разгорись, разгорись,
Роковой огонь!
Распаяй, растопи,
Чисто золото!

Без него для меня
Тебя надобно,
Без него, на руке
Камень на сердце.

Как взгляну, как вздохну,
Затоскуются,
Изольются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную.

Невредимо, черно
На огне кольцо,
И звенит, и звенит
Память вечную.

Расступитесь, леса темные

Расступитесь, леса темные!
Разойдитесь, реки быстрые!
Запылись ты, путь-дороженька!
Дай мне весточку, моя пташечка!

Я рекой пойду да по бережку,
Полечу горой да за облаком
На край света на край белого
Искать друга, друга милого.

Я найду его где бы ни был он.
Я скажу ему: «Стыдно — совестно
Бросить дом свой, отца старого
Да бог весть куда завихриться!»

Как завьет он кудри черные,
Как наденет кафтан бархатный,
Подпояшет кушак шелковый,
Поцелует меня ласково.

Расступитесь, леса темные!
Разойдитесь, реки быстрые!
Запылись ты, путь-дороженька!
Дай мне весточку, моя пташенька!

Оседлаю коня

Оседлаю коня,
Коня быстрого
Да помчусь, полечу
Легче сокола.

Через поля, за моря
В дальнюю сторону.
Догоню, ворочу
Мою молодость.

Приоденусь, явлюсь
Прежним молодцем
И опять приглянусь
Красным девицам.

Но, увы, нет дорог
К невозвратному.
Никогда не взойдет
Солнце с Запада.

Оседлаю коня,
Коня быстрого
До помчусь, полечу
Легче сокола!
Да помчусь, полечу
Легче, сокола,
Легче сокола!

Алексей Прасолов

Вокзал с огнями

(Эх, загулял)

Вокзал с огнями неминуем.
Прощальный час над головой.
Дай трижды накрест поцелуем
Схватить последний шепот твой.

И, запрокинутая резко,
Увидишь падающий мост.
И на фарфоровых подвесках
Летящий провод среди звезд.

А чтоб минута стала легче,
Когда тебе уже не в мочь.
Я, наклонясь, приму на плечи
Всю перекошенную ночь.
(Эх, загулял).

Анатолий Жигулин

Приехала мать из Воронежа

Приехала мать из Воронежа,
Из милой моей стороны.
И мысли притихли, тревожные,
И вспомнились детские сны.

Сидим, говорим про забытую,
Седую почти старину.
Про давние годы несытые,
Про дом, про родню, про войну.

И теплым дыханием Родины
Согрет мой нерадостный быт.
Там много нелегкого пройдено
И много еще предстоит.

Но все же какие хорошие
Нам в жизни минуты даны.
Приехала мать из Воронежа,
Из милой моей стороны.

Лает собака

Лает собака с балкона,
С девятого этажа.
Странно и беспокойно
Вдруг встрепенулась душа.

Что там ты лаешь, собака?
Что ты мне хочешь сказать?
Кто-то высоко, однако,
Вздумал тебя привязать.

Падает снег осторожно
В белые руки берез,
Но почему-то тревожно
Лает привязанный пес.

Вспомнилась черная пашня,
Дальних собак голоса:
Маленький одноэтажный
Домик, где я родился.

Игорь Северянин

Ананасы в шампанском

Ананасы в шампанском,
Ананасы в шампанском, —
Удивительно вкусно, искристо, остро.
Весь я в чем-то норвежском,
Весь я в чем-то гишпанском, —
Вдохновляюсь порывно и берусь за перо.
Строки аэроплана, беги автомобилей,
Ветропосвисты стрессов, крылолет буеров.
Кто-то здесь зацелован, там кого-то побили.
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров.

В группе девушек нервных,
В остром обществе дамском
Я трагедию жизни
Претворю в этот фарс.
Ананасы в шампанском,
Ананасы в шампанском —
Из Москвы в Ногасаки,
Из Нью-Йорка на Марс
Ананасы в шампанском...
Ананасы в шампанском....

Константин Бальмонт

На Макарийских островах

На Макарийских островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входит смерть и страх
И не доходят великаны.
На Макарийских этих островах,
На Макарийских островах
Живут без горя человеки.
Там в изумрудных берегах
Текут, текут, текут,
Текут, текут пурпуровые реки.

Там пальмы ценные цветут,
Там все в цветенье вечно юно,
Там птицы райские живут,
Волшебный филин с гамаюном.
На Макарийских этих островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входит смерть и страх
И не доходят великаны,
На Макарийских этих островах.

И, если только мы во сне,
Ты, убаюкан, засыпая,
Как эта птица гамаюн,
Поет, безвестно голубая,
На Макарийских этих островах,
На Макарийских островах
Живут без горя человеки,
Там в изумрудных берегах
Текут, текут пурпуровые реки.

Змеинный глаз

Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи.
Я впервые открыл в этой речи уклоны -
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я — внезапный излом,
Я — играющий гром,
Я — прозрачный ручей,
Я — для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный.
Самоцветные камни земли самобытный,
Переключки лесные зеленого мая —
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя, и в других,
Я — изысканный стих.

Слова — хамелеоны

Слова-хамелеоны,
Они живут спеша.
У них свои законы,
Особая душа.

Они спешат меняться,
Являя все цвета;
Поблекнут — обновятся,
И в том их красота.

Все радужные краски,
Все, что чарует взгляд,
Желая вечной сказки,
Они в себе таят.

И сказка длится, длится
И нарушает плен.
Как сладко измениться, —
Живите для измен.

Мои песнопения

В моих песнопениях — журчанье ключей,
Что звучат все звончей и звончей.
В них — женственно-страстные шепоты струй,
И девический в них поцелуй.

В моих песнопеньях — застывшие льды,
Беспредельность хрустальной воды.
В них — белая пышность пушистых снегов,
Золотые края облаков.

Я звучные песни не сам создавал,
Мне забросил их горный обвал.
И ветер влюбленный, дрожа по струне,
Трепетания свои передал мне.

Воздушные песни с мерцанием страстей,
Я подслушал у звонких дождей.
Узорно-играющий тающий свет
Подглядел в сочетаньях планет.

И я в человеческом — нечеловек,
Я захвачен разливами рек.
И в море стремя полногласность свою,
Я стозвучные песни пою.

Sin miedo

(«Будь без страха» (исп.))

Если ты поэт и хочешь быть могучим,
Хочешь быть бессмертным в памяти людей,
Порази их сердце вымыслом певучим,
Душу закали на пламени страстей.

Ты видал кинжалы древнего Толедо?
Лучших не увидешь, где бы ни искал.
На клинке узорном надпись: «Sin miedo», -
Будь всегда бесстрашным, — властен их закал.

Раскаленной стали форму придавая,
В сталь кладут по черни золотой узор,
И века сверкает красота живая
Двух металлов слитных, разных с давних пор.

Чтоб твои мечты вовек не отблестали,
Чтоб твоя душа всегда была жива,
Разбросай в напевах золото по стали,
Влей огонь застывший в звонкие слова.

ЗВУКОВАЯ ПОЭЗИЯ МИРА

«Остров любви»
(французские песни)

Переводы Леонарда Золотарева
Шарль Бодлер. Красота.

Прекрасна я, как в камне спящем эхо.
И кто-то пал, ударясь мне о грудь.
А в ком любовь, тот создан для успеха.
Он — мой Поэт, он вечность, Млечный путь.

Парю в лазури — лебедь молодая.
Белее снега, холоднее льда.
Я — Красота, недвижна и горда я,
Слеза и смех, — я выше их всегда.

Они сожгут себя, мои поэты,
В трудах души, во цвете своих дней,
Чтоб только я питала их сонеты,

Во имя благосклонности моей.
В два зеркала возьми и оглядись.
Прекрасен мир, покуда длится жизнь.

Луи Арагон. Руки Эльзы

Дай мне руки твои, дай мне руки,
О которых молчал и молчу.
Дай мне руки твои — мои муки,
Дай мне руки, спасись в них хочу.

Я беру их, ловлю, принимаю.
Вижу нежность, смятение, страх.
И, как воду, со льда поднимаю
И держу над собою в руках.

Убегает и снова мне в руки
Ледяная, живая вода.
Как меня потрясали разлуки,
Как они потрясают всегда.

Дай мне руки твои, дай согреться.
Пусть задержится миг для двоих.
Дай мне руки — возьми мое сердце
В эти нежные руки твои.

Робер Деснос. Куплет о стакане вина

Когда поезд ушел, опустилась рука.
Ни платка твоего и ни зонтика.
Только полный стакан золотого вина,
Только поезд, к нему устремленный.
Это длинное, длинное пламя вина
И горит, и поет, и рыдает.
Разрушая дворцы, и меня от тебя,
От твоих алых губ отделяет.

Стефан Малларме. Умирающий Лебедь

Не знает высоты, на юг не улетает,
Он тут всегда. А пруд сковало льдом.
Он хочет пить, он бьет по льду крылом,
Но льда его крыло не пробивает.

Он — Лебедь, он встречает смерть на льдине.
Зима пришла, сурова и седа.
А он все тут — на милой на равнине,
Откуда все летят, когда зима сюда.

Тряхнет он шеей — тонкою, лебяжьей
И не стремится ввысь, слабее силы вражьей.
Крылом не одолев земного притяженья,

Он сел на пруд, чтоб тут заиндеветь.
В плену у льда, исполненный презренья,
Свободный — на свободе умереть.

Цветы для вас

Цветы для вас,
Мне остаются муки,
С них в мое сердце капает слеза
На ваши цепь сплетающие руки,
На ваши цепи рвущие глаза.

Я прихожу, весь переполнен тайной.
Рассветный ветер лоб находил.
Мадам! О разрешите хоть случайно
Мне тут, у ваших ног, набраться сил.

Позвольте вам на грудь эпикурейски
Прилечь слегка — уж и обнять пора,
И, отойдя от передряг житейских,
В колечке рук забыться до утра.

Жак Преввер. Это в Париже

Тысячи, тысячи лет
Люди не знают страданий
Здесь даже слова ради.
Это, конечно, вечность.
Маленькая, но твоя.
Где ты меня обняла,
Где я обнял тебя -
Утром в сияньи Луны
В парке одном Монсури.
Это в Париже, на той земле,
Которая, как и звезда,
Сияет мне тысячи лет,
Тысячи лет.

«АНДАЛУЗСКИЕ НОЧИ»
(Испанские песни)

Леон Филипе. Брат

Брат, с тобою твое добро:
Лотос, очаг, ружье.
Мой только древний голос Земли,
Все остальное твое.

Ты оставляешь меня нагим,
Гоня по дорогам земным.
Но я оставляю тебя немым,
Ты понимаешь, немым.

И как ты станешь седлать коня
И в поле точить косу,
И как ты будешь сидеть у огня,
Если песню я унесу?

Гарсиа Лорка. Романс о Луне

Луна в цыганскую кузню
Вплыла жасмином воланов.
И смотрит, смотрит ребенок
И глаз не отводит, отпрянув.

Луна закинула руки.
И дразнит ветер полночный
Своей оловянною грудью,
Бесстыжей и непорочной.

Луна, луна моя, скройся.
Если вернутся цыгане,
Возьмут они твое сердце
И серебра начеканят.

Мануэль Мачадо. Песня

Пока не поет их народ,
Песни еще не песни.
А когда их поет народ,
Сочинитель уже неизвестен.

Такая судьба, без сомненья,
Всем песенникам суждена.
Остаются их сочинения,
Забываются их имена.

Ты сделай так, чтобы в людях
Хранилась песня твоя.
Пускай не твоей она будет,
А каждого и своя.

Пусть растворится голос
В тысячах голосов,
Ты имя отдашь во имя
Бессмертия твоих слов.

Хуан Хеменес. Я просто сказал...

Я просто сказал однажды,
Усышать она сумела,
Мне нравится, что весною
Любовь одевалась белым.

Глаза голубые вскинув,
Взглянула с надеждой зыбкой.
И только пухлые губы
Светились детской улыбкой.

С тех пор, когда через площадь
Я шел на майском закате,
Она стояла у двери
Серьезная, в белом платье.

Луис Сернуда. Мир, где правят...

Мир, где правят ложь и порок, —
Я прошу тебя лишь об одном,
О, оставь лазури клочок
В небе и в сердце моем.

Ни богатства, ни славы, ни власти —
Я не жажду, к чему мне все это?
Я тобой одной буду лишь счастлив,
Моим единственным светом.

Мир, где правят ложь и порок, —
Я прошу тебя лишь об одном,
О, оставь лазури клочок
В небе и в сердце моем.

Мигель Унамундо. Отчизна

Отчизна, я мерил немало
Своими шагами дорог.
Дороги твои протоптало
Великое множество ног.

Безмолвную вел беседу
С холмами и ширью полей,
Шагая, Отчизна, по следу
Бездомных твоих сыновей.

Но песни лишь смолкли, нагорья
Измерят твои поля.
Испания! Глубже, чем море
Любая тропинка твоя.

«Испания»

Пусть я умру с открытыми глазами,
Вершины гор твои в себе тая.
Мне будет свежий ветер над горами
Дыханьем жизни, ветром бытия,
Испания моя! Испания моя!

ПЕРСИДСКИЕ НАПЕВЫ

Рудаки. О пэри!

О пэри! Я люблю тебя,
Мой разум сокрушен тобой.
Хоть раз обрадуй Рудаки,
Свое лицо ему открой.

Ужель так тягостно тебе
Открыть лицо, поцеловать?
И так легко меня терзать,
Губить навеки мой покой?

Что для меня легко, тебе
Великим кажется трудом.
Что тяжело мне, то тебе
Забавой кажется пустой.

Поцелуй любви желанный —
Он с водой соленой схож.
Чем сильнее жаждешь влаги,
Тем неистовее пьешь.

Омар Хайям. Желания

Пей с достойным, который
Тебя не глупей.
Или пей с луноликой, с любимой своей.
Никому не рассказывай, сколько ты выпил.
Пей с умом, пей с разбором,
Умеренно пей.

Я к неверной хотел бы душой охладеть,
Новой страсти позволить собой овладеть.
Я хотел бы, но слезы глаза застилают,
Слезы мне не дают на другую глядеть.

Когда песню любви
Запоют соловьи,
Выпей сам и подругу свою напой.
Видишь, роза раскрылась в любовном томленьи.
Утоли, о влюбленный, желанья свои.

Аву Нувас. Пью старинное вино

Пью старинное вино,
Ясноглазую целую.
Будь что будет, все равно,
Веселюсь напропалую.

И, пока не порвалась
Бытия живая нить,
Полон жажды, буду пить
Эту влагу золотую.

Ничего не утаю,
Все на свете отдаю
За хмельную твою
За улыбку молодую.

В руки смуглые прими
Чашу, полную вина.
Осуши ее до дна,
Возврати ее пустую.

Помани меня рукой,
Позабывшего покой.
Губы нежные раскрой
Обещаньем поцелуя.

Омар Хайям. Лунолика

Лунолика, чашу вина и греха
Пей сегодня, на завтра надежда плоха.
Завтра, глядя на землю, луна молодая
Не отыщет ни славы моей, ни стиха.
Виночерпий, бездонный кувшин приготовь,
Пусть без усталости хлещет из горлышка кровь.
Эта влага мне стала единственным другом,
Ибо все изменили — и друг, и любовь.
Когда веер у розы подол разорвет,
Мудрый тот, кто кувшин на двоих разопьет
На лужайке с подругой своей белорудой
И об камень ненужный сосуд разобьет.

Низами. Я полюбил

Я полюбил тебя,
Куда теперь шагнуть?
Путь правильный избрать
Или позорный путь?

Пока жива душа,
Живешь в моей душе.
И, если мне не быть,
То ты на свете будь.

Из-за любви со мной
Враждуют города.
Раз не прощаешь ты,
Простит ли кто тогда?

С протянутой рукой
Твой локон стерегу.
Забытого держать
И презирать забудь.

О пусть никто, как я,
Не будет без тебя.
Не я проник к тебе,
Тоска проникла в грудь.

Я полюбил тебя,
Куда теперь шагнуть?
Путь праведный избрать
Или позорный путь?

Саади. О утренний ветер

О утренний ветер, когда долетишь до Шираза,
Друзьям передай этот свиток рыдающих строк,
Шепни им, что я одинок,
Что гибну я, гибну в изгнаныи.

Спроси меня, так в чем вина моя,
Что ты не смотришь на меня?
Куда ушла твоя любовь
И ласковость минувших лет?

Я хочу в уединеньи
До рассвета быть с тобой
В неизвестности и тайне
От врагов и от друзей.

За грехи да будет кара,
Почему же за любовь
Вкруг меня все гуще злоба
И гоненья все сильней?

Махмуд Абдул Баки. Прекрасная

Прекрасный облик твой
Я вижу вдалеке.
Я вижу тонкий стан,
Цветок в твоей руке.

Я вижу все пушок
Над верхнею губою
И родинку твою
На розовой щеке.

Твой стан, как нить души.
Грудь, что сосуд хрустальный,
И две серьги в ушах —
Две капли на цветке.

И локоны, и взгляд —
В тебе все совершенно.
Лишь верность у тебя,
Что крепость на песке.

Пусть на любовь твою
Нет у Баки надежды,
Тебе повелевать,
Ему страдать в тоске.

АРАВИЯ

Маджнун. Целую след (стихи)

Целую след любимой на земле.
Безумец, он толкует обо мне.
Целую землю, глину и песок,
Где разглядел следы любимых ног.
Целую землю, уголок следа.
Безумец я, не ведаю стыда.
Живу в пустыне, гибну от любви.
Лишь звери – собеседники мои.

Перед Каабой

Мне ты, всеильный, повелел
Любить, не зная меры.
Зачем от верного слуги
Ты требуешь измены?

Ты пожелаешь, я уйду
От искушений милых,
Но от любимой даже здесь
Отречься я не в силах.

В любви не каюсь даже здесь,
Безумец, грешник слабый,
В священном городе твоём
В пыли перед Каабой.

ТУРЦИЯ

Караджаоглан. Ты не пришла

Я вечером пришел на место встречи,
Но не судьба, ты не пришла ко мне.
Быть может, ты уснула в этот вечер,
Все проспала и не пришла ко мне.

Ужель ты наряжалась и сурьмилась?
И то, о чем мечтали мы, не сбылось.
Над местом ожидания тьма сгустилась,
Луна взошла, ты не пришла ко мне.

Ты, милая, забыла клятву, что ли?
Иль, может быть, чужой послушна воле.
Чтоб с этих пор меня не видеть боле,
С другим ты, не пришла ко мне.

Судьба ко мне, Караджаоглану, милость
Не проявила. Все переменялось.
Кого любил, та, словно лебедь, скрылась,
Прочь уплыла и не пришла ко мне.

Ахмед-паша. Моя любовь

Твой раб, как алый лепесток,
Моя любовь.
Тебя так тайно я берег,
Моя любовь.

Слова могу я гнуть, как бровь,
И все равно
Я о тебе скажу: «Цветок,
Моя любовь».

Пред кипарисом слезы лью,
Бежит ручей.
Сказала ты: «Ручья исток —
Моя любовь».

Мишенью стала грудь моя
Для глаз твоих.
Для стрел твоих, о мой стрелок,
Моя любовь.

Я говорю: «Ахмед, люби,
Покуда жив.
Я стар, но юн любви росток,
Моя любовь».

ФРАНЦУЗСКИЕ ПЕСНИ

Перевод Леонарда Золотарева

Артюр Рембо. Впечатление

Иду тропинкой в голубой и теплый вечер.
Колосья колки, шелковисты травы.
И ночь дыхла свежестью навстречу,
Росой легла на волосах кудрявых.

Ни слов во мне, ни мыслей никаких,
В душе любовь, одна любовь в груди.
И я брежу и счастлив, хоть на миг,
Как с женщиною встреча впереди.

Поль Верлен. Песни дождя

Плачет сердце мое,
А над городом дождь.
Что томишься ты, что ж,
Плачешь, сердце мое?
Нежны песни дождя.
Шум по крыше и тишь.
Что грустишь ты, молчишь
В нежных песнях дождя?
В сердце плач ни с чего.
Все пустынно, все бред.
Предал кто-то иль нет,
Грусть — тоска ни с чего.

Жак Превер. Опавшие листья

Листья слетают, седеет волна,
В грустных узорах мокрый песок.
Я не забыл, словно из сна,
Берег любимый далек.

Это было все, это было.
В забвении ночи твои черты.
Как любил я тебя, как меня ты любила,
И пою я теперь, как пела когда-то ты.

Северный ветер наносит кистью
В холодной ночи силуэт вдалеке.
И лижет волна опавшие листья,
И море стирает следы на песке.

ИСПАНСКИЕ ПЕСНИ

Мануэль Мачадо. Кастилья (Легенда о Сиде)

Слепое солнце раскаляет латы,
Огнем летучим воинов кропя.
Дробится в искры на стальном забрале
И полыхает на конце копья.

Слепое солнце. Жажда и усталость.
Да по степи кастильской стук копыт.
В изгнание с двенадцатью своими
В поту, в пыли, в железе скачет Сид.

Вот постоянный двор. Он словно вымер.
Он весь закрыт от ставен до ворот.
В ворота бьют копьем, шатаются ворота.
А ветер обжигает, солнце жжет.

Но гулкий гром ударом отозвался.
Серебряные хрупки голоса.
И маленькая девочка несмело
Открыла дверь и вышла на порог.

Была она и худенькой, и бледной.
Одни глаза и слезы на глазах.
Но на лице ребячьем любопытство
Превозмогало страх.

«Уйдите, добрый Сид! Король убьет нас.
Разрушит этот дом.
Прикажет соль посеять в нашем поле,
Распаханном отцом.
Скачите дальше, Сид. Храни вас, Бог.
Несчастье наше не пойдет вам впрок».

И девочка заплакала безмолвно.
Потупясь, воины стояли перед ней.
И в тишине, густой и накаленной,
Суровый голос крикнул: «На коней!»

Слепое солнце. Жажда и усталость.
Да по степи кастильской стук копыт.
В изгнание с двенадцатью своими
В поту, в пыли, в железе скачет Сид.

Гарсиа Лорка. Сомнамбулический романс

Любовь моя — цвет зеленый,
Зеленого ветра всплески.
Далекий парусник в море,
Поближе — холм в перелеске.

Ночами по грудь в тумане
Она у перил сидела.
Серебряный иней взгляда
И зелень волос и тела.

Любовь моя — цвет зеленый.
Лишь месяц цыганский выйдет,
Весь мир с нее взгляд не сводит,
И только она не видит.

Земляк, я коня лихого
Сменял бы на эту кровлю.
На зеркало — ночь, а сбрую —
На краешек изголовья.

Земляк, я из дальней Кабры
Иду, истекая кровью.
Хочу умереть, как люди,
Оплаканные любовью.

Не видишь ты эту рану
От горла и до ключицы.
Все кровью пропахло, парень,
Все кровью твоей сочится.
И я то уже не я то...

Поступь Сигирийи

Бьется о смуглые плечи
Бабочек целая стая.
Белые змеи тумана
Снег заметают.

И небо земное.
Над млечной землею.
Идет она пленницей ритма,
Который постичь невозможно.
С тоскою в серебряном сердце,
С кинжалом в серебряных ножнах.

Куда ты несешь, Сигирийя,
Агонию певчего тела?
Какой ты Луне завещала
Печаль олеандров белых?
И небо земное
Над млечной землею.

Мemento

Когда умру, схороните меня с гитарой —
В речном песке.
Когда умру, в апельсиновой роще старой,
В любом цветке.

Когда умру, буду флюгером я на крыше,
На ветру.
Тише —
Когда умру.

НЕАПОЛИТАНСКИЕ ПЕСНИ

Санта Лючия

В лунном сиянии море блистает.
Ветер попутный парус ласкает.
Лодка моя легка, весла большие,
Санта Лючия, Санта Лючия!

Город Неаполь очень прекрасный,
Мне улыбнулся свод неба ясный.
В душу вливаются взоры земные,
Санта Лючия, Санта Лючия!

Прочь, все заботы! Прочь, все печали!
О мой Неаполь, светлые дали!
Радость безмерная, нет ей причины,
Санта Лючия, Санта Лючия!

Леонкавалло. Рассвет

Аврора уж солнце встречала,
Покровы раскинув свои.
Багряной рукою ласкала
Аврора и в поле лучи.

О, если б ты знала, как страстно
Тебя на заре солнце ждет!
«Ужель буду ждать я напрасно?» —
Певец так, страдая, поет.

В белый наряд твой подвечный
Сердце не скроешь ты от меня.
Буду любить я образ твой нежный,
Не для любви ль ты создана?

Куртис. Вернись в Сорренто

Помнишь ли ты это море
Здесь, в лазоревом просторе,
Что обвило, словно лентой,
Берег дивного Сорренто?

Иль тебе милей другое —
Край неведомый, далекий?
Иль Сорренто позабыла
Ты в разлуке роковой?

О, вернись сюда скорее,
На простор морей широких!
Здесь и песня веселее,
Аромат цветов пленяет.

Ночи лунные над морем
Неужели ты забыла?
Во вражде мы были с морем.
Я любил, и ты любила.

А цветов благоуханье
И призывный звон гитары,
И горячие лобзанья —
Неужель забыто все?

Нет, я знаю, все вернется.
Мы увидим снова счастье.
Сердце радостно забьется,
Позабыв разлуки зло.

О, не оставь меня,
Тебя я умоляю!
Вернись в Сорренто,
Вернись, молю!

Море синее играло

Море синее играло
Бирюзовою волной.
При разлуке твои глазки
Затуманились тоской.

Мне как будто говорила
Бирюзовая волна:
«Не грусти, вернется милый,
Приголубит он тебя».

Море! Верни нам вновь
Ласку, мечты, любовь.
Счастье снова улыбнется нам,
Снова я прильну к твоим устам.

Страстно я буду ждать,
Лишь о тебе мечтать.
И настанет этот час,
Море лаской встретит нас,
Не грусти, мой друг, прощай.

Милый образ вспоминая,
Грусть не в силах отогнать.
Сердце бьется, замирая,
Жажда вновь тебя обнять.

Мне как будто говорила
Бирюзовая волна:
«Не грусти, вернется милый,
Приголубит он тебя».

Море! Верни нам вновь
Ласку, мечты, любовь.
Счастье снова улыбнется нам,
Снова я прильну к твоим устам.

Страстно я буду ждать,
Лишь о тебе мечтать.
И настанет этот час,
Море лаской встретит нас,
Не грусти, мой друг, прощай.

Синьорина

Вы прекрасны, синьорина,
Что со всеми так любезна и мила,
Постоянна весела, чья улыбка так светла,
Кто сердечных ран причина.

У красотки — синьорины
Под окном вздыхает мандолина.
Ля-ля-ля... ля-ля-ля...
Если ты промелькнешь в окне,
О плутовка моя,
Если руку протянешь мне,
Значит, ты любишь меня.

Вы прекрасны, нет сомненья,
И к лицу вам этот праздничный наряд.
Даже ваш сердечный взгляд
Мне дороже всех наград,
Я пленяюсь им в одно мгновенье.

Вы прекрасны, нет сомненья.
Встретив вас, приходит каждый в восхищенье.
Ля-ля-ля... Ля-ля-ля...
Если ты промелькнешь в окне,
О плутовка моя,
Если руку протянешь мне,
Значит, ты любишь меня.

О мое солнце!

Как ярко светит после бури солнце!
Лучами алыми мир озаряя
И к новой жизни сердце пробуждая,
Как ярко светит после бури солнце!

Я знаю солнце еще светлей,
О дорогая, солнышко мое!
Солнышко ты, солнышко мое!

Как дивно светит солнце в час заката!
Лучами алыми мир озаряя.
Привет прощальный шлет, нас обнимая,
Как дивно светит солнце в час заката!

* * *

Скажите, девушки, подружке вашей,
Что я ночей не сплю, о ней мечтаю.
Что нет улыбки ее нежней и краше,
Я сам хотел признаться ей, но слов я не нашел.

Очей прекрасных огонь я обожаю.
Скажите, что иного я счастья не желаю.
Что нежной страстью, как цепью, я прикован,
Что без нее душе моей тревоги не унять.

Когда б я только смелости набрался,
Я б ей сказал: «Напрасно ты скрываешь,
Что нежной страстью сама ко мне пылаешь,
Расстанься с хитрой маской, и сердце мне открой!»
Очей прекрасных...

Лунная серенада

Надо мной тихо звезды мерцают,
И листвою шелестит ветерок.
В темном небе луна проплывает,
Словно лилии белый цветок.

Наполнил душу мне
Золотой свет луны.
Я в ночной тишине
Вижу дивные сны.

Расцвел цветок любви
В сердце верном моем,
И он ярким огнем
Загорелся в крови.

Куда бы от меня ни скрылась ты,
Повсюду за тобой мои мечты.
Может быть, обо мне вспоминая,
Теплой ночью грустишь ты одна.
И ласкает тебя, дорогая,
Нежным призрачным светом луна.

Амополло

Едва сменит зной ночей прохлада,
Я здесь, у зеленой тени сада.
Лети, как птица, эта серенада,
Зови, о зови эту песню любви!

Припев Амополло — цветок весны прекрасный,
Дыхание ночей душистых мая.
Разве можно не быть влюбленным страстно
И жить, от пылкой страсти не сгорая?

Амополло! Как море в час рассвета,
Любовь твоя безбрежна и нежна.
И, надеждой чуть согрета,
Сердце ждет на зов любви ответа.

Как мед, уст твоих лобзанья пряны.
Как хмель, он мне голову туманит.
Как жизнь, слова признанья всем желанны,
И снова пою здесь я песню свою.

Припев Амополло — цветок весны прекрасный,
Дыхание ночей душистых мая.
Разве можно не быть влюбленным страстно
И жить, от пылкой страсти страстно не сгорая?

Поет волна морская

Поет волна морская,
Лазурная волны.
Седой гранит лаская,
Волнуется она.

А я в тиши ночей
Вздыхаю одиноко.
О друг мой синеокий,
Где ты, свет моих очей?

Плывет под небосводом
Красавица — луна.
Алмазным хороводом
Она окружена.

Глаза твои любя,
Гляжу на синь морскую,
И день и ночь тоскую,
Я тоскую без тебя.

Принсесита

Принсесита! В лунном свете твой сад,
Тени робко дрожат у балкона.
Принсесита! Если ты обещаешь награду,
Я спою в честь тебя серенаду.

Песня! Ночи нарушит молчанье.
Песня! Скажет, что я жду свиданья.
В песне — нежное слышу признание,
В ней вдохновенный порыв ли мой страстный.
Призыв. Эту песню пою для тебя я.
Выйди в сад ты скорей,
Внемля песне моей.

На балкон тихо дверь отворилась,
По ступенькам легко ты спустилась.
И, вокруг озираясь пугливо,
Подбежала ко мне шаловито принсесита.
И в честь милой
Льются песни с новой силой.

А-а... Принсесита! Твои очи горят,
Словно звезды блестят, золотые.
Принсесита. Этой ранней душистой весною
Мое сердце полно лишь тобою.

Пой мне!

Пой мне! Хочу еще раз, дорогая,
Услышать голос твой я в час разлуки.
Хочу я вновь изведать блаженство рая
И повторять всю жизнь той песни звуки.

Пой мне — о том, как вечно плещет море,
Как бьется в берег день и ночь прибой.
Песня, она мое развеет горе,
Под звуки песни я прощусь с тобой,

Пой мне! Поверь с твоей чудесной песней
Пойду я на врага, на бой опасный.

Хоть с нею жить мне стало еще прелестней,
Я умереть готов, о друг прекрасный!

Пой мне! Пусть в звуках песни льются слезы,
Я эти звуки унесу с собой.
Море! Оно мои разбило грезы.
Под рокот моря я прошусь с тобой.

Баркаролла

Что ты медлишь, моя дорогая,
И не выглянешь даже в окно?
В небе бродит луна золотая,
Без тебя же на сердце темно.

Слышишь мерный шум прибоя,
Ожиданьем весь я полн.
Пусть дорогою счастья с тобою
Нас помчит легкокрылый мой челн!
Может быть, на меня ты сердита,
Может быть, я чем обидел тебя?
Или прежние клятвы забыты?
Приходи же, не мучай меня.
Слышишь мерный шум прибоя...

Денца. Дивные очи

Дивные очи, очи, как море,
Так же глубоки и тайны полны.
Вы предо мною вечно повсюду,
Вечно, как блеск бирюзовой волны.
Взглядом безбрежным дайте забвенья,

Сердца страдания, сердца томленья.
Дивные очи, очи, как море,
Вы облегчите долю мою, а-а..
Как я страдаю, что так вас люблю.
Дивные очи, очи, как небо...

Первое письмо

Нет на свете глаз добрей, чем ваши.
Нет улыбки ни нежней, ни краше.
Слова нет на всей земле скромней,
Сердца веселей.

Отчего ж при вас всегда краснею,
Даже улыбнуться не посмею.
Слова дорогого я сказать,
Признаться, не решусь,

Первое письмо (2 р.)
Тайну сердца раскроет вам оно,
Ни в одной строке с вами не храню,
Я при встрече вам все повторю.

Первое письмо, крохотный листок
Вы найдете там слезинку между строк.
Я сдержать не мог
Эти слезы счастья,
Я был весь во власти любви и тревог.

Мандолината

В честь милых глаз юной синьорины
Нежно звучат аккорды мандолины.
Вдруг появился свет в ее окне,
Лукаво моя плутовка внемлет мне. (2 р.)

Я жду тебя с надеждой и волнением.
Выйди скорей, развеяй мои сомненья.
С легкой улыбкой выслушай признанья. (2 р.)

Здесь так таинственно ночи молчанье,
Здесь друг другу мы поведем
Наши светлые мечты,
Но ты, жестокая, придешь ли ты?

Но скрылось вдруг чудное виденье,
Тотчас умолкло струн звенящих пенье.
Как же могла ты меня огорчить?
Над сердцем влюбленным так нельзя шутить. (2 р.)

Я жду тебя с надеждой и волнением,
Выйди скорей, развеяй мои сомненья.
С легкой улыбкой выслушай признанья. (2 р.)

Здесь так торжественно ночи молчанье,
Здесь друг другу мы поведем
Наши светлые мечты.
Но ты, жестокая, придешь ли ты? (2 р.)

ЮЖНАЯ АМЕРИКА

Перу

Сесар Вальехо. Игральные кости

Бросай, игрок, и с первого броска
Слепая власть бестрепетной десницы
Пусть обратит два траурных очка
В орбиты смерти топкие глазницы.

И эта ночь — конец твоей игры.
И не в нее ли, злую, как ненастье,
Летит земля сквозь сонные миры,
Игральной костью брошена на счастье.

Заиграна уже до круглоты,
Летит, чтобы в последнее мгновенье
Остановиться в недрах пустоты,
Внезапной пустоты исчезновенья.

И в этой тьме, где глаз я не сведу
С огня свечи, как смертник на помосте,
Зажги, Господь, последнюю звезду
И вновь метнем заигранные кости.

Марио Флориан. Призыв к перуанцу

Проснись же, перуанец,
Наследник дел великих.
Воспрянь, расправив плечи,
Бесстрашен и могуч.

Как предок твой — строитель
Империй в дебрях диких,

Первопроходец бездны,
Властитель горных круч.

Ступи на эту землю.
Уверенно и твердо.
Пускай, блистая бронзой,
Горит на гребне гор

Твой облик. Будь как кондор!
Над миром взмывши гордо,
Простерши крылья в небо,
Поднявши к солнцу взор.

Проснись же, перуанец,
Наследник дел великих!
Воспрянь, расправив плечи,
Бесстрашен и могуч!

БРАЗИЛИЯ

Мануэль Бандейра. «Ню» – обнаженная

Когда ты одета, нельзя догадаться,
Какие богатства ты прячешь под платьем.
Так в свете дневном неприметны для глаза
Миров мириады в глубинах Вселенной.

И лишь обнажатся сокровища Неба,
Младая, как ночь, ты сияешь во мраке.
Блестит белизна отдаленных коленей,
И линии бедер сверкают, как лира.

Две маленьких груди,
Как яркие яблоки,
Дарит мне дева цветущего чрева.
Мерцают сквозь сумрак
Соски твои твердые,
Гладкие плечи и теплое тело.

Когда ты раздета,
Твой взгляд обнажается,
Делаясь долгим, глубоким и влажным.
И я в твоём взоре
Купаюсь, как в озере.
Ныряя и плавая в глазах твоих плавных.
На дно опускаюсь и сердца касаюсь.
Оно улыбается мне, обнажаясь.

Гильера де Алмейда. Ветка ивы

Была хрупка, стройна ты и дика.
В тот день, когда в моем призывном взгляде
Ты отразилась, ветка ивняка,
В склонившейся озерной светлой глади.

С тех пор душа моя лишилась сна,
Опутана мечтой, как паутиной.
А мнилось мне, она защемлена
Не устоявшей перед тобой плотиной.

По озеру несбывшейся любви
Вдаль поплывут легки, неторопливы,
Прощаясь, листья мертвые твои,
Моя прекраснейшая, ветка ивы.

Марио де Андраде. Гитара

Гитара моя ласковая, ласковая гитара,
Росла ты со мной, подрастала — в Аравии.
Гитара ты моя сладостная, сладостная гитара,
Со мной ты пела, играла
В Гранаде.

Гитара моя израненная, израненная гитара,
С ветром любовь улетела на Запад.
Гитара моя усталая, невзгоды, отчаянье, радость.
Боль и тоску испытал я с тобой в Сан-Пауло.

Марио де Андраде. Самбинья

По пальмовой улице две модистки
Спешат, взявшись под руку, стучат каблукками.
До чего хороши!
Немея, глядят с вождельем мужчины,
А модисточки чинно идут, ошеломление сея.
Платьица шелковые, сорочки батистовые.
Поравнявшись со мною, беспечно болтают.
— Ты пойдешь?
— Нет, не пойду.
Кажется, слушает их даже улица.
На отполированных рельсах замирают трамваи.
Даже солнце вечернее поглядывает на них
Сквозь воспаленные веки двух облаков.
Облака багровые, розовый вечер.
Я просто влюбился в обеих.
Гобоем сердце запело в груди:
«Такие ладные!
Такие модные!
Такие бразильские!»

Сесилия Мейрелес. Песенка

Я внимала словам твоим нежным
И тебе пела песни мои.
А теперь на песке на прибрежном
Лишь обломки чернеют любви.

Эти песни, что я напевала,
И слова, что ты мне повторял,
Сколько раз солнце их освещало,
Лунный свет сколько раз озарял.

Все, что было и будет со мною,
Только морю узнать суждено.
Унесет мои песни волною,
А слова твои стерлись давно.

Я внимала словам твоим нежным
И тебе пела песни мои,
А теперь на песке на прибрежном
Лишь обломки чернеют любви.

Марио Флориан. Индейская голубка

Плачь источник, поивший ее водой,
Любовавшийся красотой ее перьев.
Умерла Урпильяй, умерла голубка!
Плачь, каменистый скат, накаленный солнцем.
Обжигавший ее карминные лапки.
Умерла Урпильяй, умерла голубка!
Плачьте налитые колосья пшеницы,
Вскормившие ее своими зернами.
Умерла Урпильяй, умерла голубка!
О, эти горькие слезы, влюбленные голуби,

Ворковавшие с ней всю весну напролет!
Умерла, Урпиляй, умерла голубка!
Плачь, бессмертник, глядящий из рощи,
Так горячо и нежно она любила.
Умерла Урпиляй, умерла голубка!

Мануэль Марено Сименес. Найди меня взглядом

Найди меня взглядом,
Пробуди свой голос,
Веди меня в самую глубь твоей мглы,
Где я воспламеню твое сердце.
Сейчас, когда весело пляшут огни,
Так звонко поблескивает роса,
Раскинь свои руки, соедини их с моими,
И мы вместе развеем хмурые тучи,
Обнимем радость зари.

Хуан Гонсалес Росе. Стакан

Я знаю, мама, ты не виновата,
Но он упал, чтоб мелко разлететься.
Как он умел, тот мой стакан щербатый,
Вместить всю воду, выпитую в детстве.

Уж так случилось бедствие из бедствий,
По воле рук, таких родных и милых.
И вся вода расколотого детства,
Осиротев, мне душу затопила.

Конечно, это вышло ненароком,
Но в этот миг я вздрогнул на чужбине.
Я умоляю, как зеницу ока,
Поберегите детские святыни.

Я замок с детства возводил со смехом.
За смех платил слезами, так ли странно,
Что здесь вчера меня настигло эхо
Далекого падения стакана.

И, осененный вдруг догадкой вещей,
Я понял, это он, судьбой изломан.
И я молю вас, берегите вещи
Того, кто нынче далеко от дома.

Уинстон Орильо. С добрым утром (стихи)

Утро!! Да будут добры
Тебя населявшие люди.
Утро! Да будет добрым
Теплый утренний ветер.
Утро! Да будет доброй
Твоя гулкая улица.
Да будут добрыми
Твой хлеб и молоко мечты.
Ко всем проснувшимся людям
Да будет доброй сама жизнь -
Сегодня, завтра, всегда.
И каждое утро пусть тебя будит
Жарким своим поцелуем.

«ТИХО ПОЮЩАЯ АМЕРИКА» (США)

Эдгар По. Эльдorado (перевод К.Бальмонта)

Между гор и долин
Едет рыцарь один.
Никого ему в мире не надо.
Он все едет вперед,
Он все песню поет,
Он замыслил найти Эльдorado.

Но в скитаньях один
Дожил он до седин,
И погасла бывшая отрада.
Ездил рыцарь везде,
Но не встретил нигде,
Не нашел он нигде Эльдorado.

И, когда он устал,
Пред скитальцем предстал
Странный призрак
И шепчет: «Что надо?»
Тотчас рыцарь ему:
«Расскажи — не пойму,
Укажи, где страна Эльдorado?»

И ответила тень,
Где рождается день.
Лунных гор чуть горела громада.
Через ад, через рай
Все вперед поезжай,
Если хочешь найти Эльдorado.

Эдгар По. Анабель Ли

Это было давно
В королевстве Приморской земли.
Та, что звалась всегда,
Называлась Анабель Ли.
Я любил, был любим,
Мы любили вдвоем.
Только этим мы жить и могли.
И, любовью дыша,
Были оба детьми
В королевстве Приморской земли.
Но любили мы больше,
Чем люди земли,
Я и нежная Анабель Ли.
И, взирая на нас,
Серафимы Небес
Той любви нам простить не могли.
Оттого и случилось
Когда-то давно
В Королевстве Приморской земли.
С неба ветер повеял
Холодный из туч,
Он повеял на Анабель Ли.
И родные толпой
Многознатной сошлись
И ее от меня унесли,
Чтобы навек ее
Положить в саркофаг
В королевстве Приморской земли.
Половины такого блаженства узнать
Серафимы в раю не могли.
Оттого и случилось,
Как ведомо всем,
В королевстве Приморской земли.

Ветер ночью повеял
Холодный из туч
И убил мою Анабель Ли.
Но, любя, мы любили
Сильней и полней
Тех, что старости бремя несли.
Тех, что мудростью нас
Превзошли, превзошли.
И ни ангелы неба и ни демоны тьмы
Разлучить никогда не могли.
Не могли разлучить
Мою душу с душой
Обольстительной Анабель Ли.
И всегда луч Луны (2 раза)
Был пленительной Анабель Ли.
И зажжется ль звезда,
Вижу очи всегда
Обольстительной Анабель Ли.
И в мерцанье ночей
Я все с ней, я все с ней
С незабвенной невестой,
С любовью моей.
Рядом с ней распростерт
Я вдали -
В саркофаге Приморской земли.

Джон Гритлиф Уитлер. Барбара Фритчи

Утром сентябрьским над жнивом полей
Фридрих с гор блестел светлей.
Шпилями крыш и зеленый вал
Холмов Мериленда его окружал.
Фермеров вознаграждали сады

Золотом яблок за все их труды.
Но привлекали, как рай, их сады
Взгляды голодной, мятежной орды.
Полднем осенним через город прошли
Отряды южан с генералом Ли.
Пешие, конные шли войска
По улицам тихого городка.
Немало флагов утром взвилось,
Серебряных звезд и красных полос.
Но в полдень в тот город ворвался враг,
Спущен был всюду звездный флаг.
Варвара Фритчи врагам в ответ —
Старуха почти девяноста лет —
Отважилась дряхлой рукой опять
Мужчинами спущенный флаг поднять.
И взвился флаг с чердака из окна,
Ему до конца она будет верна.
Отряд свой по улице мимо вел
Верхом на мустанге Джексон Стонвол.
Надвинув шляпу, смотрел он вокруг
И флаг северян он увидел вдруг.
«Стой!» И встал смуглолицый отряд.
«Огонь!» И грянул ружейный раскат.
Звякнуло в раме оконной стекло,
Флаг изрешеченный с древка снесло.
Но грохот ружейный еще не смолк,
Когда подхватила Барбара шелк.
На улицу, высунувшись из окна,
Простреленным флагом взмахнула она.
«Стреляйте в седины моей головы,
Но флага Отчизны не трогайте вы!»
Тень раскаянья, краска стыда
По лицу командира скользнула тогда.
В мгновенье задумался он, молчалив,

И победил благородный порыв.
«Кто тронет ее, как собака умрет!» —
Он крикнул, промчавшись галопом вперед.
И целый день проходили войска
По улицам тихого городка.
Но флаг развевавшийся взять на прицел
Никто из мятежников больше не смел.
Не рвал его шелка внезапный шквал,
Но ласковый ветер его развевал.
И солнце меж холмами из туч
Ему посылаю прощальный луч.
Барбары Фритчи на свете нет,
И прахом развеян мятежников след.
Честь ей и слава! О ней мы поем.
Стонвола помянем не лихом — добром.
Над прахом Барбары Фритчи родным
Союзное знамя с почетом склоним.
Принес и порядок, и мир, и закон
Тот флаг, что был ею к окну прикреплен.
Пусть звезды неба смотрят сквозь мрак,
Как веет над городом звездный флаг.

Эмили Дикинсон. Не напрасно жила...

Если сердцу хоть одному
Не позволю разбиться.
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила.

Если ношу на плечи возьму,
Чтобы кто-нибудь мог распрячиться,
Боль хоть одну уйму,
Одной замерзающей птице

Верну частицу тепла,
Я не напрасно жила,
Не напрасно жила,
Не напрасно жила.

Малиновка моя

Малиновка моя. Набор ее вестей
Прерывист, краток, тороплив,
Лишь март прогонит снег.
Малиновка моя. Трель ангельских щедрот
Затопит полдень с головой,
Едва апрель придет.
Малиновки моей молчание пойми.
Нет лучшего гнезда, чем святости семьи.

Эдвин Арлингтон Робинсон. Вечеринка мистера Флада

Однажды ночью старый Ибен Флад
На полдороге между городком
И той забытой будкой на горе,
В которой был его последний дом,
Остановился, ибо не спешил,
И сам себе ответил на вопрос,
Что любопытных нет ни впереди, ни сзади,
Церемонно произнес:
«Ах, мистер Флад! Опять на убыль год
Идет среди желтеющих дубрав.
Пернатые в пути, — сказал поэт. —
Так выпьем за пернатых», — и подняв
Наполненную в лавочке бутылъ,
Он сам себе под круглою луной

С поклоном отвечал: «Ах, мистер Флад!
Ну разве за пернатых по одной».
В бесстрашных латах раненых надежд,
Среди дороги, горд и одинок,
Он возвышался, как Роландов дух,
Вотще трубящий в молчаливый рог.
А снизу из темнеющих домов
Приветный, еле различимый хор
Былых друзей, ушедших навсегда,
Касался слуха и туманил взор.
Как мать свое уснувшее дитя,
С великим тщаньем, чтоб не разбудить,
Он опустил бутыль, держа в уме,
Что в жизни многое легко разбить.
Но, убедившись, что бутыль стоит
Потверже, чем иные на ногах,
Он отошел на несколько шагов,
И гостя встретил, словно был в дверях:
«Ах, мистер Флад! Пожалуйста ко мне.
Прошу, давненько я не видел вас.
Который год уж минул с той поры,
Когда мы выпили в последний раз».
Он указал рукою на бутыль
И дружески привел себя назад.
И соглашаясь, сипло прошептал:
«Ну как не выпить с вами, мистер Флад.
Благодарю. Ни капли больше, сэръ.
Итак, мы выпьем за старые года».
Ни капли больше пить ему... его...
Уговорить не стоило труда,
Поскольку, обнаружив над собой
Две полные луны, он вдруг запел.
И весь ночной серебряный пейзаж

Ему в ответ созвучно зазвенел:
«За старые года». Но, захрипев,
Он оборвал торжественный зачин.
И, сокрушенно осмотрев бутылку,
Вздыхнул и оказался вновь один.
Не много проку двигаться вперед,
И повернуть назад уже нельзя.
Чужие люди жили в тех домах,
Где отжили старинные друзья.

К.Сендберг. «Три слова» (стихи)

В детстве я слышал три слова.
Тысячи французов умирали на улицах:
«Свобода! Равенство! Братство!»

Я подрос, и почтенные люди
Все говорили три слова:
«Мать. Семья. Небо».
Годы отстукивали свое,
И суровые люди говорили:
«Хлеб. Мир. Земля».

А недавно я видел моряка,
Портовая девчонка сидела у него на коленях,
И он говорил:
«Нужно сказать три слова,

Только и всего.
Ветчина, яичница и что еще?
И немножко любви».

Джо Уоллес. Мать героев

- Что плачешь ты, мать героев,
Не знавших, что значит страх?
- Душа моя славит героев,
А плачет по сыновьям.

Розмари Уилкинсон. Стихи

Когда пробился розовый рассвет
И по лощинам стелются туманы,
Душа томится, ошущенья странны.
Ты ждешь чего-то, а его все нет.

Вот-вот пробудится, вот-вот оно придет.
Кору ты гладишь старенького древа.
Быть может, почка эта прорастет,
И род людской вновь осчастливит дева.

СМЕЮЩАЯСЯ АНГЛИЯ

Джон Китс. Девонширская девушка

Девушка с фермы, куда ты идешь
И что ты несешь в корзинке?
Ты – сельская фея, ты сливок свежее,
Не дашь ли хлебнуть мне из кринки?

Люблю я, мой друг, зеленый твой луг
И склоны с блуждающим стадом.
Но быть бы вдвоем нам в местечке укромном,
Два бьющихся сердца рядом.

Завешу я шалью твоей деревцо
И, лежа в лесу на опушке,
Мы будем смотреть маргаритке в лицо
С душистой зеленой подушки.

Рядъярд Киплинг. На далекой Амазонке

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» –
Быстроходные суда,

Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Сюда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
В Бразилию, в Бразилию.
И я хочу в Бразилию,
К далеким берегам.

Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длинноватых ягуаров,
Броненосных черепах.

Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей
Такое изобилие
Невиданных зверей.

Увижу ли Бразилию,
Бразилию, Бразилию?
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

Эдвар Лир. О самом себе

Мы в восторге от мистера Лира,
Исписал он стихами тома.
Для одних он ворчун и придира,
А другим он приятен весьма.

Десять пальцев, два глаза, два уха
Подарила природа ему.
Не лишен он известного слуха,
И в гостях не поет потому.

Книг у Лира на полках немало,
Он привез их из множества стран.
Пьет вино он с наклейкой «Марсала»,
И совсем не бывает он пьян.

Есть у Лира знакомые разные,
Кот его называется Фрос.
Тело автора шарообразное,
И совсем нет под шляпой волос.

Если ходит он, тростью стуча,
В белоснежном плаще за границей,
Все мальчишки кричат: «Англича -
Нин в халате сбежал из больницы».

Он рыдает, бродя в одиночку,
По горам, среди каменных глыб.
Покупает в аптечке примочку,
А в ларьке — марципановых рыб.

По-испански не пишет он, дети.
И не любит он пить рыбий жир.
Как приятно нам знать, что на свете
Есть такой человек — мистер Лир.

Льюис Керрол. Баллада о старом Вильяме

Папа Вильям сказал: «Любопытный малыш,
Голова твоя белого цвета.
Между тем, ты всегда вверх ногами стоишь.
Как ты думаешь, правильно это?»

— «В ранней юности, — старец промолвил в ответ, —
Я боялся раскинуть мозгами.
Но, узнав, что мозгов в голове моей нет,
Я спокойно стою вверх ногами».

Вильям Шекспир. Сонет №76

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен неожиданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных.

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова.
И, кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Все это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу.
Я о тебе пишу, моя любовь,

И то же сердце, те же силы трачу.
Все то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной.

Сонет №128

Едва лишь ты, о музыка моя,
Займешься музыкой, встревожив строй
Ладов и струн искусною игрой, —
Ревнивой завистью терзаюсь я.

Обидно мне, что ласки нежных рук
Ты отдаешь танцующим ладам,
Срывая краткий, мимолетный звук, —
А не моим томящимся устам.

Я весь хотел бы клавишами стать,
Чтоб только пальцы легкие твои
Прошлись по мне, заставив трепетать,

Когда ты струн коснешься в забытьи.
Но если счастье выпало струне,
Отдай ты руки ей, а губы — мне!

Сонет № 152

Я знаю, что грешна моя любовь,
Но ты в двойном предательстве виновна,
Забыв обет супружеский и вновь
Нарушив клятву верности любовной.

Но есть ли у меня на то права,
Чтоб упрекать тебя в двойной измене?
Признаться, сам я совершил не два,
А целых двадцать клятвопреступлений.

Я клялся в доброте своей не раз.
В своей любви и верности глубокой.
Я ослеплял зрачки пристрастных глаз.

Дабы не видеть твоего порока,
Я клялся: ты правдива и чистота —
И черной ложью осквернил уста.

Перси Биши Шелли.

Прометей освобожденный — раскованный (стихи)

О царь богов и демонов, и духов!
Над всеми вставший, кроме одного,
Взгляни и ты бессонными глазами
На эту землю, где твои рабы,
Полны неверия в себя и страха,
И жалких грез, дарованных тобой,
За их труды, мольбы и преклоненья.

Моя держава — три тысячелетья
Мгновенной боли, долгих, словно годы,
Отчаянья, бессонницы и тьмы.
Она величественнее, чем твоя,
О, самодержец на бесславном троне,
Могучий, но не всемогущий бог!
Затем, что я твоей постыдной власти
Не признаю и все еще распят
На недоступном для орлов утесе.
Гермес. И ты, и я — мы можем избежать
Ненужных мук,
Скажи мне лишь одно:
Ты знаешь срок владычества Зевеса?
Прометей. Я знаю только то,
Что он наступит.

Джон Китс. Дикарка — слава

Дикарка — слава избегает тех,
Кто следует за ней толпой послушной.
Имеет мальчик у нее успех
Или повеса, к славе равнодушный.

Гордячка к тем влюбленным холодней,
Кто без нее счастливым быть не хочет.
Ей кажется, кто говорит о ней
Иль ждет ее, тот честь ее порочит.

Она — цыганка, нильская волна
Ее лица видала отраженье.
Поэт влюбленный, заплати сполна

Презреньем за ее пренебреженье.
Ты с ней простиись учтиво, и рабой,
Быть может, она станет за тобой.

Из музыкально-лирической новеллы
«ЗОЛОТАЯ ЦЕПОЧКА ХАФИЗА»

Мы, Шемзеддин, со чадами своими (стихи)

Мы, Шемзеддин, со чадами своими,
Мы, шейх Хафиз, и весь его народ,
Что страшно так, особенно живет,
Удручены и жалоб мы полны такими,
Что без устали ярмо свое влача,
Роняем перлы часто сгоряча.
Однако веселы и таем, как свеча,
О тени, исчезая, воском метим!
О как улыбкой, словом счастья светим!
Пронизаны кинжалами ресниц,
Мы в сладких муках, упадая ниц,
Творим в греховном — Верой и Любовью,
С раскаяньем крепка не так уж связь,
А, между тем, свободные от зла,
Мы — дети света, а не тьмы; глумясь,
Три сорта за людей тут почитают.
Во-первых, варвара, тупого и ханжу,
Еретика, их мрак за свой считают.
А во-вторых, развратнику, ножу
Кровавому, ничтожным посягают.
И, наконец, в обычной колее
Бредущие, и их немало.
Однако для таких, как мы, змее
Понятья и названья недостало.

Богословская песенка

Не будь, о богослов, так строг!
Не злись на наш успех!

Блаженства людям дарит Бог,
А это уж не грех!..

Нам, утомленным, истомясь,
Пустыня медлит бег.
У Неба просим пить — не есть, —
А это уж не грех!
Прости Хафизу.

В раю деревья вдоль кромы,
Но сушь на небесах,
Вот дверь в трактор и ищем мы, —
А это уж не грех!
Прости Хафизу.

Да, нам трактирщик старый друг,
Сознаемся при всех!
Едим, как все, а пьем за двух, —
А это уж не грех!

Чего поем, когда мы пьем
В честь воинских потех!
Кровь виноградную мы льем, —
А это уж не грех!

Мы славим милую в стихах,
Поверь, нас ждет успех.
Пленен поэтами поэт, —
А это уж не грех!

— Ты, как осел, верблюд худой,
Кряхтя, все тащишь мех.
А мы свой груз с плеча долой, —
А это уж не грех!
Прости, прости Хафизу!

Трактирная песня

Падет ли взор мой гордый
На голову во прахе,
В трактире на дороге
Лежу я — пьян, на плахе.

— Не троньте, — вас прошу я, —
То голова Хафиза.
Богов не поношу я,
Собаками облизан.
Смотрите же: Хафиз лежит!

Не наноси ему обид,
Восторженный пиит!
Не зная меры
Он пил и пел химеры.

Все существо его из пыли
Трактирных ужасов и былей.
Всемилосердный дал тот вид,
А он ведь знает, что творит.

— Прохожий стань, остановись!
Подумай и про это,
Со снисхождением глядя вниз:
Ведь это тут твой брат лежит,
Бедняга — старец, тень поэта.
А мог, состаряся, и ты,
Упав, лежать с Хафизом где-то.

* * *

Предав себя судьбам на произвол,
Моя душа жила, цвела, любила.
Но твой, о Солнце, пламень вдруг пришел —
Испепелил живое, горы, дол.
И вот — смотри, что пепел произвел:
Гордясь собой, высокою породой,
Орел летит, он — гений, он — орел,
Взлетает ввысь — дышать Свободой!

* * *

Пусть, насколько хватит сил,
Чернь тебя клянет.
Пусть в поход, кто не ходил,
На тебя пойдет!

Ты не бойся их, Хафиз,
Бог тебя спасет.
Небеса в сияньи роз —
Твердый твой оплот.

Он святой водой твою
Жажду утолит.
Солнце жаркое в раю
С ним не утомит.

Сам все горести твои
Услади, уйми!
Пой, Хафиз, стихи свои,
Крылья распрями!

Это Ангелов-отец,
Бог небесный, шлет,
Поэтический венец
На тебя кладет.

И не Греция одна,
Даже не Китай
Пьют, Хафиз, тебя до дна, -
Целый мир, считай.

А умрешь — пойдут толпой,
Станут навещать.
Всякий умник молодой
Всякое вещать.

Слушай, слушай их, Хафиз,
Просветленный — спишь,
Снизу вверх и сверху вниз —
К Ангелам летишь.

* * *

Хафиз убит! А что его убило?
Что черный глаз на метры положило?
О черный человек! Разящих стрел мерило.
Куда их ни метнешь — тлен и могила.
Дыша у рая, прошлого граница,
Не по тебе ли тень трепещет, мнится.
Пугает и бежит рассудок строгий?
Чего не может он, то могут Боги,

Любовь свободна. В мире нет светила,
Которое бы путь ей перекрыло.
Страданье! Нежность! Голос на стихи!
Хотя б ты петь на помощь поспешил.
Моя любовь! Ты из таких стихий,
Что и Хафиз тебя не победил!

Хафизу

Вот чудо сотворил ты, Леонард!
Вот чудо!
Пою, перевожу основы — бард,
А все оттуда.

Ты первый, о Хафиз!
Кладешь прекрасно.
Все признают: и верх, и низ,
А класть — опасно.

Ты первый — кто интеллигент,
О, боже!
Когда понятия даже нет,
Названья тоже.

А я бреду от тех веков
И так считаю:
Вон где я слышу мужиков,
А тут читаю.

Пью, что и ты, мой друг Хафиз!
Один исток.
Есенин — Лорка, розы — бриз,
Закат — Восток.

Ибо, в века соединясь,
Вы и спесивы,
Халиф на час, — о черный князь,
Как вы красивы!

И ты, Хафиз! И твой Шираз!
Змеей обвилось слово —
Трясу созвездья с чуда глаз,
В сад яблоки летят.

СЛАВЯНСКАЯ ТЕТРАДЬ
(Полония)

Юлиан Тувим. Акация

Волшебная ночь не жалеет для неба алмазов.
И встал надо мною богатством таким небосвод.
Как будто с рожденья еще не любил я ни разу,
А только предчувствовал твой неизбежный приход.

Трава

Трава, трава по колено,
Давай обхватим друг друга!
Чтоб в мыслях не было больше
Ни меня, ни луга.

Я с цветами, корнями
Срастился. Они же со мною.
Чтоб никогда между нами
Слова не вставали стеною.

Чтоб мы лишь единым являлись,
Именем неделимым:
Или оба травую,
Или оба Тувимом.

Халина Посвятовская. Халина

Халина Посвятовская,
Судя по всему, человек.
И, судя по всему, должна умереть,
Как и люди, умершие ранее.

Халина Посвятовская
Как раз и трудится в данный момент
Над собственным умиранием.

Она уж догадывается
И по вечерам ежедневно,
В сон погружая левую руку,
Правой при этом крепко сжимает звезду —
Обрывок живого неба
И всю ночь, будто кровью, истекает
Собственным светом.

А у меня язык от вина жаркий,
И горячая слюна во рту пенится.
Но из дерева выточена грудь королевы.

В доме королевы вянут жаркие свечи.
В постели королевы стынет старая грелка.

Зеркала королевы затянуты брезентом,
И шприц ржавеет в стакане королевы.

А у меня живот молодой, упругий.
Зубы настроены, как инструменты.
Но из дерева выточена грудь королевы,
И из листьев волосы королевы,
Паутиной из глаз королевы виснут.
С тихим вздохом лопается сердце королевы,
И дыханье на стекле оконном желтеет.

А у меня голод в этой корзине
И шаров золотых целая связка.
Но листья волос королевы
Опадают, опадают, опадают.

И гаснет слабый розовый след
И продолжает стлаться,
Теряясь в ночи, морозной и вьюжной.
Халина Посвятовская – это стареньких
несколько платьев,
Это руки и губы, которым уже ничего не нужно.

Ежи Харасымович. Костер

Друзья мои, сошлись мы наконец.
Горит костер осенний, наша брашка.
Я седенький, ну вылитый песец,
И вы для славы потрудились тяжко.
Самала Карем, мол, сосунок совсем,
Мы – пошумевшие, издавшие немножко.
А вдруг окажется, что лавры наши все
Куда скромнее, чем печеная картошка.

Отон Жупанчич (серб.). Детская молитва

Отче наш! Если был бы ты вправду отче наш,
Ты теперь разорвал бы свои ладони
И сошел бы ты с распятия,
Чтобы детей своих убогих взять в объятья.
Отче наш!

Отче наш! Он теперь на Висле
Иль в Надрине.
Ведь и сами мы не знаем где.
У него прострелено сердце,
У него проколоты руки.
Обнимают они нас,
Отче наш!

* * *

Поль Лакур (дат.)

Как смолой застывшей
Пойманная мошка
И как жук, впечатанный в каплю янтаря,
Схвачена тобою дивная сережка, -
Голубая капля, ясная заря.

* * *

Принц Гамлет

Принц Гамлет, твой отец убит,
Убийце мать принадлежит.
И тело то ее теперь
Терзает лаской лютый зверь.

Принц Гамлет, где твой друг и враг,
Все не воротись никак.
Не в безмятежной ли юдоли
Ты спишь, презрев, все наши боли.

Ты душу спас свою иль нет,
Решив покинуть этот свет;
Спеша по Млечному пути,
Чтобы ее одну спасти.

О принц! Наш предок и двойник
Когда и где забьет родник
Безумья, равного отваге
Отравленной, но честной шпаги?

ВИКИНГИ (норв.)

Хенрик Вергелани. Моей желтофиоли

Как ты лучишься, как молода,
Но прощаемся навсегда.
В пору твоей красоты золотой
Стань же земной.

Настежь окно. Мой последний зов.
Взором коснуться золотых цветов,
Их поцелует моя душа,
Мимо спеша.

Дважды я к милым прильну устам.
Первый тебе поцелуй отдам.
Ну, а второй отошли моим
Розам родным.

Их не застаю уже в цвету.
Но не забудь, накажи кусту,
Чтобы, могилу мою храня,
Цвел для меня.

Чтобы на грудь мою бросил он
Меченный поцелуем бутон.
Свадебным факелом высвети боль,
Желтофиоль.

Хенрик Ибсен. Сожженные корабли

Бросив Север суровый,
Снялся он с якорей.
В край, где краше дубровы
И где боги добрей.

Образ тверди ледовой
Канул в море навек.
Но потребовал новой
Жертвы солнечный брег.
До последнего струга
Все спалил он. Но дым
Лентой тянется с юга
К снежным шхерам родным.
И на Север свой дальний
От дубравы и прочь
Скачет всадник печальный
Каждую ночь.

РУССКИЙ РОМАНС

Л.Золотарев

Романс в романсах

«Я встретил вас», — вы вышли из романса,
Дал Бог вас видеть через столько лет.
Мне пел его один «артист миманса» —
Тургенев, Тютчев, Афанасий Фет.
«Свеж и душист твой роскошный венок».
В сны золотые, любовные грезы
Вы вводили, и слезы душили, и слезы.
«Свеж и душистый твой роскошный венок».
«Утро туманное, утро седое», —
По одному, но какому романсу!
Тихо внималось, как призрачность транса
«Утро туманное, утро седое».
Пока живем, пока мы с вами люди,
Всем сердцем откликаясь в вашу честь,
Не говорим, что были мы — мы будем!
Мы вас поем, вы и сегодня есть!

А.С.Пушкин

* * *

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Ф.И.Тютчев

* * *

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, -
И вот слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне.

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в нас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

М.Ю.Лермонтов

* * *

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы ...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

А.А.Фет

* * *

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

Яков Полонский

Песня цыганки

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут налету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут налету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

А.К.Толстой

* * *

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид;
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь.

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но, кажется мне, что люблю!

Алексей Апухтин

Пара гнедых

Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых! Пара гнедых!..

Ваша хозяйка в старинные годы
Много хозяев имела сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.
Таял в объятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных;
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых! Пара гнедых!

Грек из Одессы, еврей из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал —
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал.
Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей доныне,
Пара гнедых! Пара гнедых!

Вот от чего, запрягаясь с зарею
И голодая по нескольку дней,
Вы продвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.
Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых! Пара гнедых!

Павел Козлов

* * *

Глядя на луч пурпурного заката,
Стояли мы на берегу Невы,
Вы руку жали мне; промчался без возврата
Тот сладкий миг; его забыли вы...

До гроба вы клялись любить поэта;
Боясь людей, боясь пустой молвы.
Вы не исполнили священного обета,
Свою любовь и ту забыли вы...

Но смерть близка; близка моя могила,
Когда умру под тихий шум травы,
Мой голос прозвучит и скажет вам уныло:
Он вами жил... его забыли вы!..

Алексей Будищев

Калитка

Лишь только вечер затеплится синий,
Лишь только звезды зажгут небеса
И черемух серебряный иней
Уберет жемчугами роса —

Отвори потихоньку калитку
И войди в тихий садик, как тень.
Не забудь потемнее накидку,
Кружева на головку надень.

Там, где гуще сплетаются ветки,
У беседки тебя подожду
И на самом пороге беседки
С милых уст кружева отведу.

Евгений Гребенка

Очи черные

Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час

Скатерть белая залита вином,
Все цыгане спят беспробудным сном.
Лишь один не спит, пьет шампанское
За очи черные, за цыганские.

Не любил бы вас, не страдал бы так,
Я бы прожил жизнь, припеваючи.
Вы стубили меня, очи черные!
Очи страстные и прекрасные!

А.Бешенцов

* * *

Отойди, не гляди,
Скройся с глаз ты моих!
Сердце ноет в груди,
Нету сил никаких,
Отойди, отойди!

Мне блаженства с тобой
Не дадут, не дадут,
А тебя с красотой
Продадут, продадут.
Отойди, отойди!

Отойди, не гляди,
Скройся с глаз ты моих!
Сердце ноет в груди,
Нету сил никаких,
Отойди, отойди!

К.Подревский

Твои глаза зеленые

Так хочется хоть раз, в последний раз поверить,
Не все ли мне равно, что сбудется потом;
Любви нельзя понять, любовь нельзя измерить,
Ведь там, на дне души, как в омуте речном.

Пусть эта глубь бездонная,
Пусть эта даль туманная
Сегодня нитью тонкою
Связала нас сама —
Твои глаза зеленые,
Твои слова обманные,
И эта песня звонкая
Свели меня с ума.

Не нужно ничего, ни поздних сожалений,
Покоя все равно мне больше не вернуть.
Так хочется хоть раз на несколько мгновений
В речную глубину без страха заглянуть.
Пусть эта глубь бездонная...

Оскар Строк

Черные глаза

Был день весенний. Все, расцветая, ликовало.
Сирень синела, будя уснувшие мечты.
Грусти тогда со мною ты не знала.
Ведь мы любили: для нас цвели цветы.

Ох, эти черные глаза
Меня пленили!
Их позабыть никак нельзя —
Они горят передо мной.
Ах, эти черные глаза
Кто вас полюбит,
Тот потеряет навсегда
И счастье, и покой.

Был день осенний. И листья грустно опадали.
В последних астрах печаль хрустальная жила.
Слезы ты в этот вечер проливала.
Но не любила. Со мной прощалась ты.

Ох, эти черные глаза
Меня пленили.
Их позабыть никак нельзя —
Они горят передо мной.
Ах, эти черные глаза
Меня любили.
Куда же скрылись вы теперь?
Кто близок вам другой?..

В.Маковский

Прощай, мой табор

Цыганский быт и нравы стары,
Как песни те, что мы поем.
Под рокот струн, под звон гитары,
Жизнь прожигая, зря живем.

Прощаюсь нынче с вами я, цыгане,
И к новой жизни ухожу от вас.
Не вспоминайте меня, цыгане!
Прощай, мой табор, пою в последний раз!

Цыганский табор покидаю,
Довольно мне в разгуле жить!
Что в новой жизни ждет меня, не знаю,
А в прошлой не о чем тужить.

Сегодня весел с вами я, цыгане,
А завтра нет меня — совсем уйду от вас...
Не вспоминайте меня, цыгане!
Прощай, мой табор, пою в последний раз!

В.Чуевский

* * *

Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная.
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.

Сойдет ли ночь на землю ясная,
Звезд много блещет в небесах,
Но ты одна, моя прекрасная,
Горишь в отрадных мне лучах.

Звезда надежды благодатная,
Звезда любви волшебных дней,
Ты будешь вечно незакатная
В душе тоскующей моей.

Твоих лучей небесной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я, ты над могилою
Гори, гори, моя звезда!

Н.Дервиз

* * *

Всегда и везде за тобою,
Как призрак, я тихо брожу,
И с тайною думой одною
Я в чудные очи гляжу.

Полны они негой и страстью,
Они так приветно глядят,
И сколько любви, сколько счастья
Они мне порою сулят.

Быть может, и время настанет,
С тобою не будет меня,
И в очи те чудные станет
Смотреться другой, а не я.

Другому приветно заблещут
Твои огневые глаза...
Как вспомню их, сердце трепещет
И тихо струится слеза.

Неизвестный автор

* * *

Милая, ты услышь меня,
Под окном стою
Я с гитарою!

Так взгляни ж на меня
Хоть один только раз,
Ярче майского дня
Чудный блеск твоих глаз!

Ночь тиха была,
Соловьи поют,
Чудный запах роз
Всюду носится..

Мы гуляем с тобой,
Луна светит на нас
И в лазурной воде
Отражается.
Так взгляни ж на меня...

М.Медведев

* * *

Он говорил мне: “Будь ты моею,
И стану жить я, страстью сгорая;
Прелесть улыбки, нега во взоре
Мне обещают радости рая”.
Бедному сердцу так говорил он,
Бедному сердцу так говорил он...
Но не любил он, нет, не любил он,
Нет, не любил он, ах, не любил меня!

Он говорил мне: “Яркой звездой
Мрачную душу ты озарила,
Ты мне надежду в сердце вселила,
Сны наполняла сладкой мечтою”.
То улыбался, то слезы лил он,
То улыбался, то слезы лил он,
Но не любил он, нет, не любил он,
Нет, не любил он, ах, не любил меня!

Николай Рихтер

Ямщик, не гони лошадей!

Как грустно, туманно кругом,
Тосклив, безотраден мой путь,
А прошлое кажется сном,
Томит наболевшую грудь.

Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей.

Как жажду средь мрачных равнин
Измену забыть и любовь,
Но память мой злой властелин,
Все будит минувшее вновь.

Ямщик, не гони лошадей...

Все было лишь ложь и обман,
Прощай и мечты, и покой,
А боль незакрывшихся ран
Останется вечно со мной.

Ямщик, не гони лошадей...

В.Шумский

Хризантемы

В том саду, где мы с вами встретились,
Ваш любимый куст хризантем расцвел,
И в моей груди расцвело тогда
Чувство яркое нежной любви...

Отцвели уж давно
Хризантемы в саду,
Но любовь все живет
В моем сердце больном.

Опустел наш сад, вас давно уж нет.
Я брожу один, весь измученный,
И невольные слезы катятся
Пред увядшим кустом хризантем...

Отцвели уж давно...

Н.Листов

* * *

Я помню вальса звук прелестный
Весенней ночью в поздний час.
Его пел голос неизвестный,
И песня чудная лилась.

Да, то был вальс прелестный, томный,
Да, то был дивный вальс!

Теперь зима, и те же ели
Покрыты сумраком стоят.
А под окном шумят метели,
И звуки вальса не звучат...

Где ж этот вальс, старинный, томный,
Где ж этот дивный вальс!

М.Языков

* * *

Ночь светла, над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.
Темный лес. Там в тиши
Изумрудных ветвей,
Звонких песен своих
Не поет соловей.

Под луной расцвели
Голубые цветы.
Они в сердце моем
Пробудили мечты.
К тебе грезой лечу,
Твое имя шепчу,
Милый друг, нежный друг,
По тебе я грущу.

Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.
В эту ночь при луне
На чужой стороне,
Милый друг, нежный друг,
Помни ты обо мне.

Павел Герман

Только раз

День и ночь роняет сердце ласку,
День и ночь кружится голова,
День и ночь взволнованною сказкой
Мне звучат твои слова.

Только раз бывают в жизни встречи,
Только раз судьбою рвется нить,
Только раз в холодный этот вечер
Мне так хочется любить!

Тает луч пурпурного заката,
Синевой окутаны цветы.

Где же ты, желанная когда-то,
Где же ты, будившая мечты?

Только раз бывают в жизни встречи,
Только раз судьбою рвется нить,
Только раз в холодный этот вечер
Мне так хочется любить!

Неизвестный автор

Темно-вишневая шаль

Я о прошлом теперь не мечтаю,
И мне прошлого больше не жаль.
Только много и много напомним
Эта темно-вишневая шаль.

В этой шали я с ним повстречалась,
И любимой меня он назвал.
Я стыдливо лицо прикрывала,
А он нежно меня целовал.

Говорил мне: “Прощай, дорогая,
Расставаться с тобою мне жаль.
Как к лицу тебе, слышишь, родная,
Эта темно-вишневая шаль!”

Я о прошлом теперь не мечтаю,
Только сердце затмила печаль.
И я молча к груди прижимаю
Эту темно-вишневую шаль.

Неизвестный автор

* * *

Не уходи, побудь со мною,
Здесь так отрадно, так светло,
Я поцелуями покрою
Уста, и очи, и чело.

Побудь со мной,
Побудь со мной!

Не уходи, побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.
Тебя я лаской огневою
И обожгу, и утомлю.

Побудь со мной,
Побудь со мной!

Не уходи, побудь со мною,
Пылает страсть в моей груди.
Восторг любви нас ждет с тобою,
Не уходи, не уходи!

Побудь со мной,
Побудь со мной!

Иннокентий Анненский

Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя...

Не потому, что я ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у нее одной молю ответа,
Не потому, что от нее светло,
А потому, что с ней не надо света.

М. Матусовский

Белой акации гроздь душистые

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода.
Боже! Какими мы были наивными!
Как же мы молоды были тогда!
Боже! Какими мы были наивными!
Как же мы молоды были тогда!

Годы промчались, седыми нас делая.
Где чистота этих веток живых?
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них.
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них.

В час, когда ветер бушует неистово,
С новою силою чувствую я,
Белой акации гроздь душистые
Невозвратимы, как юность моя.
Белой акации гроздь душистые
Невозвратимы, как юность моя.

Илья Сельвинский

Кони-звери

Эх, вы, кони-звери!
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Черные да Серый,
Черные да Серый,
Да медвежий мех!

А глаза сияют,
Ласково маня,
Не меня встречают
Ищут не меня.
Только жгут без меры
Из-под темных дуг.
Гей, Чубарь мой серый,
Задушевный друг!

Эх, рыдать не стану,
В дурь не закучу,
Я тебя достану,
Я тебя умчу!

Припадешь устами,
Одуришь, как дым...

В полынью с конями
К черту угодим!
Эх, вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Черные да Серый,
Черные да Серый,
Да медвежий мех!

Николай Заболоцкий

* * *

Очарована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная ты моя женщина!

Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда ты моя сумасшедшая...

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Что не сбудется — позабудется,
Что не вспомнится, то не исполнится.
Так чего же ты плачешь, красавица,
Или мне это просто все чудится?...

Евгений Птичкин

Красное солнце, над речкою синей

Небо над лесом,
Как песня не спетая.
Не перестану влюбляться в красивое.
Как поживаешь, земля мое светлая?

Все, что мне видится,
Все, что мне слышится,
Все, чем живетя,
И все, чем мне дышится, —
Все подарила земля моя вечная,
Самая добрая и человечная.

Все тут мое —
Родное, известное
В поле бескрайнем,
С лесами нарядными.
Вот я вхожу в поле чудесное,
Черпаю утро
Горстями прохладными.
Все, что мне видится...

И.С.Никитин

На старом кургане

«На старом кургане, в широкой степи,
Прикованный сокол сидит на цепи.

Сидит он уж тысячу лет,
Все нет ему воли, все нет!

И грудь он когтями с досады терзает,
И каплями кровь из груди вытекает.

Летят в синеве облака,
А степь широка, широка...»

Н.Гумилев

Орел

Орел летел все выше и вперед
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.

Не все ль равно? Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И он летел три ночи и три дня
И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья.
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

* * *

У меня не живут цветы,
Красотой их на миг я обманут,
Постоят день, другой и завянут,
У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А наутро — комочек из пуха...
Даже птицы здесь не живут.

Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грязные томы,
Сторожат вековые истомы,
Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,
Помню, был и горбатым, и нищим...
... Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

ЗВЕЗДЫ ОРЛА

И.С.Тургенев

К чему твержу я стих унылый,
Зачем в полночной тишине,
Тот голос странный, голос милый,
Летит и просится ко мне,

Зачем огонь немых страданий
В ее душе зажег не я...
В ее груди, в тоске рыданий
Тот стон звучал не для меня.

Так для чего же так безумно
Душа бежит к ее ногам,
Как волны моря мчатся шумно
К недостижимым берегам?

А.А.Фет

* * *

Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.

Друг мой! В сиянье ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.

Друг мой, я звезды люблю —
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

* * *

Когда я блестящий твой локон целую
И жарко дышу так на милую грудь, —
Зачем говоришь ты про деву иную
И в очи мне прямо не сможешь взглянуть?

Хоть вечер и близок, не бойся. От стужи
Тебя я в широкий свой плащ заверну —
Луна не в тумане, а звезд хоть и много.
Но мы заглядимся с тобой на одну.

Хоть в сердце не веруй... хоть веруй в мгновенье,
И взор мой, и трепет, и лепет пойми. —
И, жарким лобзаньем спаливши сомненье,
Ревнивая дева, меня обойми!

* * *

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатила на запад..
Прости, золотая, прости!

Ave Maria

Ave Maria лампада тиха,
В сердце готовы четыре стиха;

Чистая дева, скорбящего мать,
Душу проникла твоя благодать.

Неба царица, не в блеске лучей,
В тихом предстань сновидении ей!

Ave Maria — лампада тиха,
Я прошептал все четыре стиха.

* * *

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, —
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастью сердце легко передается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.

* * *

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица.

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Ф.И.Тютчев

К.Б.

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце отжило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас.

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне,-
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

Алексей Апухтин

Цыгане (моя мелодия)

Льется вино. Усачи полукругом
Черны — небриты, стоят не моргнув.
Смуглые феи сидят друг за другом —
Сима, Параша и Маша — все тут.

Вскорости смолкли, их ночь утомила.
Вот отдохнут, запоют погода.
Липочка няню давно проводила,
В глупом экстазе зрочками вода.

«Утро туманное», — Саша пропела.
Ох, да была же она хороша!
Долгий роман она в жизни имела,
Знала цыганка, что значит душа.

Длятся часы. Задушевное пенье.
Словно волшебный, таинственный сон
Льет нам минутное жизни забвенье.
Вдруг раздался неожиданный звон.

Вот и прощанье звучит роковое:
 «Поздно. До завтра. Пора по домам».
 Утро туманное, утро седое,
 Знать и взаправду подкралось к нам.

И.А.Бунин.

Одиночество

И ветер, и дождь, и мгла
 Над холодной пустыней воды.
 Здесь жизнь до весны умерла.
 До весны опустели сады.
 Я на даче один. Мне темно
 За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
 Но тебе уж тоскливо со мной.
 Под вечер ненастного дня
 Ты мне стала казаться женой...
 Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
 Проживу и один — без жены...

Сегодня идут без конца
 Те же тучи — гряда за грядой.
 Твой след под дождем у крыльца.
 Расплылся, налился водой.
 И не больно глядеть одному
 В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вослед:
 «Воротись, я сроднился с тобой!»
 Но для женщины прошлого нет:
 Разлюбила — и стал ей чужой.
 Что ж! Камин затоплю, буду пить...
 Хорошо бы собаку купить.

Сергей Городецкий

* * *

Нищая Тульской губернии
Встретилась мне на пути.
Инея белые тернии
Тщились венки ей сплести.

День был морозный и ветреный
Плакал ребенок навзрыд
В этой метели серебряной,
Старую свиткой укрыт.

Молвил я: «Бедная, бедная!
Что ж, принимай мой пятак!»
Даль расступилась бесследно,
Канула нищая в мрак.

Вьется дорога горбатая.
В мире подветренном дрожь.
Что же ты, Тула богатая,
Зря самовары куешь!

Ласка твоя прозорливая
Сгнула где без вестей?
Что же ты, Русь нерадивая,
Вьюгам бросаешь детей!

Павел Шубин

Полмига

Нет, не до седин, не до славы
Я век свой хотел бы продлить.
Мне б только до той вон канавы
Полмига, полшага прожить.

Прижаться к земле и в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.

Мне б только вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить ее, врезать, как надо,
В четырежды проклятый дзот.

Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву.
Продлить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

*Елена Александровна
Благинина*

Колея

Над далью, дождиком примятой,
Стоит денек почти сквозной.
Орловской ветер пахнет мятой,
Польнью, медом, тишиной.

Иду стеной высокой хлеба.
Иду, иду да постою.
Любуюсь, как упало небо
В искошенную тишину.

На синем дне летают птицы,
Плывут печально облака.
Стою — мне страшно оступиться,
Так эта пропасть глубока,
Так эта пропасть глубока.

Пиджачок

Опять продаются фиалки.
Я вся еще, милый, жива.
А твой пиджачок на распялке,
Пустые висят рукава.

Вельветовый, в узенький рубчик —
На что он теперь, для кого?
Как было бы славно, голубчик,
Когда бы надел ты его.

Но робостью скромной такую
Утешиться нам не дано.
Ты больше веселой рукою
Не стукнешь легонько в окно.

И мне письмеца не напишешь,
Родимой не назовешь.
Земного дождя не услышишь
И песен о нем не споешь.

Юлия Друнина

Орлы

Два сильные, два хрупкие крыла
И шеи горделивый поворот.
Да здравствует безумие орла,
Бросающегося на самолет.

Он защищал свое гнездо, как мог, —
Смешной бунтарь, пернатый Дон Кихот.
Да здравствует, взъерошенный комок,
Бросающийся в лоб на самолет!

Ах, Дон Кихот и как вы не смелы,
Геройство ваше — темы для острот.
И все-таки да здравствуют орлы,
Бросающиеся на самолет!

Ольга Фокина

Шукшину

Ты был моей далью,
Ты был моей высью,
Когда опадали
Кленовые листья.

Когда пламенела,
Красуясь, рябина
И тихо летела,
Светясь, паутина.

Во влажных низинах
Роились туманы:
Я шла, мой желанный,
По гиблым трясинам.

И звезды, и гады
Ползли по поднивью.
Но шла я, как садом,
Ты был моей высью.

Кусты и колючки
За платье хватали.
Но надо ли лучше,
Ты был моей далью.

Я шла, не сгибаясь.
По белым метелям.
Я шла, улыбаясь,
Не шла, а летела.

И время настало.
Ты близко, ты рядом,
Смертельно усталый,
С угаснувшим взглядом.

О что же случилось.
Кто выкрал, упрятал
Все то, что светилось,
И кто виноват в том?

Ты был моей высью,
Ты был моей далью,
Когда опадали
Кленовые листья.

Когда пламенела,
Красуясь, рябина.
И тихо летела.
Светясь, паутина.

Княгине Ольге Орловой

Капризная, упрямая

(романс)

Капризная, упрямая,
Вы сотканы из роз.
Я старше вас, дитя мое,
Стыжусь своих я слез.

Капризная, упрямая,
О как я вас люблю!
Последняя весна моя,
Я об одном молю:
«Уйдите, уйдите, уйдите!»

Вы песенка весенняя
Средь мраморных колонн.
Моя же песнь осенняя,
Где слышны скорбь и стон.

Всем сердцем правлю тризну я,
Во мраке жизнь дарит.
Зачем я вам, капризная?
К вам юноша спешит.
Спешите, спешите, спешите...

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

То не вечер

(Сон Ермака)

Ой, то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да, во сне привиделось.

Мне малым-мало спалось,
Ой, да, во сне привиделось.

Ой да, во сне привиделось,
Будто конь мой вороной
Ой, да разыгрался, разрезвился,
Расплясался подо мной.

Ой да, разыгрался, разрезвился,
Расплясался подо мной.

Ох, налетели ветры злые,
Да с восточной стороны
И сорвали черну шапку
С моей буйной головы.

А есаул догадлив был,
Он сумел сон разгадать:
- Ой, да не сносить, — мне говорил он, —
Тебе буйной головы.

- Ой, да не сносить, — мне говорил он, —
Тебе буйной головы.

Ой, то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да, во сне привиделось.

Алексей Мерзляков

* * *

Среди долины ровняя,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит непогодушка —
Кто будет защищать?

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Возьмите же все золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

Иван Козлов

Вечерний звон

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он.
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

Семен Стромиллов

* * *

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит;

Извела меня кручина,
Подколотная змея!..
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой:
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручиться молодцу.
То не ветер ветку клонит...

Николай Некрасов

Тройка

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забил сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, темных, как ночь...

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

* * *

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И сюда невзначай забрело.

Ой, беда приключилася страшная,
Мы такой не видали вовек:
Как у нас, голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы — тошнехонько,
Догадались деньжонок собрать.
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни ему хороводные
Из села на заре долетать
Будут нивы ему хлебородные,
Безгреховные сны навевать.

Коробейники

“Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!

* * *

Выйди, выйди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завяжу черноокою —
Все товары разложу.

“Цены сам платил немалые,
Не торгуйся, не скупись!
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!”

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.

Катя бережно торгуется,
Все боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.

Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

Ой! легка, легка корбушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.

Алексей Разоренов

* * *

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его,
Скучно, грустно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной:
Что так рвется ретивое
И терзаюсь я тоской.

Все оно во мне заныло,
Вся горю я, как в огне.
Все не мило, все постыло,
И страдаю я по нем.

Мне не надобны наряды,
И богатства всей земли.
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли.

Сжался, сжался же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая,
Век должна его любить.

И.Макаров

* * *

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.

Столько чувства в той песне унылой.
Столько грусти в напеве родном,
Что в груди моей, холодной, остылой,
Разгорелось сердце огнем.

И припомнил я ночи иные,
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка...
И замолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека.
Предо мной далека, далека...

Матвей Ожегов

* * *

Меж крутых бережков
Волга-речка течет,
А на ней по волнам,
Легка лодка плывет.

В ней сидел молодец,
Шапка с кистью на нем,
Он, с веревкой в руках,
Волны резал веслом.

Как на том берегу,
Красный терем стоял,
Там красotka жила, -
Он ее вызывал.

Долго бились они
На крутом берегу,
Не хотел уступать
Воевода врагу.

Волга в волны свои
Молодца приняла,
По реке, по волнам
Шапка с кистью плыла.

Неизвестный автор

* * *

Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.

Шумит, бушует непогода,
Далек, далек бродяге путь.
Укрой, тайга его глухая, -
Бродяга хочет отдохнуть.

Там далеко за темным бором
Оставил родину свою,
Оставил мать свою родную,
Детей, любимую жену.

«Умру, в чужой земле зарюют,
Заплачет маменька моя,
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка никогда».

* * *

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой.
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой.

«О чем задумался, детина? —
Седок приветливо спросил.
Какая на сердце кручина,
Скажи, тебя кто огорчил?»

«Ах, милый барин, добрый барин,
Уж скоро год, как я люблю,
А нехристь — староста татарин,
Меня журит, а я терплю.

Ах, милый барин, скоро святки,
А ей не быть уже моей.
Богатый выбрал да постылый,
Ей не видать веселых дней».

Ямщик умолк. И кнут ременный
С досадой за пояс заткнул,
«Родные, стой! Неугомонны!» -
Сказал, сам горестно вздохнул.

* * *

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбачкую лодку берет,
Унылую песню заводит,
Про Родину что-то поет!

Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать.
“Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша,
Здоров ли отец мой и брат?”

“Отец твой давно уж в могиле,
Землею сырою зарыт,
А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами гремит”.

Подойдем же, пойдем, мой сыночек,
Пойдем же в курень наш родной.
Жена там по мужу скучает,
И плачут детишки гурьбой».

Шумел камыш

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

А поутру они вставали.
Кругом помятая трава,
Да не одна трава помята, —
Помята молодость моя.

Придешь домой, а дома спросят:
«Где ты гуляла, где была?».
А ты скажи: «В саду гуляла,
Домой тропинки не нашла».

А если дома ругать будут,
То приходи опять сюда...
Она пришла: его там нету,
Его не будет никогда...
Шумел камыш, деревья гнулись...

* * *

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик громко плачет,
То хохочет, то звенит.
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей,
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей!

Вот вдали село большое —
Ожил сразу мой ямщик.
Песней звонкой, удаюю
Залился он в тот же миг!
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей,
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей!

Тпру! И тройка вдруг осела
У знакомого крыльца.
В сени девушка влетела
И целует ямщика.
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей,
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей!

* * *

Ты, моряк, красивый сам собою,
Тебе от роду двадцать лет.
Полюби меня, моряк, душою,
Что ты скажешь мне в ответ?

Припев По морям, по волнам —
Нынче здесь, завтра там.
По морям, морям, морям, морям.
Эх! Нынче здесь, а завтра там.

Ты, моряк, уедешь в сине море,
Оставляешь меня в горе,
А я буду плакать и рыдать,
Тебя, моряк мой, вспоминать.

Припев По морям, по волнам —
Нынче здесь, завтра там.
По морям, морям, морям, морям.
Эх! Нынче здесь, а завтра там.

В.Суриков

* * *

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына?

А через дорогу,
За рекой широкой
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.

Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться,
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.

Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась.

Но нельзя рябине
К дубу перебраться,
Знать, судьба такая —
Век одной качаться.

* * *

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли.

«Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
Сказал кочегар кочегару, —
Огни в моей топке совсем не горят,
В котлах не сдержать больше пару.

Поди доложи ты, что я заболел,
И вахты, не кончив, бросаю,
Весь потом истек, от жары изнемог,
Работать нет сил, умираю!»

На палубу вышел, сознания уж нет.
В глазах у него помутилось...
На миг увидел ослепительный свет.
Упал. Сердце больше не билось.

Напрасно старушка ждет сына домой, —
Ей скажут, она зарыдает...
А волны бегут от винта за кормой,
И след их вдали пропадает.

* * *

Славное море — священный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко.

Долго я звонкие цепи влачил,
Долго бродил я в горах Акатуя,
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.

Шел я и в ночь и средь белого дня,
Вкруг городов озираясь зорко,
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Славное море — священный Байкал,
Славный мой парус — кафтан дыроватый,
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Слышатся грома раскаты!

* * *

Ой ты степь кругом!
Путь далек лежит.
В той степи глухой
Замерзал ямщик.

И, набравшись сил,
Чуя смертный час,
Он товарищу
Отдает наказ:

“Ты, товарищ мой,
Не попомни зла,
Здесь, в степи глухой,
Схорони меня!

Ты лошадушек
Сведи к бабушке,
Передай поклон
Родной матушке.

А жене скажи
Слово печальное,
Передай кольцо
Обручальное.

Да скажи ты ей:
Пусть не печалится.
Пусть с другим она
Обвенчается.

Про меня скажи,
Что в степи замерз,
А любовь ее
Я с собой унес!"

* * *

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку,
И крепко же, братцы, в селенье одном
Любил я в ту пору девочку.

Сначала не чуял я в девке беду,
Потом задурил не на шутку:
Куда ни поеду, куда ни пойду,
Все к милой сверну на минутку.

И любо оно, да покоя-то нет,
А сердце болит все сильнее.
Однажды дает мне начальник пакет:
"Свези, мол, на почту живее!"

Я принял пакет — и скорей на коня,
И по полю вихрем помчался,
А сердце щемит да щемит у меня,
Как будто с ней век не видался.

И что за причина, понять не могу,
Забилось сердце в тревоге
И вдруг словно замер мой конь на бегу,
И вижу я труп на дороге.

Под снегом-то, братцы, лежала она...
Закрылися карие очи.
Налейте, налейте скорей мне вина,
Рассказывать больше нет мочи!

* * *

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись, сидит с княжной,
Свадьбу новую справляет
Он, веселый и хмельной.

Позади их слышен ропот:
“Нас на бабу променял,
Только ночь с ней провожжался,
Сам на утро бабой стал”.

Этот ропот и насмешки
Слышит грозный атаман
И могучею рукою
Обнял персиянки стан.

“Волга, Волга, мать родная,
Волга, русская река,
Не видала ты подарка
От донского казака!”

Одним взмахом поднимает
Он красавицу княжну
И за борт ее бросает
В набежавшую волну.

“Что ж вы, черти, приуныли?
Эй ты, Филька, черт, пляши!
Грянем, братцы, удалую
На помин ее души!”

Б. Тимофеев

* * *

За окном черемуха колышется,
Осыпая лепестки свои.
У реки знакомый голос слышится,
Да поют всю ночь соловьи.

Сердце девичье забилося сладостно:
«Ах, как все цветет сейчас в саду!
Жди меня, мой ласковый, мой радостный,
Я к тебе в заветный час приду!..»

Вновь в саду черемуха колышется
Осыпая лепестки свои...
Но знакомый голос уж не слышится,
Лишь поют, всю ночь соловьи.

А.Кусиков

Бубенцы

Сердце будто проснулось пугливо,
Пережитого стало мне жаль;
Пусть же кони с распущенной гривой
С бубенцами умчат меня вдаль.

Слышу звон бубенцов издалека —
Это тройки знакомый разбег,
А вокруг расстелился широко
Белым саваном искристый снег.

Звон бубенчиков трепетно может
Воскресить позабытую тень,
Мою русскую душу встревожить
И стряхнуть мою русскую лень.

Слышу звон бубенцов издалека...

* * *

Над полями да над чистыми
Месяц птицею летит,
И серебряными искрами
Поле ровное блестит!

Ну, дружней, звончей, бубенчики!
Заливные голоса!
Эх, ты, удаль молодецкая!
Эх, ты, девичья краса!

Гривы инеем кудрявятся,
Порошит снежком лицо,
Выходи встречать, красавица,
Друга мила на крыльцо!

Глянут в душу очи ясные -
Закружится голова!
С милым жизнь, что солнце красное,
А без мила трын-трава.

Ну, дружней, звончей, бубенчики!
Заливные голоса!
Эх, ты, удаль молодецкая!
Ах ты, девичья краса!

* * *

Живет моя отрада
В высоком терему,
А в терем тот высокий
Нет хода никому.

Я знаю, у красотки
Есть сторож у крыльца,
Никто не загородит
Дороги молодца.

Была бы только ночка,
Да ночка потемней,
Была бы только тройка,
Да тройка порезвей!

Была бы только тройка,
Да тройка порезвей!
Увез бы я отраду
Отсюда поскорей.

Златые горы

«Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Я все отдал бы за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна.

Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу,
Тогда свободно и счастливо
С молитвой мы пойдем к венцу.

Не раз, Мария, твою руку
Просил я у отца не раз,
Отец не понял моей муки,
Жестокий сердцу дал отказ».

Умчались мы в страну чужую,
А через год он изменил,
Забыл он клятву ту святую,
А сам другую полюбил.

Не надо мне твоей уздечки,
Не надо мне твоего коня,
Ты пропил горы золотые
И реки полные вина».

* * *

Окрасился месяц багрянцем,
Где волны шумели у скал.
Поедем, красotka, кататься,
Давно я тебя поджидал.

Я еду с тобою охотно,
Я волны морские люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю.

Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам.
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам.

Нельзя? Отчего ж, дорогой мой?
А в прошлой, минувшей судьбе,
Ты помнишь, изменщик коварный,
Как я доверяла тебе?

Окрасился месяц багрянцем,
Где волны шумели у скал.
Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал.

* * *

По Дону гуляет казак молодой?
А дева там плачет, над быстрой рекой.
«О чем, дева, плачешь, о чем слезы льешь?»
«Ах, как мне не плакать, слез горьких не лить?»
Когда молоденькой, я в люльке спала.
А в возрасте стала, к цыганке пошла.
Цыганка гадала, за ручку брала.
«Не быть тебе, дева, замужней женой.
Потонешь, девица, в день свадьбы своей».
По Дону гуляет, казак молодой.
А дева там плачет, над быстрой рекой.

Пряха

В низенькой светелке
Огонек горит,
Молодая пряха
Под окном сидит.

Молода, красива,
Карие глаза.
По плечам развита
Русая коса.

Русая головка,
Думы без конца..
Ты о чем мечтаешь,
Девушка-краса?..

В низенькой светелке
Огонек горит,
Молодая пряха
Под окном сидит.

Ой, мороз, мороз!

Ой, мороз-мороз!
Не морозь меня,
Не морозь меня,
Моего коня.

Не морозь меня,
Моего коня,
Моего коня,
Белогривого.

Моего коня,
Белогривого...
У меня жена,
Ой, ревнивая!

У меня жена,
Ох, красавица,
Ждет меня домой,
Ждет-печалится.

Я вернусь домой
На закате дня -
Обниму жену,
Напою коня.

* * *

Позарастили стежки-дорожки,
Где проходили милого ножки.
Позарастили мохом-травую,
Где мы гуляли, милый, с тобою.

Мы обнимались, слезно прощались,
Помнить друг друга мы обещались.
Нет у меня с той поры уж покоя, -
Верно, гуляет милый с другою.

Если забудет, если разлюбит,
Если другую мил приголубит, -
Я отомстить ему поклянуся,
В речке глубокой я утоплюся.

Птички-певуньи, правду скажите,
Весть про милого вы принесите,
Где ж милый скрылся, где пропадает?
Бедное сердце плачет, страдает.

Позарастали стежки-дорожки,
Где проходили милого ножки,
Позарастали мохом-травую,
Где мы гуляли, милый, с тобою.

* * *

На лужке, лужке, лужке,
При широком поле,
В незнакомом табуне
Конь гулял по воле.

Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не поймаю,
Как поймаю — зауздаю
Шелковой уздою.

Я поймаю, зауздаю
Шелковой уздою,
Дам две шпоры под бока —
Конь, лети стрелюю!

Ты лети, лети, мой конь,
Ты, как ветер, мчися,
Против нашего двора,
Конь, остановися!

Подъезжай, конь, к воротам,
Топни копытами,
Чтобы вышла милая
С черными бровями.

Но не вышла милая.
Вышла ее мати:
“Здравствуй, в хату заходи,
Здравствуй, милый зятик”.

А я в хату не пойду,
Пойду я в светлицу,
Разбужу я ото сна
Красную девицу.

Красавица там спала,
Ничего не знала,
Правой ручкой обняла
Да поцеловала.

Липа вековая

Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.

Луг покрыт туманом,
Словно пеленой;
Слышен за курганом
Звон сторожевой.

Этот звон унылый
Давно прошлых дней
Пробудил, что было,
В памяти моей.

Вот все миновало,
Я уж под венцом,
Молодца сковали
Золотым кольцом.

Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удалая
Вдалеке звенит.

Родное

Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья...
Это русская сторона,
Это Родина моя!

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля...
Это русское раздолье,
Это русская земля!

Вижу горы-исполины,
Вижу реки и леса...
Это русские картины,
Это русская краса!

Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья...
Это русская сторонка,
Это Родина моя!

Ревела буря

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И непрерывно гром гремел,
И вихри в дебрях бушевали...

Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громкозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали средь дубравы.

Кучум, презренный царь Сибири,
Подкрался тайно на челнах...
И пала грозная во прах,
Не обнажив мечей, дружина!

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И непрерывно гром гремел,
И вихри в дебрях бушевали...

Оренбургский пуховый платок

В этот вьюжный неласковый вечер,
Когда снежная мгла вдоль дорог,
Ты накинь, дорогая, на плечи
Оренбургский пуховый платок.

Я его вечерами вязала
Для тебя моя, добрая мать.
Я готова тебе, дорогая,
Не платок даже — сердце отдать!

Чтобы ты в эту ночь не скорбела,
Прогоню от окошка пургу.
Сколько б я тебя, мать, не жалела,
Все равно пред тобой я в долгу.

Пусть буран все сильнее свирепеет,
Мы не пустим его на порог.
Пусть тебя, моя мама, согреет
Оренбургский пуховый платок!

Уральская рябинушка

Ветер тихой песнею над рекой плывет,
Дальними зарницами светится завод.
Где-то поезд катится точками огня,
Где-то под рябинушкой парни ждут меня.
Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы,
Ой, рябина, рябинушка,
Что взгрустнула ты?..
Лишь гудки певучие смолкнут над водой,
Я иду к рябинушке тропкою крутой.

Треплет под кудрявою ветер без конца
Справа кудри токаря, слева — кузнеца.
Днем в цеху короткие встречи горячи,
А сойдемся вечером — сядем и молчим.
Смотрят звезды летние молча на парней
И не скажут, ясные, кто из них милей...
Укрывает инеем землю добела,
Песней журавлиною осень проплыла.
Но все той же узкою тропкой между гор
Мы втроем к рябинушке ходим до сих пор.
Кто из, них желаннее, руку сжать кому?
Сердцем растревоженным так и не пойму.
Хоть ни в чем не схожие, оба хороши...
Милая рябинушка, сердцу подскажи.
Ой, рябина, рябинушка,
Оба хороши.
Ой, рябина, рябинушка,
Сердцу подскажи!

Два берега

Ночь была с ливнями,
И трава в росе.
Про меня “счастливая”
Говорили все.

И сама я верила,
Сердцу вопреки:
Мы с тобой — два берега
У одной реки.

Утки ходят — парами,
Как с волной волна,

Все подруги с парнями,
Только я одна.

Все ждала и верила,
Сердцу вопреки:
Мы с тобой — два берега
У одной реки.

Ночь была, был рассвет,
Словно тень крыла.
У меня другого нет,
Я тебя ждала.

Все ждала и верила,
Сердцу вопреки:
Мы с тобой — два берега
У одной реки.

* * *

Огней так много золотых
На улицах Саратова,
Парней так много холостых,
А я люблю женатого.

Эх, рано он завел семью!
Печальная история.
Я от себя любовь таю,
А от него тем более.

Я от него бежать хочу,
Лишь только он покажется.
А вдруг все то, о чем молчу,
Само собою скажется?

Его я видеть не должна,
Боюсь ему понравиться.
С любовью справлюсь я одна,
А вместе нам не справиться.

Пловец

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный,
Парус мой направил я.
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней, -
Будет буря! Мы поспорим,
И помужествуем с ней!

Смело, братья! Туча грянет;
Закипит громада вод;
Выше вал сердитый грянет;
Глубже бездна упадет.

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

РУССКИЕ (СОВЕТСКИЕ)
ПЕСНИ XX ВЕКА

ЕСЕНИНСКИЕ

* * *

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук.
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

* * *

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневим просторам.
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.
Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.

И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

* * *

Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И собирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не стряхнуть?..

Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип».

* * *

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.
Был я весь как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.
Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз златокарий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.
Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.
Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.
Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...

В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

* * *

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.

Иною кажется мне Русь,
Иными кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

Письмо матери

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.
Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.
И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.
Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.
Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной

Воротиться в низенький наш дом.
Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.
Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.
И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.
Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

* * *

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.
Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.
Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду!
Много дум я в тишине продумал,

Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.
Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.
Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.
Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле...
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

Лисица

На раздробленной — приковыляла,
У норы свернулась в кольцо.
Тонкой строчкой кровь отмежевала,
В снег упала, как перед концом.
В глаз глядел в колючем дыме выстрел,
Колыхалась вся лесная тень.
Из кустов косматый ветер мыслил
Всыпать звон ей, звонкую дробь.
 Как желна, над нею мгла металась,
 Мокрый вечер липок был и ал.
 Голова тревожно подымалась,
 И язык на ране застывал.
Желтый хвост упал в метель пожаром,
На губах — вчерашняя морковь.
Пахло смертью, глиняным угаром,
А в прищур сочилась тихо кровь.

На раздробленной — приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Так она одна тут и лежала,
Снился теплый сон перед концом.

* * *

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

* * *

Не жалею, не зову, не плачу
Все пройдет как с белых яблонь дым
Увяданья золотом охваченный
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться
Сердце, тронутое холодком
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! Ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях.
Жизнь моя иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны.
Тихо льется с кленов листьев медь.
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть.

* * *

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник.
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растроченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.

Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

* * *

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —
И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

* * *

Лейся, песня, пуще, лейся, песня звяньше.
Все равно не будет то, что было раньше.
За былую силу, гордость и осанку
Только и осталась песня под тальянку.

* * *

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь,
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.

Ты мне пой, ну а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою,
Вижу вновь дорогие черты.

Ты мне пой, ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.

Ты мне пой, ну а я припомню
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.

Потому-то так сердцу не жестко —
Мне за песнею и за вином.
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.

* * *

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

* * *

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.
Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.
Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить.
Мимо окон тебя понесли хоронить.
И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.
Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.
Ты поила коня из горстей в поводу...

* * *

Из кинофильма «Золотая голова на плахе»

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых.
И как печальны вы, капли ненастные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы — чувства тяжелого.
Тихо скользите по стеклам и бродите,
Точно как ищите что-то веселого.

Люди несчастные, жизнью убитые,
С болью в душе вы свой век доживаете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.
Капли жемчужные. капли прекрасные...

РУБЦОВСКИЕ

* * *

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

* * *

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких -
Попробуй их останови!
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

Привет, Россия!

Привет, Россия — родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...

Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле — по селам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильнее,
И я нигде не мог остановиться.

Привет, Россия — родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.

За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем.
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..

Расплата

Стукнул по карману — не звенит.
Стукнул по другому — не слышать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.

Но очнусь и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.

Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг —
Жизненный отсчитывает срок.

Стукну по карману — не звенит.
Стукну по другому — не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...

* * *

«Чудный месяц плывет над рекою», —
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!

Не пугают разбойные лица,
И не мыслят пожары зажечь,
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.

Неспокойные тени умерших
Не встают, не подходят ко мне.
И, тоскуя все меньше и меньше,
Словно бог я хожу в тишине.

И откуда берется такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!

Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы...

Звезда полей

Звезда полей, во мгле заледенелой
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдаль.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

(на музыку композиторов)

Соловьи

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного поспят.

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,

А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного поспят.

А завтра снова грянет бой, -
Уж так назначено судьбой.
Не потому, что пушки бьют...

Соловьи, соловьи...

На солнечной поляночке

На солнечной поляночке,
Дугою выгнув бровь,
Парнишка на тальяночке
Играет про любовь.

Про то, как ночи жаркие
С подружкой проводил,
Какие полушалки ей
Красивые дарил.

Играй, играй, рассказывай,
Тальяночка, сама
О том, как черноглазая
Свела с ума.

Когда на битву грозную
Парнишка уходил,
Он ночью темной, звездною
Ей сердце предложил.

В ответ дивчина гордая
Шутила, видно, с ним:
— Когда вернешься с орденом,
Тогда поговорим.

Боец средь дыма-пороха,
С тальяночкой дружил,
И в лютой битве с ворогом
Медаль он заслужил.

Пришло письмо летучее,
В заснеженную даль,
Что ждет, что в крайнем случае
Согласна на медаль.

Играй, играй, рассказывай,
Тальяночка, сама,
О том, как черноглазая
Свела с ума.

Звездочка

Долго ночь длится,
Лютый ветер злится,
По заставе нашей бьет крылом.
Скоро до рассвета,
До весны, до лета
Мы с тобой, товарищ, доживем?

Там, где солнце всходит,
Есть на небосводе
Звездочка заветная одна.
Днем она не гаснет,
Нет ее прекрасней,
Из-за тучи звездочка видна.

С милой как простились,
Так уговорились
Вечно помнить звездочку свою.
Где б я только ни был,
Лишь взгляну на небо —
Звездочку средь тысяч узнаю.

Вот она высоко,
Далеко-далеко,
Над родною улицей моей,
Где цветет рябина,
Где моя дивчина,
Где поет до зорьки соловей.

Давно мы дома не были

Горит свечи огарочек,
Гремит недалый бой.
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей фронтовой.
По-дружески да попросту
Поговорим с тобой.
По-дружески да попросту,
Не тратя время попусту,
Поговорим с тобой.

Давно мы дома не были,
Цветет родная ель,
Как будто в сказке-небыли
За тридевять земель.
На ней иголки новые,
Зеленые на ней,

На ней иголки новые,
А шишки все еловые,
Медовые на ней.

Где елки осыпаются,
Где елочки стоят,
Который год красавицы
Гуляют без ребят.
Без нас девочкам кажется,
Что звезды не горят,
Без нас девочкам кажется,
Что месяц сажей мажется,
А звезды не горят.

Зачем им зорьки ранние,
Коль парни на войне -
В Германии, в Германии,
В далекой стороне.
Лети, мечта солдатская,
Напомни обо мне.
Лети, мечта солдатская,
К дивчине самой ласковой,
Что помнит обо мне...

Горит свечи огарочек,
Гремит недалый бой.
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей фронтовой.

* * *

Где ж ты мой сад, вешняя заря?
Где ж ты, подруга, яблонька моя?

Я знаю,
Родная,
Ты ждешь меня, хорошая моя.

Снятся бойцу карие глаза,
На ресницах темных — светлая слеза.
Скупая,
Святая,
Девичья горячая слеза.

Мне не легко до тебя дойти,
Я вернусь, родная, жди и не грусти.
С победой
Приеду,
Любовь твоя хранит меня в пути.

Перелетные птицы

Мы, друзья, перелетные птицы,
Только быт наш одним нехорош:
На земле не успели жениться,
А на небе жены не найдешь!

Потому, потому, что мы пилоты,
Небо наше, небо наш родимый дом.
Первым делом, первым делом самолеты.
Ну, а девушки? А девушки потом.

Нежный образ в мечтах приголубишь,
Хочешь сердце навеки отдать:
Нынче встретишь, увидишь, полюбишь,
А на завтра приказ — улетать.

Чтоб с тоскою в пути не встречаться,
Вспоминая про ласковый взгляд,
Мы решили, друзья, не влюбляться
Даже в самых красивых девчат.

Потому, потому, что мы пилоты,
Небо наше, небо наш родимый дом.
Первым делом, первым делом самолеты.
Ну, а девушки? А девушки потом.

Тропки-дорожки

Потайными стежками,
Статная да ладная,
В туфельках с застежками
Шла ты, не наглядная.

Стежки-дорожки,
Трава-мурава,
Сердечком сережки,
В сережках трава.

Шла оврагом, садом ли,
Чтоб тебя не видели,
Чтобы словом, взглядом ли
Люди не обидели.

Этим поздним вечером
Нам звезда лукавила,
И луна доверчиво
Нас вдвоем оставила.

Стежки-дорожки,
Трава-мурава,
Сердечком сержки,
В сержках трава.

Где же вы теперь, друзья-однополчане?

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Я хожу в хороший час заката
У тесовых новеньких ворот.
Может, к нам сюда знакомого солдата
Ветерок попутный занесет?

Мы бы с ним припомним, как жили,
Как теряли трудным верстам счет.
За победу б мы по полной осушили,
За друзей добавили б еще.

Если ты случайно не женатый,
Ты, дружок, нисколько не тужи:
Здесь у нас в районе, песнями богатом,
Девушки уж больно хороши.

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Три года ты мне снилась

Мне тебя сравнить бы надо
С песней соловьиною,
С тихим утром, с майским садом,
С гибкою рябиною.
С вишнею, с черемухой,
Даль мою туманную,
Самую далекую,
Самую желанную.

Как все это случилось,
В какие вечера?
Три года ты мне снилась,
А встретилаь вчера.
И сердцу вдруг открылась,
Что мне любить пора.
Три года ты мне снилась,
А встретилаь вчера.

Мне тебя сравнить бы надо
С первою красавицей,
Что своим веселым взглядом
К сердцу прикасается,
Что походкой легкой
Подошла нежданная,
Самая далекая,
Самая желанная.

Как все это случилось,
В какие вечера?
Три года ты мне снилась,
А встретилаь вчера.
И сердцу вдруг открылась,
Что мне любить пора.
Три года ты мне снилась,
А встретилаь вчера.

* * *

По мосткам тесовым, вдоль деревни,
Ты идешь на модных каблучках,
И к тебе склоняются деревья,
Звездочки мигают в облаках.

Запоешь ли песню в час заката —
Умолкают птицы в тот же час.
Даже все женатые ребята
От тебя не отрывают глаз.

Только я другой тебя запомнил —
В сапогах, в шинели боевой.
Ты у нас в стрелковом батальоне
Числилась по спискам рядовой.

О тебе кругом гремела слава.
Ты прошла огонь, чтоб мирно жить.
И тебе положено по праву
В самых модных туфельках ходить.

Я иду росистой тропею,
Словно по приказу, за тобой.
Я в бою командовал тобою,
А теперь я вроде рядовой.

Далеко твой звонкий голос слышен.
Вся деревня в лунном серебре.
Две пригоршни цвета белых вишен
Бросил ветер под ноги тебе.

* * *

Поет гармонь за Вологдой,
Над скошенной травой,
Проходит песня по лугу
Тропинкой луговой.
Тропинкой, стежкой узкою —
Вдвоем не разойтись —
Под собственную музыку
Шагает гармонист.

Припев Травы-муравы, в сережках трава.
Зреет пшеница, рожь колосится,
Песня вдали слышна.
Легко ему шагается:
Погожий день хорош.
Глаза его хозяйские
Осматривают рожь.
Шумит она, красавица,
Ей вторят в лад овсы,
И парень улыбается
В пшеничные усы.
Припев Травы-муравы, в сережках трава.
Зреет пшеница, рожь колосится,
Песня вдали слышна.

Поет гармонь за Вологдой,
Над скошенной травой
Проходит песня по лугу —
У песни путь прямой.
Летит она веселая,
Как птица в вышине,
Над городами, селами,
По вольной стороне.
Припев Травы-муравы, в сережках трава.
Зреет пшеница, рожь колосится,
Песня вдали слышна.

Золотые огоньки

В тумане скрылась милая Одесса —
Золотые огоньки.
Не горюйте, ненаглядные невесты,
В сине море вышли моряки.

Недаром в наш веселый, шумный кубрик
Старшина гармонь принес.
И поет про замечательные кудри
Черноморский удалой матрос.

Напрасно милые о нас гадают
Вечерком в родном краю —
Моряки своих подруг не забывают,
Любят их, как Родину свою.

Так не горюйте, милые невесты:
Возвратятся моряки,
В край родимый, где у берега Одессы
Золотые светят огоньки.

В городском саду

В городском саду играет
Духовой оркестр.
На скамейке, где сидишь ты,
Нет свободных мест.
Оттого, что пахнут липы
И река блестит,
Мне от глаз твоих красивых
Взор не отвести.

Прошел чуть не полмира я —
С такой, как ты, не встретился

И думать не додумался,
Что встречу я тебя.
Знай, такой другой на свете
Нет наверняка,
Чтоб навеки покорила
Сердце моряка.
По морям и океанам
Мне легко пройти,
Но к такой, как ты, желанной,
Видно, нет пути.

Прошел чуть не полмира я —
С такой, как ты, не встретился
И думать не додумался,
Что встречу я тебя.

Вот рассвет весенний гасит
Звездочки в пруду.
Но ничто не изменилось
В городском саду.
На скамейке, где сидишь ты,
Нет свободных мест,
В городском саду играет
Духовой оркестр.

* * *

**Частушки Коли Курочкина
из кинофильма «Свадьба с приданым»**

Хвастать, милая, не стану —
Знаю сам, что говорю.
С неба звездочку достану
И на память подарю.

Обо мне все люди скажут:
Сердцем чист и не спесив...
Или я в масштабах ваших
Недостаточно красив?

Мне б ходить, не унывая
Мимо вашего села.
Только стежка полевая
К вам навеки привела.
Ничего не жаль для милой,
И для друга — ничего.
Для чего ж ходить вам мимо,
Мимо взгляда моего?

Я работаю отлично,
Премирован много раз.
Только жаль, что в жизни личной
Очень не хватает вас.
Для такого объясненья
Я стучался к вам в окно —
Пригласить на воскресенье
В девять сорок пять в кино.

Из-за вас, моя черешня,
Ссорюсь я с приятелем.
До чего же климат здешний
На любовь влиятелен!
Я тоскую по соседству
И на расстоянии.
Ах, без вас я, как без сердца,
Жить не в состоянии!

* * *

На крылечке твоём
Каждый вечер вдвоём
Мы подолгу стоим
И расстаться не можем на миг.
«До свиданья», — скажу,
Возвращусь и хожу,
До рассвета хожу
Мимо милых окошек твоих.

И сады, и поля,
И цветы, и земля,
И глаза голубые,
Такие родные твои,
Не от солнечных дней,
Не от теплых лучей —
Расцветают от нашей
Горячей и светлой любви.

Если надо пройти
Все дороги-пути,
Те, что к счастью ведут,
Я пройду, мне их век не забыть.
Я люблю тебя так,
Что не сможешь никак
Ты меня никогда,
Никогда, никогда разлюбить.

Ромашка моя

Не для тебя ли в садах наших вишни
Рано так начали зреть?
Рано веселые звездочки вышли,
Чтоб на тебя посмотреть?

Если б гармошка умела
Все говорить не тая!..
Русая девушка в кофточке белой,
Где ты, ромашка моя?
Птицы тебя всюду песней встречают,
Ждет ветерок у окна.
Ночью дорогу тебе освещает,
Выйдя навстречу, луна.
Я не могу быть с тобою в разлуке
Даже пятнадцать минут,
Ведь о тебе все гармони в округе
Лучшие песни поют.
Если б гармошка умела
Все говорить не тая!..
Русая девушка в кофточке белой,
Где ты, ромашка моя?

За Рогожской заставой

Тишина за Рогожской заставой,
Спят деревья у сонной реки.
Лишь составы идут за составами,
Да кого-то скликают гудки.
Почему я все ночи здесь полностью
У твоих пропадаю дверей,
Ты сама догадайся по голосу
Семиструнной гитары моей.
Тот, кто любит, — в пути не заблудится.
Так и я никуда не пойду, —
Все равно переулки и улицы

К дому милой меня приведут.
Подскажи, расскажи, утро раннее,
Где с подругой мы счастье найдем?
Может быть, вот на этой окраине
Или в доме, в котором живем?
Не страшны нам ничуть расстояния.
Но куда ни привел бы нас путь,
Ты про первое наше свидание
И про первый рассвет не забудь.
Как люблю твои светлые волосы,
Как люблюсь улыбкой твоей,
Ты сама догадайся по голосу
Семиструнной гитары моей!

* * *

Ничего не говорила,
Только с нами до речки дошла,
Посмотрела — как будто рублем одарила,
Посмотрела — как будто огнем обожгла.

Расставаясь, оглянулась,
На прощанье махнула рукой
И такую улыбкой тогда улыбнулась,
Что вовек не забыть нам улыбки такой.

Даль сегодня прояснилась,
Ночь хорошие звезды зажгла.
Первой роте сегодня ты ночью приснилась,
Я четвертая рота заснуть не могла.

* * *

**Песня из кинофильма
«Весна на Заречной улице»**

Когда весна придет, не знаю.
Придут дожди... Сойдут снега...
Но ты мне, улица родная,
И в непогоду дорога.

На этой улице подростком
Гонял по крышам голубей.
И здесь, на этом перекрестке,
С любовью встретился своей.

Теперь и сам не рад, что встретил,
Моя душа полна тобой...
Зачем, зачем на белом свете
Есть безответная любовь?

Когда на улице Заречной
В домах погашены огни,
Горят мартеновские печи,
И день и ночь горят они.

Я не хочу судьбу иную,
Мне ни на что не променять
Ту заводскую проходную,
Что в люди вывела меня.

На свете много улиц славных,
Но не меняю адрес я,
В моей судьбе ты стала главной,
Родная улица моя!

Дорожная

Заря встает,
Дорога вдаль ведет,
Кругом земля цветет,
Сверкают реки.
А сердце ждет,
Ну где же ты, моя
Необходимая
Любовь навеки?
Бегут, мелькают версты,
Но где же тот перекресток,
Где ждет меня,
Где ждет меня моя
Необходимая
Любовь навеки?

Видно, всем нам
Быть друзья, всегда в тревоге, -
Кто же знает,
Где сойдутся две дороги,
Две дороги, два пути,
Чтоб друг друга нам найти,
Чтобы вместе рядышком идти.

Заря встает,
Дорога вдаль ведет,
Кругом земля цветет,
Сверкают реки.
А сердце ждет,
Ну где же ты, моя
Необходимая
Любовь навеки?

Бегут, мелькают версты,
Но где же тот перекресток,
Где ждет меня,
Где ждет меня моя
Необходимая
Любовь навеки?

ВОРОНЕЖСКИЕ

Иван Саввич Никитин

Русь

Под большим шатром голубых небес —
Вижу — даль степей зеленеется.
И на гранях их, выше темных туч,
Цепи гор стоят великанами.

По степям, в моря реки катятся,
И лежат пути во все стороны.
Посмотрю на юг — нивы зрелые,
Что камыш густой, тихо движутся;

Мурава лугов ковром стелется,
Виноград в садах наливается.
Гляну к северу — там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух, быстро кружится.

Ах, подымает грудь море синее
И гора берез ходит по морю!
И пожар небес ярким заревом
Освещает мглу непроглядную.

Это ты, моя Русь, Русь державная!
Моя родина православная!
Широко ты, Русь, по лицу земли,
В красе царственной, развернулася!

Уж и есть за что, Русь могучая!
Полюбить тебя, назвать матерью,
Встать за честь твою против недруга,
За тебя в нужде сложить голову!

Музыка леса

Без конца поля развернулись,
Небеса в воде опрокинулись.
За крутой курган солнце прячется,
Облаков гряда развернулася.

Лес стоит, покрыт краской розовой,
Провожает сень тихой музыкой.
Разливаются звуки чудные,
Сам не знаю я, что мне весело.

Все мне кажется, что давным-давно
Где-то слышал я эту музыку.
На груди моей милой матушки
Я дремал, и мне песни слышались.

Не от этого ль так мне весело
Слушать сумерки, леса музыку?
Что при ней одной детство помнится,
Безотрадное забывается.

Утро

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.

Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.

Потянул ветерок, воду морщит — рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились.

Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...
А восток все горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.

Алексей Васильевич Кольцов

Кольцо

Я затеплю свечу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Разгорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Без него — для меня
Ты ненадобно,
Без него на руке —
Камень на сердце.

Как взгляну, как вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную.

Невредимо, черно,
На огне кольцо,
И звенит по столу
Память вечную.

* * *

Не весна тогда красовалася,
Не луна на нас любовалася!
Не под холодом, под туманами,
Ты в объятьях жгла поцелуями!

Ночи темные, ночи бурные
Шли, как облачка, мимо солнышка.
Вьюги зимние, вьюги шумные
Напевали нам песни чудные.

Алексей Прасолов

Весна

Весна — колеи шершавой
До льдинки утренней моя.
Упрямо в мир выходят травы
Из темного небытия.

И страшно молод и доверчив.
Как сердце маленькое их.
И стынет он по-человечьи,
К победе вынесенный ввысь.

И в нас какое-то подобье.
Мы прорастаем только раз,
Чтоб мир застать в его недобрый
Иль в напоенный светом час.

Последняя встреча

Как будто век я не был тут,
Не потому что перемены.
Все так же ласточки поют
И метят крестиками стены.

Для всех раскрытая сирень
Все так же выгнала побег.
Сквозь просветленно-зыбкий день,
Сквозь воздух, полный синей неги.

И я в глаза твои взглянул,
Из глубины я ждал ответа,
Но, отчужденный, он скользнул,
Рассеялся и сгинул где-то.

Когда я, трепетный насквозь,
Призвал на помощь взгляду слово,
Но одиноко раздалось
Оно. И тихо стало снова.

И был язык у тишины,
Сводил он нынешнее с давним
И стали мне теперь слышны
Слова последнего свиданья.

Не помню, пели ль соловьи,
Была ли ночь тогда с луною,
Но встали там глаза твои,
Открывшись вдруг передо мною.

Анатолий Жигулин

* * *

Черные листья осины,
Зелень кукушкина льна.
Дивной, неведомой силы
Русская осень полна.
Птицы ли вдаль улетают,
Жгут ли на поле жнивье, —
Эта пора наполняет
Нежностью сердце мое.
Так бы прошел я все муки
В той неуютной дали,
Если б не помнил в разлуке
Запах родимой земли.

* * *

Белеет зябь морозными ожогами.
За голым лесом дымная заря.
Опять иду звенящими дорогами
Бесснежного сухого декабря.
Опять, наверное, погибнут озими,
Промерзнут обнаженные поля.
От этой долгой, бесконечной осени
Устала и измучилась земля.
Уже дубы в последнем редком золоте
На пустыре застыли не дыша.
И беззащитна, как свеча на холоде,
В глухом просторе хрупкая душа.
И, словно нет предела безотрадности,
И страшно в этом холоде пропасть...
Пора бы сердцу отогреться в радости,
Пора бы снегу теплому упасть!

* * *

Земля, поросшая травой,
Какое это чудо.
И запах мяты луговой
Неведомо откуда.

И эти низкие дома,
По-южнорусски хаты,
И эти нивы у холма
Просторны и покаты.

И этот рокот спелой ржи,
Звонящие косилки,
И эти вечные стрижи
Над лужей у развилки.

Какой рассвет моей судьбы
Летит со мною вместе
Туда, где старые дубы,
Такие же, как в детстве.

* * *

Опять я подумал о Родине,
Где стынет в росе лебеда,
Где в старой замшелой колодине
С утра холодеет звезда.
Там черные тени в дубраве
И белый над берегом сад.
И можно не думать о славе
И слушать, как листья летят...
Там речка прозрачна, как детство.
Там рыжим кустам камыша,
Наверное, точно известно,
Бессмертна ли наша душа.

* * *

Тихое поле над логом.
Чистый холодный овес.
И за обветренным стогом
Рощица тонких берез.

Родина! Свет предосенний
Неограченного дня.
Желтым потерянном сеном
Чуть золотится стерня.
Бледные ломкие стебли
Жмутся к косому плетню.
Эту неяркую землю
Каждой кровинкой люблю.

Чтобы уже не подняться,
Чтобы в последней беде
Нежно щекою прижаться
К пыльной сухой борозде.

* * *

Загорелась листва на березах.
Засветился в низинах туман.
И в предчувствии первых морозов
Помрачнел придорожный бурьян.

И за ветками черных осинок,
За сырым и холодным жнивьем
Пробивается зелень озимых,
Словно память о детстве моем.

Вспоминается звон у колодца
На далекой-далекой заре.
Безымянная речка, болотце,
Голубая трава в серебре...

И в предчувствии вечной разлуки
На краю убывающих дней
Вспоминаются нежные руки,
Руки матери милой моей.

СМОЛЕНСКИЕ

Н.И.Рыленков

* * *

Бродит ветер по болоту,
Клонит явор до земли.
Собираются к отлету
На болоте журавли.

Обмахнув следы с ресницы,
 Попрошу: возьмите, птицы,
 Не тоску мою с собой,
 Так платочек голубой.

Станет спрашивать он птицу
 Обо всем, что сердцу снится.
 О девчонке молодой,
 О раките над водой.

О тропинке под ракитой,
 Месяц в листьях золотых.
 Мой платочек, шелком шитый,
 Вы отдайте в тот же миг.

На кайме его нашиты
Все тропинки, все ракиты,
Все лощины и холмы,
Где хоть раз встречались мы.

А.Т.Твардовский

Полночь

Полночь в мое городское окно
Вхоит с ночными дарами.
Позднее небо полным полно
Скученных звезд мирами.

Мне еще в детстве, бывало, в ночном,
Где-нибудь в дедовском поле,
Скопища эти холодным огнем
В темя мне точно кололи.

Сладкой бессоницей юность мою
Грозное небо томило.
где бы я ни был, казалось, стою
В центре вселенского мира.

В зрелости так не тревожат меня
Космоса дальние светы,
Как муравьиная злая возня
Маленькой нашей планеты.

М.В.Исаковский

Моя золотаюшка

Так уж, видно, пришлось,
Так наметилось,
Что одна ты двоим
В жизни встретилась.

Что и мне, и ему примечталась,
Но пока никому не досталась.
Где бы ты ни была, он проведает,
За тобой, словно тень, всюду следует.

Для тебя, для одной, он старается,
Курит только “Казбек” — разоряется.
Для тебя надо мной он подшучивает,
Для тебя под гармонь выкаблучивает.

Чтоб его одного ты заметила,
А меня ты совсем не заметила,
Ну а я не такой удивительный
Не такой, как мой друг, обходительный.

Молча я подойду, сяду с краюшка,
Дорогая моя, золотаюшка.

ПО РАЗНЫМ ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

Юлия Друнина

Руки на снегу

Целовались, плакали и пели.
Шли в атаку, прямо набегу
Девушка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

«Мама, мама! Я дошла до цели!»
Но в степи, на волжском берегу,
Девушка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Я только раз видала рукопашный.
Раз наяву и тысячу во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Штрафной батальон

Дышит в лицо молдаванский ветер
Хмелем осенних трав.
Словно цыганские плечи,
Гибкий дрожит состав.

Мечется степь. Узорный
Желто-зеленый плат.
Пляшут, поют платформы,
Пляшут, поет штрафбат.

Бледный майор расправляет плечи!
«Хлопцы, пропьем свой последний вечер!»
Вечер дорожный, щемящий ветер.
Глух паровозный крик.
Красное небо летит навстречу,
Поезд идет в тупик.

Комбат

Когда забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,

Догнали их две маленькие пули.
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что смертью храбрых пали их сыны.

Анатолий Передрев

Еще не все потеряно, мой друг
Как эта ночь пуста, куда ни денся.
Как город этот ночью пуст и глух.
Нам остается, друг мой, только песня,
Еще не все потеряно, мой друг.

Настрой же струны на своей гитаре,
Настрой же струны на старинный лад,
Которым все в цветенье, все в разгаре.
Сияла ночь, лунной был полон сад.

И не смотри, что я не подпеваю,
Что я лицо ладонями закрыл.
Я ничего, мой друг, не забываю.
Я помню все, что ты не позабыл.

Все, что тобой отмечено с любовью,
И так звучит на сердце и на слух,

Что нам всего не перепеть с тобою,
Еще не все потеряно, мой друг.

Еще струна натянута до боли,
Еще душе так непомерно жаль
Той красоты, рожденной в чистом поле,
Печали той, которой дышит даль.

И дорогая русская дорога
Еще слышна, не надо даже слов.
Чтоб разобрать издалика — далека
Знакомый звон забытых бубенцов.

Глеб Горбовский

* * *

Художник рисовал Москву.
Его мольбертик колченогий,
Напоминавшая траву борода
Были столь убоги,
Что на бульваре малышня
О нем и та забыла вскоре.

«Художник нарисуй меня
На этом сереньком заборе», —
Так я сказал ему, и он
Весь улыбнулся мне невольно.
«Я нарисую прежде звон (3 раза)
Вон той потертой колокольни».

И приуставшая листва
Шагнула с клена прямо в лужу.
А где-то строилась Москва,
Вся нараспашку, вся наружу.
Светилась, окнами слепя,
Звенела глотками набатно.
«Художник нарисуй себя
В фигурках старого Арбата, —
Так я сказал ему. В ответ
Он улыбнулся мне навстречу:
«Я нарисую прежде свет, (3 раза)
Пока его не выпил вечер».

Владимир Костров

* * *

Лунное пенье трубы полковой,
Честно прошедшей сквозь годы и войны.
Тихо играет оркестр духовой
Вальс незабывтый «Амурские волны».

В старых Сокольниках около ив
Музыка льется свежо и просторно.
С детства тревожащий сердце мотив
Просто и грустно выводят валторны.

Стало больнее и стало живей
Память далеких и близких походов.
Руку сжимает девчонке своей
Юный влюбленный — солдат-первогодок.

Нет, несмотря на его старину,
Вальс этот может еще пригодиться.
В парке Сокольники прямо в волну
Красное солнышко плавно садится.

Валентин Сорокин

Две радости

У меня две радости, два долга,
Дар судьбы, не сам я выбирал:
Голубая зыбчатая Волга
И скуластый увалень Урал.

Я хотел, чтоб крепче отточилось
Вечное, как солнце, мастерство,
Чтоб душа чуть-чуть ожесточилась
Разным прихлебателям назло.

Среди пестрых кепок и косынок
Я мечтал под скрипы якорей,
Как мне стать защитником и сыном
Родины березовой моей.

У меня две радости, два долга,
Дар судьбы не сам я выбирал:
Голубая зыбчатая Волга
И скуластый увалень Урал.

Чудо земное

Я верю в бессмертие дня
И в честную жизнь государства.

И в то, что на свете меня
Никем заменить не удастся,

За внешней похожестью фраз
Пусть даже потянутся люди.
Но рук моих, губ моих, глаз
Не будет, не будет, не будет.

Не ветер же я, не вода,
Я редкое чудо земное.
И я ненавижу, когда
Меня разлучают со мною (2 раза).

Под свисты ятагана

Я славянин, и стать моя крепка.
И вижу мир я добрыми очами.
За мной летят сказанья и века
И затихают где-то за плечами.

Меня крылом пожары били в грудь,
Я приседал под свисты ятагана.
Мой путь прямой, и я не мог свернуть
Перед ордои лавинной Чингиз-хана.

Голодный, непричесанный, босой,
В стране своей, измученной и жалкой,
Я их сшибал оглоблей и косой,
Лупил простой, обыкновенной палкой.

Вся эта сволочь у меня в долгу!
Во мне гудит, в груди моей, как улей.
И до сих пор я вынуть не могу
Из сердца те заржавленные пули.

Но, обретая гордую красу,
Я говорю, перебивая ропот:
«Да, я не раз еще тебя спасу,
Запуганная до смерти, Европа!»

Марина Цветаева

Марина

Кто создан из камня, кто создан из глины,
А я серебрюсь и сверкаю.
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я брэнная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти,
Тем гроб и надгробные плиты.
В купели морской крещена и в полете
Своем непрестанно разбита.

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня, видишь, кудри беспутные эти
Зимою не сделают солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной воскресаю.
Да здравствует, пена! Веселая пена!
Веселая пена морская!

Леонард Золотарев

Алле Пугачевой

Рыжая буфетчица

(Ироничная песня)

Повстречал я крутую девицу
На скалистом морском берегу.
Ой, ребята! Ту рыжую птицу
До сих пор позабыть не могу.

Гложет сердце кручина.
Вбил на счастье подкову.
Это ж, блин, я — я у нее настоящий мужчина!
Настоящий полковник!

Помню, братцы, гремела фиеста.
Где-то в темном будете мы пили.
Во кино! Три писательских съезда
Ту буфетчицу после клеймили.

Пойте, пойте куплеты
Про красивую ночь.
Эх, буфетчица, где же ты, где ты,
Где ты, рыжая, чертова дочь!

Глядь, вчера в голубой телевизер:
Пугачева весь вечер одна.
Все крапленые ставлю на мизер,
Что буфетчица это она.

Как на подиум влазит творчески,
Как купается творчески в звуках.
То царица, то роза — налетчица.
Ну-ка, ну-ка еще, ну-ка, ну-ка!

Я ж по гроб твой поклонник,
Ты ж мне богом обещана.
Вот кто, блин, настоящий полковник!
Настоящая женщина!

МОИ ЛЮБИМЫЕ ПЕСНИ (XX век)

Березовый сок

Лишь только подснежник распухнет в срок,
Лишь только приблизятся первые грозы,
На белых стволах появляется сок —
То плачут березы, то плачут березы.
Как часто, пьянея среди ясного дня,
Я брел наугад по весенним протокам,
И Родина щедро поила меня
Березовым соком, березовым соком.
Где эти туманы родной стороны
И ветви берез, что над заводью гнутся,
Туда мы с тобой непременно должны
Однажды вернуться, однажды вернуться.
Открой нам, Отчизна, просторы свои,
Заветные чаши открой ненароком -
И так же, как прежде, меня напои
Березовым соком, березовым соком!

Юре Позднякову

Березы

Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд.
Над нами весь вечер березы
О чем-то чуть слышно шумят.
Березы, березы,
Родные березы не спят.

Быть может, они напевают
Знакомую песню весны,
Быть может, они вспоминают
Суровые годы войны.
Березы, березы
Родные березы не спят.

Неужто свинцовой метелью
Земля запыхает окрест,
И снова в солдатских шинелях
Ребята уйдут от невест?
Березы, березы,
Родные березы не спят.

Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд.
Не спят под Москвою березы,
В Париже каштаны не спят.
Березы, березы,
Родные березы не спят.

* * *

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю?
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему?

Виновата одна, виновата во всем.
Еще хочешь себя оправдать.
Так зачем же, зачем в эту темную ночь
Позволяла себя целовать?

Целовал-миловал, целовал-миловал,
Говорил, что я буду его.
А я верила все и, как роза, цвела,
Потому что любила его.

Ой ты, мама моя, ой ты, мама моя!
Отпусти ты меня погулять.
Ночью звезды горят, ночью ласки дарят,
Ночью все о любви говорят.

Вот настала пора, вот настала пора,
А я жду его, жду — не дождусь
Он ко мне не придет, он ко мне не придет,
И его уж другая влечет.

Вологда

Письма, письма лично на почту ношу.
Словно я роман с продолженьем пишу.
Знаю, знаю точно, где мой адресат, -
В доме, где резной палисад.
Где же моя темноглазая, где?
В Вологде-где-где-где?
В Вологде-где?
В доме, где резной палисад.

Шлю я, шлю я ей за пакетом пакет,
Только, только нет мне ни слова в ответ.
Значит, значит, надо иметь ей в виду:
Сам я за ответом приду.
Что б ни случилось, я к милой приду
В Вологду-гду-гду-гду,
В Вологду-гду.
Сам я за ответом приду.

Вижу, вижу алые кисти рябин,
Вижу, вижу дом ее номер один.
Вижу, вижу сад со скамьей у ворот,
Город, где судьба меня ждет.
Вот потому-то мила мне всегда
Вологда-гда-гда-гда,
Вологда-гда,
Город, где судьба меня ждет.

Течет ручей

Вот и прошли года, но мы не старые,
Недолюбившие, сидим усталые.
Весна счастливая, а сколько красок в ней,
Под старой ивою течет, течет ручей.

Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей,
Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.

Лишь только помнится, как мы лопатили,
Не стали все-таки людьми богатыми.
Рядились простенько, гуляли все гульбой,
Теперь я с проседью, а ты — как лунь седой.

Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.
Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.

Судьбе, наверное, так было надобно -
Сердца открытые, как перед ладаном.
Недолюбившие, поведать есть о чем,
Любовь остывшая зажглась седым огнем.

Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.
Течет ручей, бежит ручей,
И я ничья, и ты ничей.

Далеко-далеко

Далеко-далеко, где кочуют туманы,
Где от легкого ветра колышется рожь, —
Ты в родимом краю, у степного кургана,
Обо мне вспоминая, как прежде, живешь.

От далекого друга день и ночь непрестанно
Дорогой и желанной ты все весточки ждешь.

Небосвод над тобой опрокинулся синий,
Плещут быстрые реки, вздыхают моря.
Широко протянулась большая Россия —
Дорогая Отчизна твоя и моя.

О тебе, светлоокой, моей зорьке красивой,
На далекой заставе вновь задумался я.

Далеко-далеко, за лесами седыми,
Я твой сон и покой всякий час берегу,
Чтоб звериной тропой в край, навеки родимый,
Не пройти никогда никакому врагу.

О тебе, моя зорька, на далекой заставе
В нашей жизни тревожной я забыть не могу.

Дрозды

Вы слышали, как поют дрозды,
Нет не те дрозды, не полевые,
А дрозды, волшебники — дрозды,
Певчие избранники России.

Вот они расселись по лесам,
Зазвучали до самозабвенья,
Узнаю я их по голосам,
Певчих повелителей мгновенья.

Звуки вырастают, как цветы,
Грустные, веселые, любые,
То горячие до красноты,
То холодновато-голубые.

Достают до утренней звезды
Радугами падают на травы.
Шапки прочь! В лесу поют дрозды,
Для души поют, а не для славы.

* * *

Когда простым и нежным взором
Ласкаешь ты меня, мой друг,
Необычайным цветным узором
Земля и небо вспыхивают вдруг.

Веселья час и боль разлуки
Хочу делить с тобой всегда.
Давай пожмем друг другу руки —
И в дальний путь на долгие года.

Мы так близки, что слов не нужно,
Чтоб повторять друг другу вновь,
Что эта нежность и наша дружба
Сильнее страсти, больше, чем любовь.

Веселья час и боль разлуки
Хочу делить с тобой всегда.
Давай пожмем друг другу руки —
И в дальний путь на долгие года.

Большак

На тот большак, на перекрестке
Уже не надо больше мне спешить.
Жить без любви, быть может, просто,
Но как на свете без любви прожить?

Пускай любовь сто раз обманет,
Пускай не стоит ею дорожить.
Пускай она печалью станет,
Но как на свете без любви прожить?

Не надо мне, не надо было
Любви навстречу столько лет спешить.
Я б никогда не полюбила,
Но как на свете без любви прожить?

От этих лет куда мне деться,
С любой травинкой хочется дружить.
Ведь здесь мое осталось сердце,
А как на свете без любви прожить?

Ой, ты рожь...

В поле за околицей,
Там, где ты идешь,
И шумит, и клонится
У дороги рожь.
Черны очи видели -
Через поле вброд,
Там навстречу, издали
Паренек идет.

Припев:

Ой ты, рожь,
Хорошо поешь!
Ты о чем поешь,
Золотая рожь?
Счастье повстречается,
Мимо не пройдешь,
Ой ты, рожь!

С неба льется музыка,
Ветерок звенит.
На тропинке узенькой
Встретились они,
Обойти друг друга ли?
Колоски помнешь!
А глаза, как уголья,
Что там — не поймешь!
Припев.

Осень

Осень, прозрачное утро...
Где наша первая встреча...

Не уходи, тебя я умоляю!!
Наш уголок...

Осенние листья

Осенние листья
Шумят и шумят в саду.
Знакомой тропую
Я рядом с тобой иду.
И счастлив лишь тот,
В ком сердце поет,
С кем рядом любимый идет.

Пусть годы проходят —
Живет на земле любовь.
И там, где расстались,
Мы встретились нынче вновь.
Сильнее разлук,
Тепло наших рук,
Мой верный, единственный друг!

В саду опустевшем
Тропа далеко видна.
И осень прекрасна,
Когда на душе весна.
Пусть годы летят,
Но светится взгляд,
И листья над нами шумят.

* * *

При лужке, лужке, лужке,
При широком поле,

При знакомом табуне
Конь гулял на воле.

Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не поймаю,
Как поймаю, зауждаю
Шелковой уздою.

Вот поймал парень коня,
Зауздав уздою,
Вдарил шпоры под бока -
Конь летит стрелою.

Ты лети, лети, мой конь,
Ты, как вихор, мчишься,
Возле милого двора
Стань остановися.

Стань остановися,
Да вдарь копытами,
Чтобы вышла красна девка
С черными бровями.

Но не вышла красна девка,
Вышла ее мати.
Здравствуй, здравствуй, милый зять,
Пожелайте в хату.

А я в хату не пойду,
Пойду во светлицу,
Разбужу я крепким сном
Спящую девицу.

А девица не спала,
Парня поджидала,
Правой ручкой обняла,
Крепко целовала.

А наутро все село,
Все село узнало,
Что казачка казака,
Крепко целовала.

* * *

Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.

Заплачут брат и мои сестры,
Заплачут мать и мой отец.
Идти в солдаты выпал жребий,
И вольным дням пришел конец.

Еще заплачет дорогая,
С которой три года гулял.
Вести ее к венцу собирался,
Любить до гроба обещал.

Коляска быстро подкатила
Около дома моего.
В коляске старшие кричали:
— Готовьте сына своего!

Крестьянский сын, давно готовый,
Семья вся замертво лежит.
Помчусь я к жизни, жизни новой,
Царю, отечеству служить.

Разлука

Разлука, ты разлука, чужая сторона.
Никто нас не разлучит, лишь мать-сыра земля.

Все пташки-канарейки так жалобно поют,
И нас с тобой, мой милый, разлуке предают.

Зачем нам разлучаться? Зачем в разлуке жить?
Не лучше ль обвенчаться, друг друженьку любить.

Колечко потускнело, цветок совсем завял,
И больше уж мой милый любить меня не стал.

Белоснежная вишня

Расцвела под окошком
Белоснежная вишня.
Из-за тучки далекой
Показалась луна.
Все подружки по парам
В тишине разбрелися,
Только я в этот вечер
Засиделась одна.
Вспомни, мой ненаглядный,
Как тебя я встречала...

Мне казалось, что счастье -
Это ты, дорогой!
Все, как лучшему другу,
Я тебе доверяла,
Почему же сегодня
Ты прошел стороной?
Никому не поверю,
Что другую ты любишь.
Приходи на свиданье,
И меня не тревожь.
Неужель в моем сердце
Огонечек потушишь,
Неужели тропинку
Ты ко мне не найдешь?

* * *

Я люблю тебя, Россия,
Дорогая наша Русь.
Нерастраченная сила,
Неразгаданная грусть.

Ты размахом необъятна,
Нет ни в чем тебе конца.
Ты веками непонятна
Чужеземным мудрецам.

Много раз тебя пытали,
Быть России иль не быть.
Много раз в тебе пытались
Душу русскую убить,

Но нельзя тебя, я знаю,
Ни сломить, ни запугать.
Ты мне — Родина родная,
Вольной волей дорога.

Ты добром своим и лаской,
Ты душой своей сильна.
Неразгаданная сказка,
Синеокая страна.

Я б в березовые ситцы
Нарядил бы белый свет.
Я привык тобой гордиться,
Без тебя мне счастья нет!

Ромашки спрятались

Ромашки спрятались, поникли лютики,
Когда застыла я от горьких слов:
— Зачем вы, девочки, красивых любите,
Непостоянная у них любовь.

Сняла решительно пиджак наброшенный,
Казаться гордою хватило сил.
Ему сказала я: «Всего хорошего»,
А он прощения не попросил.

Ромашки сорваны, завяли лютики,
Вода холодная в реке рябит.
Зачем вы, девочки, красивых любите,
Одни страдания от той любви?..

Сиреневый туман

Сиреневый туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит полночная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкою я прощаюсь навсегда.

Ты смотришь мне в глаза и руку пожимаешь,
Уеду я на год, а может быть, на два,
А может, навсегда ты друга потеряешь,
Еще один звонок — и уезжаю я.

Последнее «прости» с любимых губ слетает,
В глазах твоих больших тревога и печаль.
Еще один звонок — и смолкнет шум вокзала,
И поезд унесет в сиреневую даль.

* * *

Когда иду я Подмосковьем,
Где пахнет мятою трава,
Природа шепчет мне с любовью
Свои заветные слова.
Вдали рассветная полоска
Осенним пламенем горит,
Моя знакомая березка
Мне тихо-тихо говорит:

Припев Россия, Россия...
Родные вольные края,
Россия, Россия...
Россия — Родина моя.

Когда порой плыву по Волге
И чайка вьется за кормой
Гляжу, гляжу на берег долго,
Не растает он со мной.
Машу приветливо рукою,
А берег рядышком идет.
И кто-то поздно над рекою
Раздольным голосом поет:

Припев

Когда меня московский поезд
Уносит в дальние места,
Хлеба мне кланяются в пояс,
Мигает ранняя звезда.
На голос Родины я вышел —
Как ты, Россия, хороша!
Смотрю вокруг и сердцем слышу —
Поет, поет моя душа.

Припев

Русское поле

Поле, русское поле...
Светит луна или падает снег.
Счастьем и болью вместе с тобою,
Нет, не забыть тебя сердцу вовек!
Русское поле, русское поле...
Сколько дорог прошагать мне пришлось!
Ты моя юность, ты моя воля,
То, что сбылось, то, что в жизни сбылось.
Припев:
Не сравнятся с тобой ни леса, ни моря,
Ты со мной, мое поле, студит ветер висок.
Здесь Отчизна моя, и скажу, не тая:

«Здравствуй, русское поле,
Я твой тонкий колосок!»

Поле, русское поле...
Пусть я давно человек городской,
Запах полыни, вешние ливни
Вдруг обожгут меня прежней тоской.
Русское поле, русское поле!
Я, как и ты, ожиданьем живу.
Верю молчанью, как обещанью,
Пасмурным днем вижу я синеву.

Сладка ягода

Сладка ягода в лес поманит,
Щедрой спелостью удивит.
Сладка ягода одурманит,
Горька ягода отрезвит.
Ой, крута судьба, словно горка,
Доняла меня, извела.
Сладкой ягоды — только горстка,
Горькой ягоды — два ведра.
Я не ведаю, что со мною,
Для чего она так растет.
Сладка ягода — лишь весной,
Горька ягода — круглый год.
Над бедой моей ты посмейся,
Погляди мне вслед из окна.
Сладку ягоду рвали вместе,
Горьку ягоду — я одна.

Старый клен

Старый клен, старый клен,
Старый клен стучит в стекло,
Приглашая нас с друзьями на прогулку.
Отчего, отчего, отчего мне так светло?
Оттого, что ты идешь по переулку.

Снегопад, снегопад, снегопад давно прошел,
Словно в гости к нам весна опять вернулась.
Отчего, отчего, отчего так хорошо?
Оттого, что ты мне просто улынулась.

Посмотри, посмотри, посмотри на небосвод -
Как сияет он безоблачно и чисто!
Отчего, отчего, отчего гармонь поет?
Оттого, что кто-то любит гармониста.

Случайный вальс (офицерский)

Ночь коротка, спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.
После тревог спит городок.
Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок.

Припев Хоть я с вами почти не знаком
И далеко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного...
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоем,
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем.

Будем кружить, петь и дружить.
Я совсем танцевать разучился
И прошу вас меня извинить.
Утро зовет снова в поход...
Покидая ваш маленький город,
Я пройду мимо ваших ворот.

Припев

Счастье мое

Счастье мое
Я нашел в нашей дружбе с тобой,
Все для тебя —
И любовь, и мечты.

Счастье мое —
Это радость цветенья весной,
Все это ты,
Моя любимая, все ты.

Счастье мое,
Посмотри — наша юность цветет,
Сколько любви
И веселья вокруг...

Радость моя,
Это молодость песни поет,
Мы с тобой неразлучны вдвоем,
Мой цветок, мой друг!

Соловьиная роща

Там, где месяц сказку сторожит,
Где в зеленых дебрях ветер ропщет,
Роща соловьиная стоит,
Белая березовая роща.
Там на тонких розовых ветвях,
В зарослях черемухи душистой
Соловей российский, славный птах,
Открывает песнь свою со свистом.

Припев И с полей уносится печаль,
Из души уходит прочь тревога,
Вперед у жизни только даль,
Полная надежд людских дорога.

И земля становится родней.
И сердцам понять друг друга проще -
Ты мне душу тронул, соловей,
Маленький волшебник белой рощи,
И совсем не ведая о том,
Ты напел заветное мне что-то,
Эту песнь да записать пером,
Что от журавлиного полета!

Там на тонких розовых ветвях,
В зарослях черемухи душистой,
Соловей российский, славный птах,
Открывает песнь свою со свистом.
С этой песней так тревожно мне,
С этой песней так возможно счастье,
Много было песен на земле,
Только соловьиной не кончатся.

Припев

Пшеница золотая

Мне хорошо...
Всю ночь поют...
Мы вместе с ней...
И в час, когда...
И хорошо мне здесь...

Темная ночь

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают.
В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь.
Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами.
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, черная степь пролегла между нами.
Верю в тебя, дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила.
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою.
Знаю, встретишь с любовью меня, что б со мной ни случилось.
Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи,
Вот и сейчас надо мною она кружится...
Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому, знаю, со мной ничего не случится.

Ты не печалься

Там, где сосны, где дом родной,
Есть озера с живой водой.
Та не печалься, ты не прощайся,
Все хорошо у нас с тобой.

Как кукушке ни куковать,
Ей судьбы нам не предсказать.
Ты не печалься, ты не прощайся,
А выходи меня встречать.

Над дорогой встает заря,
Синим светом полны моря.
Ты не печалься, ты не прощайся,
Ведь жизнь придумана не зря.

Будет радость, и может грусть,
Ты окликни — я оглянусь.
Ты не печалься, ты не прощайся, —
Я обязательно вернусь.

У самовара

У самовара я и моя Маша,
А на дворе совсем уже темно.
Как в самоваре, так кипит страсть наша,
Смеется месяц весело в окно.

Маша чай мне наливает,
И взор ее так много обещает.
У самовара я и моя Маша —
Вприкуску чай пить будем до утра!

Услышь меня, хорошая

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,

Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая.

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Еще косою острою
В лугах трава не скошена,
Еще не вся черемуха
К тебе в окошко брошена.

Еще не скоро молодость
Да с нами распрощается.
Люби, покуда любится,
Встречай, пока встречается.

Встречай меня, хорошая,
Встречай меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая.

Утомленное солнце

Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви.

Мне немного взгрустнулось
Без тоски, без печали.
В этот час прозвучали
Слова твои.

Расстаемся,
Я не в силах злиться,
Виноваты
В этом ты и я.

Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви.

У Черного моря

Есть город, который я вижу во сне.
О, если б вы знали, как дорог
У Черного моря открывшийся мне
В цветущих акациях город, —
У Черного моря!

Есть море, в котором я плыл и тонул,
И на берег вытащен, к счастью.
Есть воздух, который я в детстве вдохнул
И вдоволь не мог надышаться, —
У Черного моря!

Вовек не забуду бульвар и маяк,
Огни пароходов живые,
Скамейку, где мы, дорогая моя,
В глаза посмотрели впервые, —
У Черного моря!

Родная земля, где мой друг-одессит
Лежал, обжигаемый боем.
Недаром венок ему родиной свит
И назван мой город героем —
У Черного моря!

А жизнь остается прекрасной всегда,
Состарился ты или молод,
Но каждой весной нас тянет туда,
В Одессу, в мой солнечный город
У Черного моря!

Черное море мое

Тот, кто рожден был у моря,
Тот полюбил навсегда
Белые мачты на рейде,
В дымке морской города,

Свет маяка над волною,
Южных ночей забытье,
Самое синее в мире
Черное море мое!
Море в далекие годы
Пело мне песни, как мать,
Море меня научило
Грозные бури встречать.

Дорог мне кубрик матросский —
Скромное наше житье,
Самое синее в мире
Черное море мое!
Стонет волна штормовая,
В дальние дали маня,
Так не ревнуй, дорогая,
К Черному морю меня.

Как ни трудна эта доля.
Мне не прожить без нее.
Самой синее в мире
Черное море мое!

Черноглазая казачка

Черноглазая казачка
Подковала мне коня.
Серебро с меня спросила,
Труд недорого цена.
Как зовут тебя, казачка?
А молодка говорит:
«Имя ты мое услышишь
Из-под цокота копыт».
Я по улице поехал,
По дороге поскакал.
По тропинке между сопок,
Между серых, между скал.
Маша, Зина, Даша, Нина?
Все как будто не она.
«Катя, Катя!» — высекают
Мне подковы скакуна.

И с тех пор хоть шагом еду,
Хоть галопом поскачу,
«Катя, Катя, Катерина!» —
Неотвязно я шепчу.
Что за бестолочь такая,
У меня ж другая есть,
Но уж Катю, словно песню,
Из груди, брат, не извести.

Черный ворон

Черный ворон, ты не вейся
Над моею головой?
На добычу не надейся,
Черный ворон, я не твой!
Что ты когти распускаешь
Над моею головой?

Иль добычу себе чаешь?
Черный ворон, я не твой.

Взял невесту тиху-скромну
В чистом поле под кустом,
Обвенчала да нас сваха -
Сабля вострая моя.

Черемуха

Под окном черемуха колыхается,
Распуская лепестки свои,
За рекой знакомый голос слышится,
Да поют всю ночь соловьи!

Сердце девушки забилось трепетно,
Как тепло, как хорошо в саду.
Жди меня, мой радостный, мой сладостный,
Я к тебе в заветный час приду.

Под окном черемуха колыхается,
Распуская лепестки свои,
За рекой знакомый голос слышится,
Да поют всю ночь соловьи!

Кони мои вороные

Начинаются дни золотые
Воровской непроглядной любви.
Крикну: «Кони мои вороные!
Черней ворона кони мои!»

Устелю я сани коврами,
Ленты в конские гривы вплету,

Пролечу, прозвеню бубенцами
И тебя на лету подхвачу.

Мы ушли от проклятой погони
Перестань, моя радость, рыдать!
Нас не выдали верные кони --
Им теперь вороных не достать.

Начинаются дни золотые
Воровской непроглядной любви.
Крикну: «Кони мои вороные!
Черней ворона кони мои!»

* * *

Я в весеннем лесу пил березовый сок,
С ненаглядной певуньей в стогу ночевал,
То, что в жизни имел, я сберечь не сберег,
Был я смел и удачлив, а счастья не знал.

И носило меня, как осенний листок.
Я менял города, я менял имена.
Надышался я пылью заморских дорог,
Где не пахли цветы, не светила луна.

И окурки я за борт швырял в океан,
Проклинал красоту островов и морей.
Ненавидел всегда горький дым кабаков,
Презирал тишину и тоску лагерей.

Зачеркнуть бы всю жизнь да сначала начать,
Полететь к ненаглядной певунье своей.
Да вот только узнает ли Родина-мать
Одного из пропавших своих сыновей?

Яблоневый вечер

Яблоневый вечер
Звездами расцвечен.
Из краев далеких вновь пришла весна.
Снова за окошком
Слышится гармошка,
И душа моя надеждою полна.

Нелегко порою
Было нам с тобою.
Но о зимних вьюгах лучше позабыть.
Мы еще не спели
Все, о чем хотели,
Мы с тобой еще не начинали жить.

Осыпает ветер
Розовые ветви,
Вот уже рассвета наступает час.
Звезды догорают,
Годы пролетают,
Только верь — весна придет еще не раз.

Я люблю тебя, жизнь

Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново.
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова.
Вот уж окна зажглись,
Я шагаю с работы устало.
Я люблю тебя, жизнь,
И хочу, чтобы лучше ты стала.

Мне немало дано:
Ширь земли и равнина морская.
Мне известна давно
Бескорыстная дружба мужская.
В звоне каждого дня
Как я счастлив, что нет мне покоя -
Есть любовь у меня,
Жизнь, ты знаешь, что это такое.

Как поют соловьи,
Полумрак, поцелуй на рассвете
И вершина любви -
Это чудо великое — дети!
Вновь мы с ними пройдем
Детство, юность, вокзалы, причалы,
Будут внуки, потом
Все опять повторится сначала.

Конь вороной

По местам, бесконечно
Тревожный и вольный,
Там, словно ливень
Проходит родной стороной,
Звон надо мной (3 р.)
Колокольный.
Конь подо мной (3 р.) вороной,
Вороной, вороной.

АРИИ ИЗ ОПЕР

Ария Ленского

(из оперы «Евгений Онегин»)

Куда, куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит,
Его ль мой взор напрасно ловит?
Во глубине таится он.
Нет нужды, прав судьбы закон.
Паду ли я, стрелой пронзенный
Иль мимо пролетит она?
Все благо, бдения и сна
Приходит час определенный.
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход.

Блеснет ли утра луч денницы
Иль взыграет ясный день?
А я, быть может, у гробницы
Сойду в таинственную сень.
И память юного поэта
Поглотит медленная лета,
Забудет мир меня.
Но ты, ты, Ольга!
Скажи придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной?
И думать он меня любил,
Он мне единой посвятил
Порыв прекрасной жизни бурной.
Ах, Ольга! Я тебя любил.

Желанный друг, сердечный друг,
Приди, приди!
Желанный друг,
Приди я твой супруг (2 р.),

Приди, приди.
Желанный друг,
Приди, приди, я твой супруг.
Куда, куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?

Ариозо Ленского

Я люблю вас, я люблю вас, Ольга!
Как одна безумная душа поэта
Еще любить осуждена.
Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль.
Я, отрок, был тобой плененный,
Сердечных мук, еще не знав.
Я был свидетель умиленный
Твоих младенческих забав.

В тени хранительной дубравы
Я разделял твои забавы.
Ах, я люблю тебя! Я люблю тебя!
Как одна душа поэта только любит.
Ты одна душа в моих мечтаньях,
Ты одно мое желанье,
Ты мне радость и страданье.
Я люблю тебя! Я люблю тебя!

И никогда, ничто — ни охлаждающая даль,
Ни час разлуки, ни веселья шум
Не отрезвят души, согретой
Девственным огнем любви.

Ариозо Канио

(из оперы Леонкавалло «Паяцы»)

Играть, когда точно в бреду я.

Ни слов я, ни поступков

Своих не понимаю.

И все же должен ты играть!

Что ж ты разве человек?

Ха-ха-ха, нет, ты — паяц!

Ты наряжайся и лицо смажь мукою.

Народ ведь платит, смеяться хочет он.

А Коломбину Арлекин похитит,

Смейся паяц, и всех ты потешай!

Ты шуткой должен скрыть рыдания и слезы,

А под гримасой смешной муки ада.

Смейся, паяц! Над разбитой любовью.

Смейся и плачь! Ты над горем своим.

Ария Каварадосси

(из оперы Пуччини «Тоска»)

Горели звезды. Благоухала ночь.

Дверь тихо отворилась.

Услышал я шелест одежды.

И вот вошла она

И на грудь мне упала.

О, сладкие воспоминанья!

О, где вы, ласки, объятия

И страстные лобзанья!

Как легкий дым, все быстро вдруг исчезло.

Мой час настал, да!
И вот я умираю!
И вот я умираю!
Хоть никогда я так не жаждал жизни,
Не жаждал жизни!

Ария Германна

(из оперы Чайковского «Пиковая дома»)

Что наша жизнь? Игра!
Добро и зло — одни мечты.
Труд, честность — сказки для бабья!
Кто прав, кто честен здесь, друзья?
Сегодня ты, а завтра я!

Так бросьте же борьбу,
Ловите миг удачи!
Пусть неудачник плачет (2 р.),
Кляня, кляня свою судьбу.

Что верно? Смерть одна!
Как берег моря суеты,
Нам всем прибежище она.
Кто ж ей милей из нас, друзья?
Сегодня ты, а завтра — я!

Так бросьте же борьбу,
Ловите миг удачи!
Пусть неудачник плачет (2 р.),
Кляня, кляня свою судьбу.

Ария Дубровского

(из оперы Направника «Дубровский»)

Итак, все кончено. Судьбой неумолимой
Я осужден быть сиротой.
Еще вчера имел я хлеб и кров родимый,
А завтра встречу с нищетой.
Покину вас, священные могилы,
Мой дом и память юных, детских лет.
Пойду, бездомный и унылый,
Путем лишения и бед.
Вот все, что мне осталось. Мама, мама!
О, дай мне забвенье, родная,
Согрей у себя на груди.
И, детские сны навевая,
Дай прежнее счастье найти.
Истерзан я страшною думой,
Взгляни, как обижен людьми я.
Ты снова меня убаюкай,
Страданья мои лаской нежной уйми.

Пусть ангелом благостным рея,
Твоя неземная любовь, и, грея мой дух,
Лелея его, пробудит
К свиданью вновь.
О дай, родная мне
Забвение найти!
О дай, найти...

Ария Альфреда

(из оперы Верди «Травиатта»)

Мир тишины души моей
Взамен былых волнений.
Взор милый мне ее очей,
Горит в душе моей
Рай земной.

Ты мне сказала:

— Для тебя жить буду,
Жить буду только я...
И вмиг забыт был мир земной,
И счастье рая, и счастье рая
Изведал я душой.

Ты мне сказала:

— Для тебя жить буду только я, рада...
И вмиг забыт был мир земной,
И счастье рая, и счастье рая
Изведал я душой.

Был мир забыт в тот миг,
Был мир забыт земной,
Был мир забыт земной!
И счастье рая, и счастье рая
Нашел я с ней одной.

Песенка герцога

(из оперы Верди «Риголетто»)

Сердце красавиц
Склонно к измене
И к перемене,
Как ветер мая.

Клятвами страстными
Сердце взволнуют.
Этими губками
Лгут и целуют.

Можно браниться,
Можно сердиться,
Но не влюбиться
Тоже нельзя!
Да, тоже нельзя!

Если вам милая
Не изменила,
Значит, бесспорно,
Изменит скоро.

Ласки их любим мы,
Хоть они ложны.
Жить невозможно
Без наслаждений.

Пусть же смеются,
Пусть увлекают,
Но изменяю
Сам раньше я,
Да, сам раньше я!

Баллада герцога

Та иль эта — я не разбираюсь, все они
Красотою, как звездочки, блещут.
Тогда сердце в восторге трепещет,
Но не знает докучных сетей.

Ласки милой — для нас утешенье,
Повтореньем наскучат опять, ах!
Я сегодня от одной в восхищеньи,
Но — что делать? — а завтра то же
Скажу о другой.
Завтра то же скажу о другой.

Постоянства должны опасаться,
Уверенья докучны, докучны бывают.
Все почаще пускай вспоминают —
Где нет свободы, там нет и любви.

Я смеюсь над ревнивцем душевно,
И мне дорог бывает плачевный дар.
Если мне вдруг полюбилась красотка,
О клянусь я! —
То сам Аргус не усмотрит за ней,
Да, то сам Аргус не усмотрит за ней.

Песня певца за сценой

(из оперы Аренского «Рафаэль»)

Страстью негою сердце трепещет,
Льются томительно песни любви.
Страстью и негою взор ее блещет,
Блещут в нем звезды, звезды любви.

Грудью взволнованной, в жарких объятьях
Нежится море в сверкающем сне.
Как я люблю вас, не в силах сказать я,
Страстно и сладостно мне.
Ах, сладостно мне!
Страстью и негою бурно трепещет
Пламя желаний в кипучей крови.

Жизнь моя — сердца восторг и мученье,
Ясное небо цветущей весны.
Голос твой — сказки задумчивой пенье,
Пенье иль ропот, ропот весны.

О, если б мог я волной беззаботной
Нежное слово безумно сказать?
Рад бы я чайкою быть быстройлетной,
В бурю с волнами рыдать.
Ах, сладостно мне!
Страстью и негою бурно трепещет
Пламя желаний в кипучей крови.

Романс Надира

(из оперы Бизе «Искатели жемчуга»)

В сияньи ночи лунной
Ее я увидал,
И арфой многострунной
Чудный голос прозвучал.

В тиши благоуханной
Лилися звуки те,
И грезы, и желанье
Пробудились в моей мечте. (2 р.)
Звезды в небе мерцали
Над задремавшею звездой.
И она, сняв покрывало,
Вдруг предстала предо мной.

О ласковые взоры!
Восторги без конца!
О где же ты, мечта?

Где ты, греза любви и счастье?
Навек прощай, мечта,
Прощай, греза любви!

Песня индийского гостя

(из опера Римского-Корсакова «Садко»)

Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полуденном
В далекой Индии чудес.
Там, на теплом море,
Чудный камень яхонт.
На том камне белом —
Птица с ликом девы.
Райские все песни
Сладко напевает,
Перья распускает,
Море закрывает.
Кто ту птицу слышит,
Все тот забывает.
Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полуденном
В далекой Индии чудес.

3-я песня Леля

(из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка»)

Туча с громом сговаривалась:
— Ты греми, гром, а я дождь разолью.
Обольем землю весенним дождем!
То-то цветики возрадуются!
Выйдут девицы за ягодами,

Вслед им молодцы увяжутся,
Лель мой, Лель мой, ле-ли, ле-ли, Лель!

В роще девицы все врозь разбрелись,
Кто в кусты, а кто по ельничку.
Брали ягоду, аукались.
Одной девицы нет как нет,
Все-то девушки расплакались:
— Нашу девицу не волк ли заел?
Лель мой, Лель мой, ле-ли, ле-ли, Лель!

Повстречался девкам чуж-чуженин,
Чуженинушка, да стар-старичок:
— Девки глупые, с ума вы, что ль, сбрили?
Что за прибыль вам аукаться?
Что за радость ей откликнуться?
Вы б по кустикам пошарили,
Лель мой, Лель мой, ле-ли, ле-ли, Лель!

Каватина князя

(из оперы Даргомыжского «Русалка»)

Невольню к этим грустным берегам
Меня влечет неведомая сила.
Знакомые печальные места.
Я знаю тут окрестные предметы.
Вот мельница, она уж развалилась,
Веселый шум колес ее умолк.
Ах, видно, умер и старик!
Дочь бедную оплакивал он долго.
А вот и дуб заветный, здесь, здесь, она,
Обняв меня, поникла и умолкла.
Мне все здесь на память приводит былое,

И юности красной привольные дни (2 раза).
Здесь, помню некогда меня встречала
Свободного — свободная любовь
Здесь сердце впервые блаженство узнало.
Увы! Не надолго нам счастье дано.
Прошли невозвратно дни радости светлой,
Тяжелое горе на сердце легло.
И сам ли, безумец, я счастье утратил,
А было так близко, возможно оно.
Мне все здесь на память приводит былое.
И юности красной привольные дни (2 раза).
Здесь, помню, некогда меня встречала
Свободного свободная любовь.
Вот здесь, в этой роще, счастливый любовью,
Заботы и горе, и все забывал я.
Мне все здесь на память приводит былое.
И юности красной привольные дни (2 раза).

Песня Левко

(из оперы Лысенко «Майская ночь»)

Спи, моя красавица, сладко спи.
Радостный, светлый сок
На тебя слети.

Думаешь ли, гредишь ли обо мне,
Я ж день и ноченьку
Мыслю о тебе.

Пусть тебя пригрезиться
Сладкий, сладкий сон,
Долюшка счастливая
Со милым дружкойм.

Не забудь, что вместе мы,
Вместе жизнь ведем.
Да, моя красавица,
Жизнь ведем вдвоем.

Ария Демона

(из оперы А.Рубинштейна «Демон»)

Не плачь дитя, не плачь напрасно,
Не плачь напрасно.
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет.

Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей.
Небесный свет теперь лобзает
Бесплотный взор его очей.

Он слышит райские напевы,
Райские напевы.
Что жизни мелочные сны,
Что стон и слезы юной девы
Для гостя райской стороны? (2 р.)

Ария Демона

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине.
Чья мысль в душе твоей шептала
И в грусти смутно отгадала.
Я тот, чей взор надежду губит,
Едва надежда расцветает.
Я тот, кого никто не любит
И все живущее клянет.

Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я зло небес, я зло природы.
И ныне я у ног твоих
Тебя принес я уверенья,
Молитву тихую любовь,
Земное первое мученье
И слезы первые мои.
Земное первое мученье
И слезы, слезы первые мои.

Песня молодого цыгана

(из оперы Сергея Рахманинова «Алеко»)

Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет полная луна.
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.

Кто в небе место ей укажет,
Промолвя: «Там остановись»?
Кто сердцу юной девы скажет:
«Люби одно, не изменись?»

Каватина Фауста

(из оперы Гуно «Фауст»)

Какое чувствую волненье!
Душа полна любовью страстной.
О Маргарита! Здесь умру я у ног твоих!
Привет тебе, приют священный.
Привет тебе, приют невинный.

Все о любви здесь говорит мне,
И все невинностью здесь дышит.

Как мне мила вся эта простота,
На счастье здесь невинность — красота.
Сама природа! Сама природа!
Здесь ее хранит.
Живущим здесь она благоволит.
Вот те места, те места,
Где ты, предестный ангел,
При блеске золотых лучей заката солнца
Обрела покой.
Здесь солнце ей сияет,
И юность расцветает.
И здесь царит любовь.
Здесь, да, здесь!
Привет тебе, приют священный,
Привет тебе, приют невинный.
Все о любви здесь говорит мне.

Серенада Дон Кихота

На турнире, на пиру иль на охоте
Ходят слухи об отважном Дон Кихоте
Тра-ля-ля...

Хороша на небе солнца позолота,
Так прочна любовь и дружба Дон Кихота.
Тра-ля-ля...

Потому-то, синьорита, оттого-то,
Для других закрыто сердце Дон Кихота
Тра-ля-ля...

МОИ СТИХОТВОРЕНИЯ
К КОНЦЕРТАМ

Сонет

(Из моей «Шекспирианы»)

Поэзия — это такие крыла,
Едва уловима, легка.
Течет и течет, сквозь меня протекла
Вся музыка, все облака.

Поэзия — это такая река,
Неостановима, пока
Текут и текут за веками века
Сквозь музыку, сквозь облака.

Поэзия где-то не тут, а жива.
Едва выразима, из грез.
Поэзия — это такие слова

У самого пламени звезд.
Поэзия — это их музыка, миг
В моих облаках и твоих.

Чаша Грааля

Pro aris et focus —
В защиту алтарей и очагов.
Из латыни.

Изгоняли из рая самого Люцифера,
И упал изумруд с головы на траву.
Кто-то выточил чашу — служи, полусфера,
Питию и веселью, роду и-ро-до-ву!

И стояла пред всеми высокая чаша,
И Граалем святым нарекли ее дно.
И на вечере тайной, молитвы шабаша,
Сам Христос из нее пил золотое вино.

И, пригубив едва из небесного камня,
В кубке кубков лоя отражения звезд,
О мессии, любви говорил очень странно,
Кой-кому не по сердцу такое пришлось.

А затем в изумруды Грааля сливали
Кровь густую распятого миром Христа.
И на Небо Грааль силы духа призвали,
К двери Веры с небес уж пришла Красота.

Люди пили из чаши и — передавали.
Из рук в руки ту чашу и — передают.
И на дне Красоту у Грааля искали.
И все ищут и ищут, да пьют все и пьют.

С той поры эта чаша — священников, магов,
Чей-то ангел-хранитель, зеленый вулкан.
Это в камне Космической Матери влага,
Мост такой нам на Небо божественный дан.

Малоархангельск

(На стратегическом направлении)

Только сейчас и понял,
Что было тогда, какой ад —
В железной пурге.
Семь месяцев насмерть
Стоял Малоархангельск
На Орловско-Курской дуге, —
Как Одесса и Сталинград!
Семь месяцев шли они
Семь километров —

От Глазуновки и Понырей!
До сих пор вымывает кости большого веса.

Но в том-то вся суть и печаль,
Что свое время не сделала пресса —
Про Малоархангельск сказав невзначай.
Штрафники потому что тут гибли,
Штрафбаты, «Армии Рокоссовского», —
И просто так, «лишние» люди, как эхо гражданской
войны,
Тут обгаряли поля, —
Не считаны тыщи.
До сих пор на той самой кровище
Хлеб рождает земля,
Все пропавших без вести ищем.

Не одни областные города — герои
Одолели беду, говорят.
А Ельня? А Мга? Вот и Малоархангельск,
С юга обороняя Москву.
Почти семь месяцев
Стоял и не пал —
На самом ходу, на стратегическом направлении, —
Как Одесса и Сталинград!
Мал золотник, да дорог, удал.
Защитил Курск,
Освободил Орел и Белгород,
Первая фаза операции «Багратион»,
Освобождение Отечества — до самой границы.
Видим, слышим!
Центральный фронт Первым Белорусским стал,
На Берлин вышел...
Велик в подвиге, хоть и мал.
Как перемесили его кровь и металл!
Весь наш народ городок защищал,
Подвиг на всю Россию!
Вот и сейчас с Юга Москву замыкает!
Малых подвигов не бывает!

Богатырь-городок
(Героическая песня)

«Зело крепок орешек»
О Козельске — хан Батый.
Из летописи

Жили в России, поле косили,
Русскую речь берегли.
Грянули вороны — черные оргии
И до истоков дошли.
Малоархангельск, Малоархангельск
Встал за Россию — горой!
Малый Архангельск, Малоархангельск —
Малый наш город — герой!
Встали свободные силы народные,
Люди великой страны.
Центром мы были, ворога били
В самом горниле войны.
Семь километров огненных ветров,
Подвига наших солдат,
Где нас обагрят — семь месяцев брали
(Да так и не взяли!) —
Малый наш Сталинград.
Вот он красуется — важен, рисуется
В центре Железной дуги.
В прахе и пепле мы только окрепли,
И — до Победы шаги!
Хлебный, красивый — в сердце России,
Дух богатырский живой.
И обелиски по-прежнему близки,
Подвиг с седой головой.
Малый Архангельск, Малоархангельск —
Мал золотник, да дорог.
Дорого стоил Малоархангельск,
Наш героический город!
Тут сотни тысяч безвестных лежат,
Малый наш Сталинград!

Как и Козельск, один к одному,
Чтит Мурашихинский лес
Малоархангельск, слава ему!
Высшая почесть с небес!

На Малоархангельских высотах

Тут, на высотах, сражались они,
В центре Железной дуги.
Память о них в сердце храни,
Их имена береги.

Припев Здесь был войны той апофеоз,
Здесь погибали тогда.
Их, молодых, хоронили без слез
В шепотах русских берез.

Тихие плиты. Вечный покой
Ангел послал навека.
Слезы святые смахните рукой
В центре всего городка.

Матери ваши с великой страны
Там в одиночку лежат.
Спите спокойно, герои войны,
Помним вас, наших солдат.

Тут, на высотах, сгорали они
В центре Железной дуги.
Память о них в сердце храни,
Их имена береги,
Мирную жизнь береги.

Припев Спите, родимые, спите!
Вас хоронили без слез.
Голову, люди, склоните.
В шепотах русских берез.

Апофеоз в грохотах грез,
В шорохах русских берез.
Апофеоз, апофеоз —
В шепотах русских берез.

Сабуровское поле

Сабуровское поле у высот,
На подступах к Малоархангельску.
Тут птицы останавливают лёт,
Когда летят, кричат над ним по-ангельски.

Тут тысячи легли в одной атаке,
Смертельная их жатва догнала.
И алые сабуровские маки
Весною встали, где она была.

Один цветок — загубленная жизнь,
Стеной соборной, размахнулось поле.
Постой же, жаворонок, поддержишь!
Они легли, чтоб вы летали вволю.

Все здешние, штрафбаты, хлеборобы!
Они пахали многие поля.
Но это вот, в Сабурово, особо,
Особо перепахана земля.

Какую рожь тут собирали годы!
Какой собор печальный на крови!
Они лежат тут, многие народы,
И эти маки — дань земной любви.

Печаль проходит, память остается.
За Красной Зорькой Солнце западет.
Увидишь звезды тут, на дне колодца,
И каждый раз дух кровью обольется,
А сердце остановится, замрет.

Китель Рокоссовского

После Сабурово — фронта Хозяин
В Малоархангельск нагрязнул.
Был я мальчишкой рот свой раззявил,
Не оторвался, как глянул!
Был он высок и красив, в сапогах.
В кителе, сшитом Филиппом.
Был тут такой у нас — Лаушкин, маг,
Специалист по клипам.
В кино хоть полководца снимай —
Вылитого артиста —
Дань Рокоссовской фигуре отдай!
Видел, стоял очень близко.
Мы, пацаны, сквозь оцепленье
Как-то пробрались. В кругу
Трость проявляла особое рвенье, —
По сапогу, по сапогу!
Алый околыш, белые лица, —
Мог бы любого в окоп!
Я же на китель не мог надивиться.
Ажкин он треснул под мышкой,

Сроду не видел, это уж слишком.
У генералов трескалось чтоб.
В кителе, сшитом Филиппом,
Встал Рокоссовский у школы старой.
Бил Рокоссовский по клипам,
Сразу по всем кошмарам.
Я бы напротив музею
Отдал те клипы следом,
А тут бы у школы поставил Расею
В кителе, сшитом соседом.
Я бы поставил памятник тут.
Сделанный фронтовиком.
Тоже сосед мой!
Годы идут,
Не успокоюсь на том!
Все говорят, мир — из идей.
Крутится шарик, неистов.
«Филипп» с латыни — любящий лошадей,
А Рокоссовский когда-то был кавалеристом.

Столица Белой Глины (Малоархангельск)

Нечаянно открыл: живу в столице!
Даже не хлеба скифского, а глины.
В столице Белой Глины Русь коренится,
Наш городок старинный.

Адам — из «глины человек»,
Так в переводе,
А Ева — из ребра его.
Все человечество навроде
В девонских глинах от него.

Я с детства чувствовал, тут в недрах
Таится что-то от Творца.
Дает луне, погоде ведро,
Болезни гонит, хмарь с лица.

Стоит за Правду, за Свободу!
Как мы, как будто человек.
Победу тут дала народу,
Перемогла двадцатый век.
Но, как бывало, в сорок третьем
И кровь впитав, не стала рыжей,
А самой белою на свете
Так и осталась, к тайнам ближе.

Когда везут в ВИЛОР отсюда
И украшают ею всех,
Я знаю, что такое чудо!
Оно от нас, из недр, откуда
И самый первый человек.

Влетит в Москву какая птица,
Крылом трепещет, в окна бьет.
— И мы, — скажу, — живем в столице,
Где человечество живет!

Родная улица

Золотая улица в мае звонче втрое,
Шумы тополиные входят в каждый дом.
Зацветает улица в утро голубое,
Осыпает голову пуховым дождем.
На деревьях — зелено, под ногами — зелено.
Ходишь, улыбаешься каждому порой.

Почему бы улицу на красу весеннюю
Не назвать Зеленою вместо Золотой?

Разгоняет солнышко утреннюю просинь,
И душе просторнее в городе своем.
Потому что улица в ласковую осень
Осыпает голову лиственным дождем.
На деревьях — золото, под ногами — золото.
Ходишь, удивляешься щедрости такой.
Не за это ль улицу, за красу осеннюю,
И назвали ласково люди Золотой?

Сыплет снег за окнами вечер бело-синий.
Та же ль эта улица, тот же ль этот дом?
Только двинешь веточкой, как мохнатый иней
Осыпает голову снеговым дождем.
На деревьях — серебро, под ногами — серебро.
Ходишь, согреваешься думаю одной:
Почему бы улицу за красу за зимнюю
Не назвать Серебряной вместо Золотой?

Мадонна и кони

Рыжие, рыжие кони!
Белые, белые гривы!
Скифы сверкнул по иконе —
Выпячены, игривы.
Тени падут на стены,
Раня копытом высь.
Нет ни одной Галины,
Нет ни одной Марины,
В святости не вознеслись.
Но не пусты иконы,
Есть у них имена.

И колокольные звоны,
И ордена, ордена.
Веры, Надежды,
Полины
Так же нет ни одной.
Непостоянны «ины»,
Нет ни одной Галины,
Нет ни одной Марины —
Этой волны морской.
Только земные кони,
Только скифские гривы,
Да Богоматерь в иконе
Держит в руках дите.
И колокольные звоны
Наши «Авоси, Юноны»,
И Богородицы оны
Переплетают звоны,
Грудью кормят мадонны
Золотое шитье.
Рыжие, рыжие кони!
Белые, белые гривы!
Вот-вот промчатся те кони,
А на конях — братье.
Скифа смахнут на иконе,
Диво взмахнут на иконе
В золотое шитье,
Живы «Авоси, Юноны»,
Вечны вечерние звоны,
Держит мадонна дите.

Скиф, едущий на трамвае

Оттуда, из Скифии, смотрит в меня
Сквозь пелену времен, —
Кто это, кто это там без коня,
Как без коня тут он?
Транспорт — автобус,
В транспорт — пешком.
Скиф, как и все, тут в тайне.
То обскакал бы десять раз глобус,
Хоть молодой, да ранний.
А то Скиф — пехота, ничей,
Всадник в пехотном ключе.
Чаша полна у этого Скифа,
В общем, полный набор:
Шашка на стенке, гитара без грифа,
Винчестер, Манчестер, топор и мотор,
И много другой всякой всячины.
Хоть степью скачи, а хоть прерией,
С собакой хоть, а хоть с саламандрой.
Он самый из всех обозначенный
Полнейшим царским доверием, —
Хоть в скифах живи, а хоть в олеандрах.
Свобода — когда и кого из чего выбирают:
Хоть то, а то хоть это, смежное!
Скиф скачет по городу с утра на трамвае.
До самого, самого рая
Везет в себе слово нежное.
А вечером ноги помоеет,
Всунет в свои стремяна,
Какие у него имеются, то есть,
Да и к себе, к своим скифам,
В повесть, в свои пламена.
Нырнет под гитару все туда же, без грифа,
На струны себя наложит,

Отдельно пальцами перебирает,
Песню поет про Белую Скифию,
Лихо так исполняет.
А трамвай за конем грохочет в мифы,
Что, значит, всюду скифы.

Есенинские колодцы

А не родись Есенин у Оки,
Напротив церкви, у откосов этих,
Языческой Мещоре вопреки,
И не было бы крайностей в поэте.

У осени глазищи велики —
Бездонные, пропащие колодцы.
Как в них не пасть, в горсти не расколоться
На звезды первитые у Оки.

На ливни, пролитые с небеси,
Разбрызганные щедро по Руси.
Пусть говорят, пьяна бывает Русь,
Я все равно когда-нибудь напьюсь.

Мы пьем из брызг, со дна родных криниц.
Я пью и упадаю тут же ниц.
Из Красоты, о Русь, из твоих влаг
С коленей пью и не напьюсь никак!

Страны света

То ли к Орлу сбегаются дороги.
То ль, разбегаясь, образуют крест.

На Юг и Север — где поныне боги,
А на Восток и Запад — Зюйд и Вест.

Где солнце всходит, где оно садится.
С Востока — утро, а на Запад — ночь.
На Севере — Москва у нас, столица,
Наш «третий Рим», — четвертый, пятый прочь!

Кремль златоглавый, патриарх российский.
На Юге где-то Иерусалим...
Вот так тут и живем. Теперь сосиски
Давно полузабытые едим.

«Все флаги в гости», — к нам везут товары.
И под хмельком — «все флаги из гостей».
Кто там сказал, что он, Орел наш, старый?
Старинный он, и никаких гвоздей!

Нам повезет! На эти страны света
Нацелены орлиные крыла.
Орел летит! Счастливая примета.
И мы на этих крыльях у Орла.

* * *

Собирал чемоданчик с собой на вокзал,
С глаз долой захотелось уехать.
Чтобы там не скучалось, суму привязал.
А к суме привязал ради смеха
Лес березовый и его эхо.
Постоял-постоял, поглядел я на лес,
А потом и на свой чемоданчик.
Ну, какой это лес, — забодай его бес!
Без ключа, как ковбои без ранчо,
Дон Кихот без любезного Санчо?

Положил я в суму весь хрустальный ручей,
А к ручью приложил и ракиты.
Пусть шумит мой ручей, шум покуда ничей.
Пусть ракиты лозою повиты,
По сию пору люблю их, мы квиты.

Я свой груз приподнял — ничего не сказал,
Но подумал, а как же без поля?
Как без поля уеду на этот вокзал?
Покачал головой и еще привязал
К чемодану сумищу поболе.

Ну, а между, от края, где поле и лес, -
Моя хата окошком к соседу..
Приподнял чемодан, — забодай его бес!
Неподъемный! Ни завтра, ни в среду —
Я теперь никуда не уеду.

* * *

Живу у леса с краю,
С полями говорю.
И сам себе стираю,
И сам себе варю.

Моя изба старушка,
По стенке — повитель.
Считает дни кукушка,
А ночи — коростель.

Гнездо над головою,
Трава у моих ног.
Глаза едва закрою —
Слуга себе и бог.

Такой же изначальный,
Ровесник всей земле.
То тихий и печальный,
То чуть навеселе.

Раскатываю громы,
Поля водой пою.
Бывает, агрономы
Придут в избу мою:

«Ну, как живешь, Михалыч,
Как дышится тебе?
Чего там напахали
Плугами по судьбе?

Откуда всяких мошек
Над нами целый рой?
Куда людей хороших
Уносит стороной?

Какие синь — туманы
Полощут край земли,
Покуда сны — обманы
Мерещатся вдали?

И как все эти дали
Меняет влажный фронт?
Чего мы напахали
По самый горизонт?..»

Сижу и стол качаю,
Слова кручу-верчу.
И громом отвечаю,
И молнии мечу.

И от раздумий жгучих
Всего бросает в жар.
Под яблоней могучей
Клокочет самовар.

Живу у леса с краю,
С полями говорю.
И сам себе стираю,
И сам себе варю.

Бабкина медаль

В балке деревушка,
Пятеро калек.
В хате мать-старушка
Доживает век.

Яблоня да клуня
С матерью одне.
Сын ее Колюня
Где-то на Чечне.

Треснет ли лесина —
Вздрогнет мать с лица.
Ждет теперь вот сына,
Как ждала отца.

Слепенькие окна
Проглядела все.
От речей оглохла
В средней полосе.

Пересох колодчик,
Вот еще напасть.
Средств на это, впрочем,
Не имеет власть.

Хлебца ждет старушка,
Завезет почтарь.
А завпочтой Ньюшка
Принесла медаль.

Господи, помилуй!
Божья мать, спаси!
Ходит ветер стылый
По святой Руси.

Ветхая хатенка
Доживает век.
Бабка плачет тонко,
Тоже человек.

Баллады про стаканы

По-орловски — стаканы

Еще жив Пушкин, пушкинская эра.
Уж начинается солнышко сиять.
Писательскую лавку в День Гомера
В Санкт-Петербурге решено создать.

Смирдин собрал. Огромен самовар.
Стаканов триста сдвинуто к нему.
С кого начнем? Кому дан божий дар?
Естественно, известно всем — кому.

Кому, кому? А речь Крылову — первым.
Естественно, литературный дед.
Кому опять же?! Но планида — стерва
С Жуковским выставляет свой портрет.

И только третьим Пушкин влил в стакан...
Так с той поры и лавочка ведется.
В президиуме кто? Какой-нибудь банан,
Кому из самоварчика и льется.

Литинститут, а тож не дураки.
Придумана ж такая атмосфера:
Тот — академик, те — литчердаки
И стаканы огромного размера.

А Пушкин что ж? А премия на что?
Она, родная, пушкинской зовется.
А там Есенин ходит без пальто
И ждет, когда фортуна улыбнется.

Песенка о Мухе

Сварил я борщ, конечно, мировой!
Таких у нас не едывали сроду.
Хотел позвать, чтоб Вася Лановой
Испил со мной, пошел, не зная броду.

По стопочке, по маленькой под борщ.
И позабыл про Васю Ланового.
Поплыл, плыву — такая в миске мощь!
Добраться бы до берега крутого.

О Лановом напомнила мне муха:
Упала в рюмку, не в мою — в его.
Я вилкой вон: «А ну вали, старуха!»
И что еще? А больше ничего.

На стол легла та подлая, та Муха.
И кверху лапки, и а ну крутить.

И слышу я маленечко, в пол-уха,
Она давай мне воду тут мутить.

Запела в голос тонко, без изъяна.
Ну как Надежда Кадышева, — чё?
«Эх, напилася я пьяна, напилася я пьяна!
Одну налил, ну поднеси еще!»

Вот так сидели с Мухой мы, балдели.
И пропасть пропадали в окнах, жуть.
А в душу одиночества глядели,
Хотелось спеть для них хоть что-нибудь.

Адамант (Золотой треугольник)

Спасское-Лутовиново и Никольское-Вяземское —
Издавна всем известный «комплот»,
Где Лев Толстой и Тургенев не княжески —
Так, по-простому, ходили в народ.

Есть и еще тут местечечко скромное,
Где Абрикосов и сам Лев Толстой,
Сидя под дубом, вкушали скоромное,
Пили из кружки душистый настой.

Этот поселок не с пенышка толика —
Недра язычества, чувство вины.
Нет у страны без него треугольника,
Как без народа нет и страны.

Мистика берега, тайны магнитные
Слово сюда притянули, талант.

Вот почему в языке мы элитные,
Речь первородна, любой — адамант!

Может, поболее города — стольника
Перлы могуче отсюда видны.
Нет, адамант, без тебя треугольника!
Без первородного нет и страны!

«Милые, милые»

Русским женщинам

Наши мамы когда-то копали поля.
Поднимали лопатой Россию дернистую.
Было им, нашим мамам, не до соловья,
Что сейчас имена их старался, вывистывал.
Дарья — из-под Прилеп, Катя — хата с конца,
Ольга, какой уже нет, и Ариша Калымова...
Я колена считал у него, стервеца.
Как он бил, разорялся в зароссе малиновой!
Отцветали сады. И, горланя за двух,
Дожигая сады эти, белые, стылые,
Соловей вдруг сказал: «Милый друг, милый друг!»
Повторил еще явственней: «Милые, милые».

Матица

Стоит на юру обветренном хата,
Какая-то одинокая.
Одиночества в ней многовато,
Дума глубокая.

— Что, Кузьминишна-то, невесела? —
Говорят ей друзья по цеху. —

Пригорюнилась, нос повесила...
А Кузьминишне не до смеху.

Лет сто, а может, и двести
Держалась, и не было слову
Этой хате, этому дому
С Родиной вместе.

Бывало, как напряжение какое,
Где-нибудь небо вот-вот расколется,
Так хозяйка в магазин, само собой,
Да на потолок солицы.

Сегодня мешочек, завтра мешок.
Пока есть, неизвестно, что будет.
Вон уж спички потащили люди,
В Никарагуа — красный цветок,

Бухать начали с самолетов...
А с вечера Кузьминишна помолиться забыла.
Господи! То Никарагуа просит мыла,
То Палестина еще чего-то.

Где же выдюжить тебе-то, —
Трогает она матицу, —
Когда я еле-еле?
На что сила тратится
Каждое лето!

Зимой ссорятся и дерутся,
А летом воюют.
Так соседи, едва переночуют,
С утра первыми в магазин прутся.

— Что, Кузьминишна, как осиротела? —
Говорят они ей потом, в знак сближения. —
— Ночью, — говорит, — матица треснула, хата села.
И опять напряжение.

Так и живу, хлеб-соль жую.
Хата с краю,
Солью хлеб посыпаю...

Милые вы мои! Городские, селянские!
Мать ты моя, матица!
Палестины-то христианские
На таких святятся.

Прощание с Синяевским

(песня)

Дорога меня на горку вела,
Любила меня, вольнодумка!
Глубокая осень, а тут расцвела
Ромашка белая, сурепка мала
И даже почтовая сумка.

А там золотые метелки березы,
Иной по макушкам их климат.
Прощай, мой Синяевский! Скоро морозы
Тебя полюбовно обнимут.

Прощай, моя хата! И Нюра с Иваном!
И лес — пустычок, Арендовый.
Туманы с обманом, грибки по полянам,
Дожить до того бы Покрова.

Высокое место. Будь Наполеон,
Ареной бы стало все сквозь.
«Билайн» мой до самой Москвы пронесен —
До Лобного места, до звезд.

Но все это частности, так, миражи...
Мы спим, нас давно уже нет.
Чуть в сторону — Африка, зарубежи,
На стенке зеленый портрет.

Кресты по крестам. Но про это — молчок!
Не торкай, почтовая сумка!
Глубокая осень, а тут паучок.
Дорога вела, в паутины брала.
Любила меня, вольнодумка!

Погоня

Медведь пугнул оленя у ключа.
Метался, тонконогий, от медведя.
Рога ветвями стлались по плечам,
Копыта колотили гололедье.

Вот через ров. Вот через речку. Миг —
И позади мохнатая погоня.
Вдруг в ветку ветвь, и хрустнул хрупкий вихрь.
Упал олень и ногу тянет, стонет.
Но надо встать: там по пятам медведь.
Рвануться, вырвать тело из агоний.
А тот сопит, тому свое успеть.
Он хищник, он обязан быть в погоне.

След мечен кровью по холстам зимы.
Жизнь мечена случайностью, звездой.
Он вышел на высокие дымы
И замотал ветвистой головою.

Он жался к людям, раненый олень.
Он верил им, в груди еще светило.
Но угасал его последний день,
Сжимался зовом оленихи милой.

Лес был ночным покоем потревожен,
“Не повезло”, — вздохнули из сеней.
И брызнул зверь на голос нервной кожей,
Косил, дикарь, на избы и людей.

Глядел на нож тоскующе, шалело.
Смертельный холод крался по губе.
И сделал нож свое простое дело,
И каждый что-то выгадал себе.

Какую страсть на шее горделивой
Лесная глушь пересекла, как нить.
За красоту, в момент ее счастливый,
Всею жизнью вдруг приходится платить.

Священная корова (Деревенская баллада)

Вел коровенку на мясо сдавать,
Последнюю-то в округе.
Двадцать пять километров шагать,
Узел висел на подпруге.

Верст уж с пятнадцать, наверно, прошел
С тихой коровой Василий.
Это еще ничего, хорошо,
Старые оба, но в силе.

В силе пока что корова и он —
Тянутся по дороге.
И размышляют о жизненном всем,
Ну и, конечно, о Боге.

«Что же ты, милый-то, нас позабыл,
Тут за сироток оставил.
Ближе к быку я когда-то водил,
Счастья себе не составил.

Вот и на пальце колечко, кольцо,
Женушка в темной могиле.
С молоду все было заподлицо...
Топай же, топай, Василий!

Шлепай и ты, коровенка моя.
Пыль разгребая копытом.
Не обижайся на наши края,
В валенке неподшитом.

Ела соломку, бурьян, а вчерась
Мук не хватило на резку!
Всех воспоила и вот дождалась
Этой дороги в отместку.

Кустик крапивный. Кустище еще.
Был же когда-то поселок.
Глянул бы этот товарищ Хрущев,
Главный тогда идеолог.

Вот куда Райку водил я к быку,
Сам ночевать оставался.
С другом, бывалыча, по черепку,
Больше, ни-ни, зарекался.

Нукося, дай-ка сюда узелок!
Друга былого помянем.
Так, значит, где у нас тут Восток?
Ликом к восточному встанем.

Не осуждай за такое меня,
Друг же ведь был закадычный.
Ну со здоровьищем вас и коня,
Третья уж будет нам лишней.

Конь я когда-то ить был вороной!
С гривой в ворота не влазил.
Где же тут дверь-то... еще по одной, —
И никаких безобразий.

Коля, мой друг! Пригласил ты меня!
Я со своею бутылкой.
Ах, ты ушел? Ну помянем коня...
Вместе с сенокосилкой.

Вон она за бурьянами стоит,
Как ее бросили, Коля.
А говорили, что делает вид —
Городу, области, полю.

Выпьем же братцы, от малокровья!
Не оставляй, Коля, зло, \.
Пей до дна, пей! И еще за здоровье,
Только бы не подвело.

Месяц ущербный. Но — ведро. Хоть вешай
Там на рожочек ведро.
Вот рассиялся! Во тьме-то кромешной.
«Ой, мороз! Ой, мо-ор-о...»

С тем и присядем. Нет в ногах правды,
Нет ее, видно, нигде.
Коля, мы дома и очень вам рады!
Где тут загашничек, где?

Ты бы позвал быка моей Райке,
Чтоб он за ней приглядел».
«Хи-хихи», — подмигнул он хозяйке,
Даже ладошкой задел.

Хлопнул и Колю, дружка, по плечу,
Булькнул еще из бутылки.
Влил бы и Райке. «Пойду поищу,
Где тут ведро для горилки?»

А мы повесим его на рожок,
Не пожалеем ведра.
Ну и давай, мой последний дружок,
Эту, еще одну, на посошок,
Да и в дорогу пора.

Ноченька что-то шатает меня,
Пьяненько месяц косится.
Что ли, остаться тут, все же родня,
Да с утраца покоситься?

Значит, последняя... чует мой нос...
Это... за косовицу...

Царство небесное, и за колхоз,
Было куда обратиться.

Нынче крапива кругом да луна,
А за луной и мороз.
Вот и стоит коровенка одна,
Братцы! на целый колхоз.

Жалко мне Райку, ить любит меня,
Тоже была чернобровой!...»
И повернул дядя Вася коня
Вместе с своею коровой.

Звезды мигали ей даже и днем.
Райке той, Раечке вдовой.
Шел он небесным, молочным путем
Вслед за священной коровой.

Сарматы

Сарматы кочевали по степи —
Сыны ветров, нечесаны, лохматы.
Гоняли дроф, копытили бурьян,
Пасли коней, — на то они сарматы.

Сидели вечерами у костра,
Огонь им красил бронзовые лица.
И мысль была упруга и густа,
Как молоко в жеребой кобылице.

Там — за степями — холод, злоба, тьма.
Все плохо, что сармату непонятно.

А где-то уже строили дома,
Трубу вели на солнечные пятна.

А где-то возвеличивали трон,
Кого-то фараонами венчали.
И подданные, тужась, испокон,
Златые троны спинами качали.

А тут шумел, тревожил синий лес.
В нем, топком, племя русых и бесстрашных.
Не боги, не сошедшие с небес,
Но верят в солнце, пашут свои пашни.

Кремень как будто. Кратки, как скакун.
Такого близко видеть лучше мертвым.
Сидит сармат — нетесаный валун,
Седой курган, задумчивый и гордый,

Весь свой ковыльный озирает путь...
Горел костер. Варились жеребьята.
Сармат ладони жирные о грудь
Отер, вздохнул — на то они сарматы.

Дрожала степь от криков и телег.
Жила, жестоким полымем объята.
Ему свое казалось лучше всех,
И только пыль осталась от сармата.

И лишь курган. В кургане грозный трон,
Охранное орудие из стали.
И, мертвый, правит мумиями он,
Пока живые прах не раскопали.

Потом в себя уставясь, как в коран,
Вновь над курганом возведут курган.
И, хоть отковылились ковыли,
Сарматами все тянет из земли.

Все тени кровь кипучую тревожат,
То бросят вскачь, во тут же и стреножат.

Вятчи

Как от молнии вздрогнет, очистится сердце, —
Упадет в людях слово, аж пыль зазвенит
Где-нибудь в электричке, автобусе сельском, —
И всего откровеньем тебя озарит.

Языкаст мужичишка, язычник с рожденья.
Непритоптанной речью возвысится вдруг.
Тут жуешь, как с ножа. Тут живешь с его тени.
Он мне Вятко, он вятич, соратник и друг.

Оба вятчи мы, оба древнего рода,
С побережий Оки, их языческий грех.
И в обоих хранима кровинка народа,
Что кострища свои сберегал дольше всех.

И, когда на коне, очеканенный, мерный,
Киев стольный явился с мечом и крестом,
Он цеплялся, мой край, за обломки той веры
Что была рождена не на месте пустом.

И приходит весна. И играют веснянки.
Вновь по душу живую гремит соловей.

Соловей, соловейко! Сиж у дуплянки,
Под могучую песнь поджидаю людей.

Я иду с ними в ногу по вещи дороге.
Я глотаю слова из травы, из огня.
Помогите же мне, наши первые боги,
От беспамятства дней оградите меня.

Проведите, промерьте широкою степью,
По Руси молодой расстелите платком.
Расстелюсь, обновлюсь этой великолепью
И уйду, и уйду далеко-далеко.

Вот с родней и роднюсь, что забыть не сумели
Свое древо, пракорень в заветном краю.
Соловей из лесной, из разбойной артели,
Мой языческий дух, — грянь октаву свою!

Тайная вечеря

Собрались двенадцать апостолов.
Все святы, но кто же предатель?
Стучат кулачишками по столу,
Куда только смотрит Создатель?

Вздохнул убеленный Учитель:
«У совести все мы в долгу.
Змею (да не скроет обитель)
Ищите вы в вашем кругу».

Повисло глухое молчанье.
Косились. Кипело все. Жгло.

Сказал Леонардо печально:
«Само назови себя, зло!

Рассядьтесь, все честные, по столу,
А Веру предавший уйди...»
Сидят все двенадцать апостолов,
И все у святых впереди.

Плащаница

Примерю плащаницу и — молчу.
Лечу, свободный в мыслях, улетаю.
Ключи свои я к Небу подбираю,
В полотна заключения хочу.
Белое на черном, черное на белом, —
Плащаница где-то в промежутке.
Как могла фотогеничность тела
В очертаньях отразиться жутких?

Материя и Дух. Вот веришь, а не верится.
Страдая, уходил на Небо Бог.
И в том, что был, мог всяк удостовериться,
На холст в изнеможении прилег.
Пока тот холст на полдороге тлел,
Лик Леонардо и запечатлел.

* * *

Владыко, нас обереги,
Дай нам свой берег.
А мы передадим другим
Твой горний свет, твой брег.

Алмаз — красавец к серебрам,
И чернь к нему на треть.
Все люди сходятся во храм,
Чтоб только посмотреть.

Чтоб Красотой, что у него,
Сплотиться в редкий час.
Ведь и алмаз, и чернь его

Священны тут для нас.
Владыко, людям помоги,
И берег побереги.

Золотистая роза

С куста подмигнет золотистая роза,
Росинками вспыхнет, искрит.
А только дотронься, как тут же занозу
Она, молодая, вонзит.

Но, шип за шипом по стволу отгибая,
Надломишь, протянешь, а там
Прильнет она, тенью дыханье сбивая,
К полуудивленным губам.

О, женщина с розой!.. Вдруг остренько шило
Кольнет выше ушка ее.
Красавица сада сопернице милой
Так выскажет горько свое.

И капелька крови. И ала заноза.
Замрут каблучки вдалеке.
Лежит, не нужна, золотистая роза
Одна в раскаленном песке.

Над садом заходят июльские грозы.
И — боже! — свежа и чиста,
Другая другим золотистая роза
Свисает с того же куста.

Парижанка

В троллейбус вошла незнакомая Женщина.
Была она дряхлой, больной.
И сразу возникла какая-то трещина
Меж ею с Луной, меж ею со мной
И публикой всей остальной.

Косились на ворот ей, подозревая
Бомжовый педикулез.
Платочек она теребила, свивая,
Слегка понимая, судьбу принимая
И вся зажимаясь от слез.

Сидела в портрете, дыханье тая,
Слегка наклонясь, ожила.
«Отговорила роща золотая...»
«И журавли печально пролетая...» -

Она монотонно прочла.
Ответил я ей. И мой Бог, и мой Бог! -
Она повела чуть плечом.
Мне перлы метала, сидела, читала — о чем?
К окну между строк присел бледный рок,
Сходила землистость со щек.

Она улыбалась мне обозначенно,
Изящна и нервна слегка.
«И вечерами, в час назначенный...
Девичий стан, шелками схваченный»...
Платок теребила рука.

Троллейбус шел. Сидела прямо
Она в портрете — у дверей.
Так — из дверей, ее тех самых,
Из серебра — Прекрасной Дамой
Блеснула в памяти моей

Да и ушла в свои Парижи,
В мою серебряную жуть.
Троллейбус шел аллеей рыжей,
Меланхолично пеня, брызжа,
И лужей схватывалась суть.

Да кто они — газели, ламы?
А кто же я — корнет, стратег?
Стеная в возрасты и драмы,
В троллейбусах прекрасны дамы,
Прекрасных Дам не меркнет смех.

Кто ты, Серебряная Женщина?
Через порог за тыщи лет?..

Идет троллейбус. Скорбна трещина,
Пересекает сталь, лорнет,
И улыбается портрет,
Сквозь пыль, сквозь быль — скользя и нет.

Монна Лиза
(песня)

Отправлялся на БАМ,
По Байкальским местам,
А в Москве, а в Москве с полуярда
Провожала глазами,
Оживляла устами
Монна Лиза меня, Леонарда.
Моя Монна, моя Лиза,
Не графиня и не маркиза,
А творение рук человеческих,
Красоты и понятия греческих

По Байкалу бродил,
Своего я испил.
А и там, а и там с полуярда
Провожала глазами,
Оживляла устами
Монна Лиза меня, Леонарда.

Если так я хочу,
Если криком кричу,
И в Париже она, словно барду,
Все глазами своими
Все устами живыми
Улыбается мне, Леонарду.

Моя Монна, моя Лиза,
Не графиня и не маркиза,
А творение рук человеческих
Красоты и понятия греческих.

Заповедь первая

(жития)

Ты есть на Земле, ты рожден Человеком.
Кто Бог тебе, кто — Судия?
Подобна текущим по млечности рекам,
Божественна поступь твоя.

Служи своему всемогущему Богу,
Держи святцы в сердце своем.
Пройди Человеком такую дорогу,
Чтоб не потускнел окоем.

Чтоб Духу Святому не смеркнуться днесь,
Свети в нем, как Солнце ключу.
Ступая по пядям, храни ту свечу,

Моля во спасенье о хлебе,
Знай, часть ее света, возможно, и здесь,
А все остальное — на Небе.

Заповедь первая

(блаженств)

Блаженны те, кто в духе высшем
В небесном царстве ищут пищи.
Несут им звезды горний свет —

Все девять солнечных планет.
Дарует Небо убежденье,
Блаженства — радости земные.
Мы — наивысшее творенье,
Мы все под Богом, все — родные.

Идем, как нищие с котомкой,
По свету Млечного пути.
Нам все идти, идти, идти —

От предков наших до потомков.
Смиренны мы и милосердны,
В нас благодати вдохновенны.

Пушкиниана
Времена года
(Сонеты)

Осень

Унылая пора. Очей очарованье
А.С. Пушкин

Осень, осень. Сады облетают.
Одиночество. Вишня сквозит.
Многолюдие где-то в Китае,
Тут у нас незначительный вид.
Шумно. И боги витают.
Очарованный садом — хожу.
Многолюдие где-то в Китае,
За Китаем отсюда слежу.
Вдруг душа моя как встрепенется!
Когда Пушкин ко мне подойдет.
Я заплачу, а что остается?
Если тихо уходит народ.
Осень. Жизни апофеоз.
Кошка тепльника ищет всерьез.

На пруду уж стекло. Уж от берега кромка.
Я — учитель, «алло»! Сердце молодо, звонко.
И опять, и опять все на «ять», все на «пять».
Знаю, птицы еще прилетят(ь).
Как помягче скажу. По молве похожу
Под березой моей облетелой.

И опять, и опять все на «ять», все на «пять».
Вон друзья из Аида глядят(ь).
Если люди уходят туда,
Значит что-то и тут остается?
Захватили не все города?
Пью святую свою из колодца.
Пушкин глянет в ведро, засмеется
И опять в зазеркалье туда

По грибы, чтоль, сходить? Чтобы грусть перебить?
В магазинах, за шубой стеклянной?
Что мне Рим, что Китай! Тут, родимая выть,
Память стала вокруг деревянной.
Гробовые не платят. Велят погодить.
Кризис где-то великий случился.
Ну а тут, хоть родимая выть и родит(ь),
Да бычок с петухом не случаются.
Вот сидит бравый интеллигент,
На своей шестиструнной играя.
Осень, осень! Опять воду мутит студент.
Нам в Пекине у них там, в Китае,
Скоро ль школы позакрывают?
Вероятно, и там не рожают.

Опять октябрь. И цифра «19» —
Как девятнадцать отошедших лет.
Как молоды мы были, дамы, братцы!

Как много было нас, где нас уж нет.
 Век пролетел. Судьба перемешала
 И «19», и «21».
 Но жив Поэт. Не все еще пропало.
 И клен живой. И с ним я не один.

И как душа моя к нему вернется,
 Как только Пушкин где-нибудь пройдет.
 Так ямб во мне соколиком и вьется.
 А что еще поэту остается?
 Когда ж сюда к нам Пушкин соберется?
 Я жду. Когда же он придет?

* * *

Осень. Болдино. Денечки.
 И над Пушкиным луна.
 Как во сне в середине ночи,
 Целый день была видна.
 Сквозь молитвы, сонмы песен,
 В Мурашихе, как из грез,
 Из луны вдруг выйдет месяц,
 Завершив небесный кросс.
 На рожок ведро повесим,
 Пусть всем будет хорошо!
 Слава Богу, мир не тесен,
 Славно бродится еще.
 И кому-то Пушкин нужен,
 Людям мы еще послужим.

* * *

Осень стынет. Прозрачное утро.
С крыш ритмически сыплется лист.
Что Экватор нам! Что Брахмапутра!
Мы у Пушкина тут собрались.
Постою, погадаю у дома я,
Да пройдуся к пьедесталу его.
— «Здравствуй, племя мое, незнакомое!»
— «Здравствуй, Пушкин. Как жив, ничего?»
Эфиопские темные ночи
Сокращают магически жизнь.
Все короче золотые денечки,
Все заметнее ночь. А держись!
Знаю, Пушкину только шепни,
Увеличит короткие дни!

* * *

Нет, не утратил назначенье
Поэт под золотым венцом,
Под сень, берез разоблаченье,
Так и живем. К судьбе лицом.
И Русь мне в памяти благой,
И Пушкин с нами, русский гений.
И листья, шелест под ногой,
А золото в душе — в глаголе!
Божествен! В речи навсегда.
Хоть не кинжал — разит, пытается,
Как первый снег, как смех, когда
И вроде есть, и вроде тает.
И пруд скользит уж от ключа.
Пока мы есть, пока у нас ничья,
Но с Пушкиным мы победим, я знаю!

* * *

Зима

И отдаленные седой зимы угрозы.

А.С. Пушкин

Когда запахнет снегом с облаков,
Мороз предчувствуется только,
Мне хорошо. Из глубины веков
Свобода ощущается и Мойка,
Где Пушкин не под зонтиком творил,
А, как и я, свободно и беспечно.
Искал в квадрате трепетный берилл,
И замер в его сути бесконечной.
Покров. Пороша на Нерли.
Примета, что зиме быть не холодной.
Холодной Верой, греясь у земли,
Артистка в памяти народной.
И «Госсовет» все пишет кистью Репин.
В снежки играет Бог. Мы бабу лепим.

* * *

Денек хорош! Денек чудесный!
После осенней хляби, дрязг,
Возьмется скульптор Неизвестный
И Солнце вылепит из нас.
«Мороз и солнце!» И проселок.
Тверда дорога. След лежит.
В снегу опенок невеселый
Из-под орешника глядит.
В Рязани так у нас с грибами:
Они глядят, а их едят.
Чтобы не стукались лбами

Поэты врозь у нас сидят.
А то большой такой начальник
Поставит вдруг на шляпку чайник.

* * *

Леса торжествуют под флагом зимы.
Та песенка с детства знакома.
Ах, елочка, елочка! Ветки прямы,
Одеты с иголки дома.
«В лесу родилась елочка,
В лесу она росла».
От книжек гнется полочка,
А ночь звенит, светла.
Но что же этот Интернет
Предложит нынче на обед?
В какие полушалки Пушкин
Словечко, образ завернет?
Как дети, радуясь, старушки
Встречают Старый Новый год.

* * *

«Ай да Пушкин! Ай да молодец!»
За труды, за свою гениальность
Рассмеется великий певец,
Восходя к божеству, на астральность
Каждый думает о себе,

Что такой же, как он был во всем.
А тем более К.Г.Б.,
Много выше умом.
Только Пушкин постиг изнутри,
Из астрала, а не из ума уж,
Что таких же, как он, раз-два-три.
Выходя за божественных замуж,
Красота говорит все о нем —
И зимою, и детом вдвоем.

* * *

В зимнюю порошу
Закатилось Солнце.
Он, такой хороший,
Глянул за оконце.
И увидел Солнце —
Самого себя,
Там же за оконцем,
Каждого любя.
Вот за что и рубят
Дерево друзья.
Рощу всю погубят,
Не губить нельзя.
Хоть ты и хороший
В зимнюю порошу.

Весна

Весны промчится гений

А. С. Пушкин

Весна прилетела, сова пролетела.
В душе поселилась, живет.
И вьется гнездо в первый раз неумело,
И крылышко по небу бьет.
Ручьями гремят поснопенья весны.
Глядь, лось незаметно прошел.
И пеночка пеночке тут у сосны,
Чирикнет, — и всем хорошо.
А что вспоминать-то? Кому и кого?
Промчался и пушкинский гений.
А тут из поселка уже ничего,
Как смотрит на это Тургенев?
И «дети», и даже «отцы» у него
Балдеют весной от всего.

Уже зеленее трава.
Уж май давно, похоже — лето.
Но в синем марте тень едва,
Еще снежит в недавнем где-то.
Я март люблю! Сильнее мая!

Еще слезится синева,
 А небо, с солнышком играя,
 Слагает с зеленью слова.
 Паду в ту самую траву,
 Крест на крест — в ландыши, в кукушки!
 Эй, Пушкин! К нам, сюда, ау!
 Да здравствует трава, слова и Пушкин!

Лето

Ах, лето красное!
 А. С. Пушкин

Как грустен мне август, с чего бы?
 Откуда вселенская грусть?
 Но очень уж хочется, чтобы
 Спокойнее длилась бы Русь.
 Подольше бы видеть зеленой,
 Чтоб лету все быть впереди.
 Чтоб груше прозрачно-ядреной
 Не чмякнуться где-то в груди.
 Чтоб все перед нами светило,
 Божественный длился глагол.
 Чтоб солнышко утром светило,
 Чтоб детство вернулось и было,
 Чтоб сердце народы любило,
 Чтоб Пушкин домой к нам зашел.
19 октября 2008 года

Есениниана

(Сонеты)

Я вас любил, меня вы не любили.

И.С. Тургенев.

Любимая! Меня вы не любили.

С.А. Есенин.

Не говорю: я и Есенин.

А говорю: Есенин — мой отец.

Мир создан из борьбы, из потрясений.

Вот и прозреньё наконец!

В поэзию ведь он меня позвал!

С тех беззаветных, детских еще лет.

Кристалл мне, как и Пушкин, передал.

Питал его ямбический поэт!

Был натуральный мой отец

Есенину годок. Скажи на милость,

В меня душа его переселилась.

Бездонность, соразмерность, русскость,

соединение сердец,

А все — отец!

Степная ширь и колея в ней, узкость.

Колеса точно в след. И шире — нет.

Открытость русского поэта —

Откуда это?

Пронзил не только ведь меня

Еще ребенком где-то,
А Русь, всяк русского, откуда это?
Горю, не гасну от его огня.
Слова к моим теснятся.
И музыкой, касанием стена.
Оттуда дух к Есенину клоня.
За что люблю? А на за что. А просто.
За то, что он Сергей. Как Сергей.
За то, что небольшого роста.
Что не из Бельгий,
А — русский.
За то, что из Рязани.
А мог быть из Казани,
Курский.

Наш зять орловский.
На Зинаиде Райх женат.
Приходит... виноват... к березке.
Пишу тут день и ночь подряд
(Творю все в вёсне).

А он ко мне сюда придет
Да рощу золотую как потрянет,
Как скажет, суку пожалеет,
На рукаве повешусь, говорит.
О Господи! Так все во мне и млеет,
И несгораемо горит.

Уж я ему как бы отец.
Все в той поре он, в цвете лет.
И все какой-нибудь подлец,

В лоб направляет пистолет.
Как до него другой повеса,
Имею я ввиду Дантеса.

* * *

«Несказанное. Синее. Нежное».
Спит мой край из раakit и берез.
И такое глухое, мятежное —
Полыхнет, как вчера родилось.
Все на небе, все где-то витаем,
Так с Есениным тут и живем.
Мне сосед: «Все деньжонки считаем?»
Говорю, мы туманы куем.
«Несказанное» как засмеется,
«Синевою» меня обоймёт.
— Ну и как там в «туманах» живется?
Ходит в Персию русский народ?
Засмеюсь, что еще остается?
Воду только пьем из колодца.

* * *

В Константиново был, в Константиново.
На откосе сидели не раз.
Вспоминали артиста Киндинова,
Я Сергея держал про запас.
А они мне свое неизбывное,
Мол, все едут, стоптали траву.
Говорю им, да дело-то дивное,
Что ж вы всяко суете в молву?
Русь же едет ведь, русский народ.

Все с любовью к нему, в самом деле.
Ураган вдруг сорвался, и вот
До Иванова крыши летели.
Мимо падали камни с небес,
Как с цепи посрывались, иес.

Душа замирала от страха,
Деревья ломались, как спички.
Директор товарищ Астахов
Примчался сюда в электричке.
Они и наверх, с теплохода,
Валили, как в Колизей!
Впервые от того народа
Он заслонял собой музей.
И этот Владимир Исаич
Стоял, распростерт, как атлант.
В глаза урагану бросаюсь,
Спасал всенародный талант.
Гремела буря. Дождь шумел.
Как мел, белел. Как Бог велел.

Те говорили: «Отечество не то.
Смени концы,
Не Солженицын».
Он отвечал:
«Видал причал?»
И им кричал
В тупые лица,

Показывая на причал:
«У нас с ним, вишь, одни отцы!
Начало всех начал».
Вот что творится,
Когда кому-то в бронзе медь
Ночами снится.
Другим с висков сесть,
В литавры бить, в набат гудеть.
Все б за народ радетели-отцы,
Вязать другим концы.

* * *

«Если сердце вылюбить до дна
Станет сердце глыбой золотою».
Только тегеранская луна
До сих пор чего-нибудь да стоит.
Вот Есенин! Призраком явился!
Спел про золотую рощу мне,
И букет мелодий как приснился
В протрезвевшей нашей стороне.
Вот живу, и все мне не напеться,
Жизнь по сути в песнях и прошла.
Дай в Босфор до дна мне доглядеться,
Дай позвать рязанского орла —
В песнопенья, где слова — злодеи,
Так вдвоем по ковылям и веем.

Вот он, университет!
Слово взял я на конференции.
Глоссы просили аудиенции,
Я же сказал им: «Нет!»
(Дайте хоть чем-то смущу веселье).
Видите? Справа – Пушкин, Фемида.
Бюст его, значит. А где Есенин?
Дом, где жил поэт с Зинаидой?
Взяли и поставили слева Есенина,
А раньше бы – Ленина...
Ну а дом как снесли, так... ну и неси!
Посередине Руси...
Тоже тягость, того же поэта...
Понял что-нибудь это?

И что я понял, что я осознал?
Так это то, что жить опасно. Всех перебрал –
Ни одного! Любой прожил несчастью.
А всех любил! Любой из них – любовь.
Всем отдавал себя ведь до конца.
Вот и Есенин стал мне за отца,
В житейском море, в мути голубой.
Россия-Русь! Когда бы ты узнала,
Что плохо, что бессовестно.
Поэзия про это все шептала,
А что же ты, великая страна,
Поэтов не жалеешь? Врешь безбожно.
Когда поэта нет – все можно.

* * *

Он жалость в сердце пробуждал,
Но кто же пожалел Поэта?
Кто искру в искре угадал?
Кого струна задела эта?
Отбросить, оборвать струну.
Кому, зачем струна и жалость?
Когда бы пел он про войну,
Что б от Поэзии осталось?
В есенинском березовом краю
Я был в поэтах как в раю.
Война сюда не докатилась малость,
И потому не воспевал войну,
А пел любовь, чтоб в тишину
Душа влюблялась.

* * *

Ни слова про Оку? А почему?
Все больше про Босфор и про озера.
Играть пришлось и Мещоре самому
В театре одного актера.
Спас-Клепики. От них Ока далеко.
Тут начинал, продолжилось потом.
Перепоясан лентой синеокой,
Переползал стихом в четвертый том.
Земля и Небо, Воды и Огонь
Не д'Артаньяна, а за единый мах
И без воды я орошал Гасконь.
Судьбой и кровью штурмом брал стихи
Под флагом четырех стихий.

Попал же в город деревенский житель.
Все плачет по березкам, по домам.
А как вернется, так его держите:
Денька четыре, и в Москву, к делам.
В Москву, в Москву! В угары и романы!
Одну забыл, другая перед ним.
Играет Клюев в души, в кланы,
Есенин в них вбивает клин.
По кабакам — не потому что пьянка,
А потому, что ярко говорят.
Всего одна какая-то крестьянка
Перемесит поэтов всех подряд.
А после вспоминает, где была?
Когда и с кем, кого за что любила?

У Оки мы были, у истока.
Пили воду, что и говорить.
Журналисты нового потока
Превращали в «вассер» тему «быть».
Что ему мое больное сердце
Про собаку, брошенную где-то?
Господи, дай, Джим, мне опереться.
На экспромты, на судьбу Поэта.
Лей, исток! В Рязани бы добраться,
В понизовье своего испить!
И опять исток как из колодца,
Музыкой давай в меня ломить.
Лапу, Джим, давай в меня совать!
До сих пор про это все поется.

* * *

Повыбрасывали! Поубили
Всех собак, всех котов и кошек!
Как к зиме дело, едут в мыле
С дачи столько людей хороших.
А оставили, вышвырнув, вымели,
Как Есенина незащищенного
Били в сердце, прямо по имени
К Богу всячески обращенного.
Бродят кошки теперь по дачам,
А собаки сбиваются в стаи.
Не стреляйте! А как иначе?
Люди! Истина-то простая:
Переходим грани по паре
Хуже всяческой твари.

* * *

На Мещоре — сплошное язычество.
Земляничные эти поляны.
Был царем бы тут — Ваше Величество.
На Москве б не зализывал раны.
По Тверскому-то по околотку
Не бродило б в толпе одиночество.
У Толстых, дав целковый на водку,
Называли уж Ваше Величество.
На Неве звали Ваше Сиятельство.
Знак беды, знак Руси. Так насели,
Что сразили, повесили начисто
Золотого, любимого всеми.
Мы — количество, качества узкого.
Освяти, Боже, этого русского!

*14 октября 2008 г.,
г. Малоархангельск*

«ТЕРМОМЕТР ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»**Мир лиризма, мир фантастического**

В лирике А.С.Пушкин применяет фантастику интуитивно в целях исследования и изображения, в сложных ситуациях придавая своим героям романтизированно-фантастическую окраску. Д.Д. Благой отмечает, что, «прежде чем Пушкин стал поэтом действительности, он прошел в своем развитии все основные фазы европейской духовной жизни конца XVIII — начала XIX века». Поэт воспитался на почве рационализма XVIII века и, пройдя школу романтизма, понял в своем творчестве его недостатки, ограниченные возможности.

Ирреальный мир в фантастических произведениях Пушкина имеет на судьбы людей роковое влияние, распространяя романтизированную эстетику на все его творчество, в том числе и на поэзию, начиная с первой половины 20-х, как полагает Е.А.Маймин. Местный колорит разрабатывается Пушкиным как реалистический, где субъективное начало подчиняется объективному и не растворяется в нем. В намечающейся «двуплановости» произведений Пушкин показывает не только психику, но и быт. Герои поэта — реальные люди, прототипы его образов, первый план изображения. Пушкинский реализм выводит субъективность человека из объективного мира истории и общества, выделяя конкретного, психологического человека, внутренний мир которого изображается романтическими художественными средствами.

Конкретный человек у Пушкина наделен конкретными чертами и объяснен в пределах бытийного обстоятельствами. Реально-бытовой план способствует познанию и исследованию иррациональных сил, существующих в инобытийном мире объективно. Такой мир оказывается основой поэта как романтически настроенного героя с его сложной душой. Пушкин сохраняет психологию и индивидуальность, идущую от романтизма, реалистические принципы конкретности, отказываясь от индивидуализ-

ма. Характеризуя реалистический метод Пушкина, Г.А.Гуковский отмечает влияние на поэта творцов-романтиков: «Пушкин не отказался от наследия Жуковского даже в 1830-х годах, но использовал его, включив в новую, реалистическую систему».

Пушкин перерабатывает как идеи, так и стиль, сделав стиль романтика В.А.Жуковского элементом своей стилистической системы. «Мир романтика, — по утверждению Е.А.Маймина, — возвышенный, необычный, внебытовой мир». Язык романтического произведения лишен всего обычного, преходящего. Вот что пишут критики о романтиках и их атрибутике. По их мнению, поэт-романтик мыслит категориями. Романтическая эстетика — это эстетика интенсивного и беспредельного. В.В.Воровский замечает: «Поэт-романтик не просто воспринимает в художественных образах окружающий его мир, а воспринимает его в преувеличенных линиях, в сгущенных красках, в потенцированных формах». И Пушкин воспроизводит эстетические образы, особенно в лирике, не так, как воспринял их, а преувеличенно, романтизировано, фантастично.

Демоническая тема входит в творчество поэта, однако становится одной из многих. Демонические мотивы волнуют Пушкина только в определенный период, поэт постепенно преодолевает их. Его гармонический дух реет над демонизмом, иронией, романтической тоской. В фантастических произведениях Пушкина нет разочарования. Его герои побеждают несовершенство мира благодаря высоким свойствам души, божественности ее предназначения. Лирический герой Пушкина глубоко чувствует красоту жизни как высшей формы гармонии бытия, хотя роковые страсти и вносят хаос во внутренний мир героев. При этом Пушкин предоставляет героям понятие грани реального и ирреального. Конечно, судьба их зависит от иррациональных сил, от ирреального мира, но нравственный выбор остается за ними. Они свободны в выборе добра и зла, ответственны за свои поступки, ощущая на себе постоянное воздействие Абсолюта. Таков гуманистический, светлый божественный пафос лирики Пушкина. Подобные

проявления заметны в таких его романтических стихотворениях, как «Демон», «Анчар», «Бесы», «Жених». Большое идейно-художественное обобщение Пушкин вложил в фантастику «Анчара» (1828); фантастическое «Бесов» (1830) отражает демонический мир, губящий человека.

Сущность романтического стиля — это идея романтически настроенной личности. По мнению того же Г.А.Гуковского, романтическая личность — это идея единственно важного, ценного и реального, находимого романтиком только в интроспекции, в индивидуальном самоощущении, «в переживании своей души как целого мира и всего мира». Человек, изображенный с помощью фантастики и романтических художественных средств, свободен в своей внутренней жизни, сам себе и доверяет, и он есть причина всего сущего.

Куль свободной личности — основа романтизма, который видит в человеке душу как орудие духа, воздействия на нее Бога-Творца в мире вещей и природы. Душа человека остается свободной от конкретно-исторических условий. Однако в реалистическом методе Пушкин изображает не субъективную единичную реальность, а объективную действительность. В то же время «двоемирие» в фантастических произведениях поэта выражает внутреннее противоречивое единство и независимость свободных эмоций человека. Субъективность не поглощает весь мир; по мнению В.М.Жирмунского, Пушкин переводит своих героев из демонического в реальный, предметный мир, доминирующий над эмоционально-лирическим миром.

В связи с этим тема фатализма из-за зависимости героев от ирреального мира осложняется еще и проблемой внутренней несвободы. Тема свободы драматизируется романтическими антитезами добра и зла, реальным и ирреальным, жизнью и смертью. Для реалистической фантастики Пушкина характерны роковое предсказание и роковая гибель. Эти романтические мотивы будут исследоваться Пушкиным как наблюдателем за проявлениями иррациональных сил, существующих как во внутреннем мире его героев, так и в окружающей их среде.

Пушкин решает художественные задачи с помощью реалистических средств, обогащенных таким эффективным романтическим средством, как фантастика. Пушкинские герои пытаются преодолеть несвободу своего сознания, в таком случае интерес поэта проявляется как к человеку, вступающему в поединок с роком, так и к трагической судьбе личности из-за воздействия на нее рокового начала.

Знаменательно, что Пушкин развивает идеи реализма творчески, не отказываясь от романтических завоеваний. Поэт не может забыть свободолобивых деклараций романтиков, внутренне близких ему, может, поэтому он не желает отказываться от термина «романтизм». Не отказывается он и от самих идей романтизма, поэт дорожит и художественной, и вообще всякой свободой, которой не хватает ему в период романтических увлечений. В то же время Д.Д.Благой отмечает, что «романтическое восприятие жизни и художественно-романтическое ее воспроизведение в это время не исчерпывают всего отношения поэта к действительности».

Однако романтическая эстетика в ее традиционно сложившихся формах уже не удовлетворяет Пушкина, ибо ее субъективность запрограммирована и ограничена, не до конца свободна. Пушкин исследует закономерности развития действительности с помощью фантастики, изображающей человека как игральные роковые страсти. Но и субъективизм романтической фантастики неприемлем для Пушкина.

Принцип «двоемирия» обуславливает исследование человека под влиянием злых иррациональных сил. Тема смерти не воспринимается поэтом. Обычно поэты-романтики писали о смерти как об инобытии. Смерть была для них явлением высокого, нетленного мира, служила синонимом абсолютной свободы, представлялась как успокоение, антитеза жизни, ее страданию. Гегель говорит о положительном значении, которое это явление получает в романтическом искусстве: «Смерть лишь непосредственной единичной жизненности есть рождение духа», то есть духовного, инобытийного, ирреального мира.

Пушкин пишет о смерти как о возвышенном явлении, решая тему роковой зависимости человека от ирреального мира как реалист. Реализм в лирике Пушкина — это правда человеческих чувств в их общем значении, свободное проявление субъективности. Романтическое начало в лирике — это проявление субъективности, ощущение себя личностью, воспринимающей инобытийный мир, а не только преодолевающей романтическую субъективность.

По мнению Г.А.Гуковского, кризис субъективизма тождествен кризису романтизма. «Оттого и в самую байроническую свою пору он одновременно мог написать вовсе не байроническую «Гавриилиаду»; это была тоже «<...> политически бунтарская поэма, и в качестве таковой она, естественно, сближалась с поэзией байронического бунтарства, но в ней принципы романтической субъективности явно оказались отставленными».

Процесс развития пушкинского творчества, считает исследователь Гуковский, идет от романтизма к реализму, от субъективного к объективному. В стихотворении «Анчар» поэт разрабатывает принцип «двоемирия», показывая влияние демонических сил, в данном случае, существующих в самом человеке. Выстраивая сюжет, Пушкин опирается не только на национальные традиции, но и на предшествующий мировой опыт. Имеется немало отечественных и зарубежных работ, оценивающих характер этого произведения.

В грозном ореоле «Анчара»

Поэт Катенин изобразил себя в образе сурового русского воина в состязании с греческим певцом, восхвалявшем князя, тогда как русский певец отказался петь о венценосных особах. Под греком Катенин разумел Пушкина и призывал поэта вернуться к романтическому свободолобию. Как подмечают В.В.Виноградов и Д.Д.Благой, пушкинский «Анчар» явился ответом Катенину, где Пушкин изображает деспотию в образе ядовитого дерева — анчара. В.В.Виноградов обращает внимание на то, что тираниче-

ская власть представлена в образе древа жизни, дарованного по милости царя, что являлось распространенным мотивом византийского, восточного искусства. Совсем другим путем, как художник-реалист, идет Пушкин в разработке этой темы. «Анчар» членится на две части: во-первых, это описание ядовитого дерева, а во-вторых, повествование о гибели посланного к нему за ядом раба.

Однако было бы ошибкой считать в стихотворении аллегорию на манер Катенина, только с противоположным значением. Пушкин создает нужное ему впечатление в лирике не традиционным способом — с помощью аллегории, а с помощью фантастики как более сложного художественного приема. Описывая некое древо и подразумевая под ним демонический мир, поэт берет реально существующее, хотя и необыкновенное, удивительное явление растительного мира. Конкретному описанию этого дерева Пушкин придает большую поэтическую силу, создавая уникальный художественный образ, ужасающий и потрясающий в то же время своим мрачным величием.

Анчар в грозном ореоле как бы царит в своих зловещих качествах и тонах, среди обитателей пустынь и степей «стоит один во всей вселенной». Словосочетание «дерево яда», данное первоначально в заглавии стихотворения, повторяется в четвертой строфе сочетанием «дерево смерти». Дерево, переполненное ядом, отравляет и убивает всех, кто только посмеет приблизиться к нему. «К нему и птица не летит //И тигр нейдет». Фантастическая характеристика «темных» иррациональных сил усиливается фантастической атмосферой. Даже воздух отравлен вокруг дерева. «<...> лишь вихорь черный// На древо смерти набежит //И мчится прочь, уже тлетворный//».

Эпитет «чахлая» пустыня подчеркивает свой звукописью ядовитый характер дерева. Следует повторение согласных и гласных «га», «нг», «гр», повтор слов «ввечеру», «прозрачною смолою», «вихорь черный», «мчится прочь», «туча оросит», «лист дремучий», «песок горячий». В результате возникает музыкальная атмосфера, связанная со звукообразом «Анчара»,

с его фантастическим колоритом, окрашенным романтически при помощи музыки слов, которая создает особое настроение в предчувствии инобытийного мира. Высокий стиль придает строке торжественность и эпическую величавость.

Фантастическая картина порабощения человека человеком раскрывает глубочайшую аморальность, бесчеловечность отношений абсолютной власти и такого же абсолютного порабощения. Ведь и царь и раб — это люди, какое расстояние ни лежало бы между ними. И они не перестают быть людьми из-за противостественности отношений. Пушкин далее говорит о героях как о рабе и владыке. Человек — царь посылает хладнокровно другого человека — раба на мучительную смерть именно в силу удовлетворения царем своей агрессивности, властности. С другой стороны, раб покоряется воле тирана, забывая, что он человек.

Фантастика показывает, как иррациональные силы вытесняют во владыке все человеческое, усиливая его жестокость, тиранство, развившееся благодаря безграничной власти. Привычка не встречать сопротивления со стороны раба доводит агрессивные иррациональные силы во владыке до апогея. И он посылает слугу на явную смерть одним только «властным взглядом». Привычка к повиновению сказывается в рабе сильнее, чем инстинкт самосохранения. Раб знает, что он послан на верную гибель, и идет на нее обреченно, не пытаясь этого избежать.

Фантастический характер ситуации подчеркивается тихой, покорной смертью раба. Романтика образа умирающего раскрывается в таких деталях, как «пот на бледном челе», «хладные ручьи пота». Простота, спокойствие тона помогают поэту глубже проникнуть в психику человека, в инобытийное. Мы всегда ощущаем в лирике Пушкина высокую гармонию чувств, связи с божественной природой, протест против тирании, и потому стихи поэта с их необычной яркостью и интенсивностью хорошо поются, часто звучат как романсы.

И.Л.Золотарев.
Кандидат филологических наук

Содержание

От автора. «Зазеркалье души»	3
Сто песен, которые пою (Концертная тетрадь)	
Театр одного актера	5
В.Ф. Садовский. «Стихи, положенные на музыку моей души»	6
Гимн Орлу.....	9
Песня об Орле	11
Малоархангельск	13
Прощание с Киевом	16
Одинокaя дача	17
Ракитушка	18
Ключ-колодец.....	19
Городок	22
Песня про подлoдку.....	23
Максимова дача.....	25
Графская пристань.....	26
Судьба-судьбинушка	28
О, Русская земля!.....	31
Алмаз.....	32
Черная вуаль.....	33
Забытые хутора	35
Кукушкины дожди	37
Тонкая рябина.....	39
Три сестры	40
Лох-несс.....	41
Двойники.....	42
Шагрeneвая кожа.....	44
Голубое и зеленое	45
Зеленые глаза.....	47

Зеленя	49
Моя деревенька	51
Кленки на берегу	52
Орловчанка	53
Александровский мост.....	54
Качели	57
На прекрасной голубой Оке.....	58
Червоная свеча	61
Бристоль.....	62
Горлинка	64
Орлиная земля	65
<i>Песни из музыки моих и авторских слов</i>	67
Елисеевское поле	68
Алешня	68
Яблочный Спас	69
«Журавли колесом!» (Осенний вальс).....	70
Утренняя песня (Белый вальс).....	70
Синеглазая (Весенний вальс).....	71
Легендарный городок (Малоархангельск)	72
Ключ камергера (песня о Спасском-Лутовиново)	73
Поднебесная песня.....	74
Песня Александра Македонского (Из трагедии «Пламень Александрии»).....	75
Поющая душа	76
Земляки («Люберецкие мы»).....	77
Капитан Немо.....	78
Попугай Робинзона	78
Аборигены съели Кука (Школьный урок)	79
Акуля перчатка	80
Песни из романа в стихах «Арсений Чигринев»	82
«Русский лес».....	82

«Неупиваемая чаша» (Песня Арсения).....	83
Мой Гамлет (Песня Арсения).....	84
На большаке (Песня Арсения).....	84
Из «Белой Скифии» (Песня Одиссея).....	85
В роще Платона	86
К.Г.Б.	86
У скифского кургана (Дуэт Несмеяны и Одиссея)	86
Одиночество в ночи (Грезы Одиссея)	87
Золотые табуны (Песня Царя всех скифов Мадея)	88
При Луне, в облаках (Второй сон Одиссея про князя Колаксара — героя сколотского, праславянского).....	89
Змиев вал (Хор викингов)	90
Весло, похожее на Лопату (Песня Молодого Скифа).....	90
Два огненных весла (Одиссеева песня о Северном Сиянии).....	91
Янтарный берег (Песня Плачущей Сосны).....	92
Живущие на облаках (Одиссеевы впечатления от легенды песнопевца Бояна)	93
Ольвия голубоглазая (Хор сынов Ослепленных Рабов).....	94
Богатырские Курганы (Вторая песня Царя всех скифов Мадея Второго и с ним Скифский Хор)	95
Белая рубаха, алая серьга	96
К отцу отцов (Моления Одиссея).....	97
Возвращение (Песня Одиссея)	98
С.А. Есенин. Песнь о собаке	100
Собаке Качалова	101
Письмо к женщине	102
У калитки (Из поэмы «Анна Снегина»)	103
Просто песня.....	104

Шаганэ	105
«Никогда я не был на Босфоре»	106
«Я спросил сегодня у менялы»	107
«Вечер черные брови насопил»	108
«Несказанное, синее, нежное...»	109
Н. Рубцов. Видение на холме	110
Деревенские ночи	111
Ферапонтово	111
Воронежские	
Руть – кормилица	112
Соловушка	113
Кольцо	114
«Расступитесь, леса темные»	115
«Оседлаю коня»	115
Вокзал с огнями (Эх, загулял)	116
Приехала мать из Воронежа	117
Лает собака	118

Ананасы в шампанском	118
На Макарийских островах	119
Змеинный глаз	120
Слова – хамелеоны	121
Мои песнопения	121
Sin miedo («Будь без страха» (исп.))	122
Звуковая поэзия мира	125
«Остров любви» (французские песни)	126
Шарль Бодлер. Красота	126
Луи Арагон. Руки Эльзы	126
Робер Деснос. Куплет о стакане вина	127
Стефан Малларме. Умирающий Лебедь	127
Цветы для вас	128

Жак Превер. Это в Париже	129
«Андалузские ночи» (Испанские песни)	
Леон Филипе. Брат.....	130
Гарсиа Лорка. Романс о Луне.....	130
Мануэль Мачадо. Песня	131
Хуан Хеменес. Я просто сказал... ..	132
Луис Сернуда. Мир, где правят.....	132
Мигель Унамундо. Отчизна.....	133
«Испания».....	133
Персидские напевы	
Рудаки. О пэри!	134
Омар Хайям. Желания	134
Аву Нувас. Пью старинное вино.....	135
Омар Хайям. Лунолика.....	136
Низами. Я полюбил.....	136
Саади. О утренний ветер	137
Махмуд Абдул Бакы. Прекрасная	138
Аравия	139
Маджнун. Целую след (стихи).....	139
Перед Каабой	139
Турция	
Караджаоглан. Ты не пришла.....	140
Ахмед-паша. Моя любовь	141
Французские песни	
Артюр Рембо. Впечатление	142
Поль Верлен. Песни дождя	142
Жак Превер. Опавшие листья	143
Испанские песни	
Мануэль Мачадо. Кастилья (Легенда о Сиде).....	144
Гарсиа Лорка. Сомнамбулический романс	145
Поступь Сигирийи.....	146

Мементо 147

Неаполитанские песни

Санта Лючия 147

Леонкавалло. Рассвет 148

Куртис. Вернись в Сорренто 148

Море синее играло 149

Синьорина 150

О мое солнце! 151

«Скажите, девушки, подружке вашей» 152

Лунная серенада 152

Амополло 153

Поет волна морская 154

Принсесита 154

Пой мне! 155

Баркаролла 156

Денца. Дивные очи 156

Первое письмо 157

Мандолината 158

Южная Америка. Перу

Сесар Вальехо. Игральные кости 159

Марио Флориан. Призыв к перуанцу 159

Бразилия

Мануэль Бандейра.

«Ню» — обнаженная 160

Гильера де Алмейда. Ветка ивы 161

Марио де Андраде. Гитара 162

Марио де Андраде. Самбинья 162

Сесилия Мейрелес. Песенка 163

Марио Флориан. Индейская голубка 163

Мануэль Марено Сименес.

Найди меня взглядом 164

Хуан Гонсалес Росе. Стакан.....	164
Уинстон Орильо. С добрым утром (стихи).....	165
«Тихо поющая Америка» (США)	
Эдгар По. Эльдорадо (перевод К.Бальмонта).....	166
Эдгар По. Анабель Ли.....	167
Джон Гритлиф Уитлер. Барбара Фритчи.....	168
Эмили Дикинсон. Не напрасно жила.....	170
Малиновка моя.....	171
Эдвин Арлингтон Робинсон. Вечеринка мистера Флада.....	171
К.Сендберг. «Три слова» (стихи).....	173
Джо Уоллес. Мать героев.....	174
Розмари Уилкинсон. Стихи.....	174
Смеющаяся Англия	
Джон Китс. Девонширская девушка.....	175
Рядъярд Киплинг. На далекой Амазонке.....	175
Эдвар Лир. О самом себе.....	176
Льюис Керрол. Баллада о старом Вильяме.....	177
Вильям Шекспир. Сонет №76.....	178
Сонет №128.....	178
Сонет №152.....	179
Перси Биши Шелли. Прометей освобожденный — раскованный (стихи).....	180
Джон Китс. Дикарка — слава.....	180
Из музыкально-лирической новеллы	
«Золотая цепочка Хафиза»	
Мы, Шемзеддин, со чадами своими (стихи).....	182
Богословская песенка.....	182
Трактирная песня.....	184
«Предав себя судьбам на произвол».....	185

«Пусть, насколько хватит сил»	185
«Хафиз убит! А что его убило?»	186
Хафизу	187
Славянская тетрадь (Полония)	
Юлиан Тувим. Акация	189
Трава	189
Халина Посвятовская. Халина	189
Ежи Харасымович. Костер	191
Отон Жупанчич (серб.) Детская молитва	191
Поль Лакур (дат.)	192
Как смолой застывшей	192
Принц Гамлет	192
Викинги (норв.)	
Хенрик Вергелани. Моей желтофиоли.....	193
Хенрик Ибсен. Сожженные корабли	193
Русский романс	195
Романс в романсах	
«Я помню чудное мгновенье»	196
«Я встретил вас — и все былое».....	197
«Выхожу один я на дорогу»	198
«На заре ты ее не буди»	199
Песня цыганки	200
«Средь шумного бала, случайно»	201
Пара гнедых.....	202
«Глядя на луч пурпурного заката»	203
Калитка	203
Очи черные.....	204
«Отойди, не гляди»	204
Твои глаза зеленые	205
Черные глаза	206
Прощай, мой табор	207

«Гори, гори, моя звезда».....	207
«Всегда и везде за тобою»	208
«Милая, ты услышь меня»	209
«Он говорил мне: “Будь ты моею...”	210
Ямщик, не гони лошадей!	210
Хризантемы	211
«Я помню вальса звук прелестный»	212
«Ночь светла, над рекой»	212
Только раз.....	213
Темно-вишневая шаль.....	214
«Не уходи, побудь со мною»	215
Среди миров	215
Белой акации гроздь душистые	216
Кони-звери	217
«Очарована, околдована»	218
Красное солнце, над речкою синей	219
На старом кургане	219
Орел	220
«У меня не живут цветы»	220
Звезды Орла	
«К чему твержу я стих унылый»	222
«Тихая, звездная ночь»	222
«Когда я блестящий твой локон целую».....	223
«Я жду... Соловьиное эхо»	223
Ave Maria	224
«Свеж и душист твой роскошный венок»	224
«Шепот, робкое дыханье»	225
К.Б.....	225
Цыгане (моя мелодия).....	226
Одиночество	227
Нищая Тульской губернии	228

Полмига.....	229
Колея.....	229
Пиджачок.....	230
Орлы.....	231
Шукшину.....	231
Капризная, упрямая (романс).....	233
Русские народные песни.....	235
То не вечер (Сон Ермака).....	236
«Среди долины ровныя».....	237
Вечерний звон.....	238
«То не ветер ветку клонит».....	238
Тройка.....	239
«Меж высоких хлебов затерялося».....	240
Коробейники.....	240
«Не брани меня, родная».....	242
«Однозвучно гремит колокольчик».....	243
«Меж крутых бережков».....	243
«Глухой, неведомой тайгою».....	244
«Вот мчится тройка почтовая».....	245
«По диким степям Забайкалья».....	246
Шумел камыш.....	247
«Тройка мчится, тройка скачет».....	247
«Ты, моряк, красивый сам собою».....	248
«Что стоишь, качаясь».....	249
«Раскинулось море широко».....	250
«Славное море — священный Байкал».....	250
«Ой ты степь кругом!».....	251
«Когда я на почте служил ямщиком».....	252
«Из-за острова на стрежень».....	253
«За окном черемуха колыхнется».....	254
Бубенцы.....	255

«Над полями да над чистыми»	255
«Живет моя отрада»	256
Златые горы	257
«Окрасился месяц багрянцем»	257
«По Дону гуляет казак молодой»	258
Пряха.....	259
Ой, мороз, мороз!	259
«Позарастали стежки-дорожки»	260
«На лужке, лужке, лужке»	261
Липа вековая	262
Родное	263
Ревела буря	264
Оренбургский пуховый платок	265
Уральская рябинушка.....	265
Два берега	266
«Огней так много золотых»	267
Пловец	268
<i>Русские (советские) песни XX века</i>	269
<i>Есенинские</i>	
«Не бродить, не мять в кустах багряных»	270
«Устал я жить в родном краю»	270
«Песни, песни, о чем вы кричите?»	271
«Заметался пожар голубой»	272
«Пускай ты выпита другим»	273
Письмо матери	274
«Мы теперь уходим понемногу»	275
Лисица.....	276
«До свиданья, друг мой, до свиданья»	277
«Не жалею, не зову, не плачу»	277
«Отговорила роща золотая»	278
«Над окошком месяц. Под окошком ветер»	279

«Лейся, песня, пуще, лейся, песня звяньше»	279
«Ты запой мне ту песню, что прежде»	280
«Клен ты мой опавший, клен заледенелый»	281
«Ты поила коня из горстей в поводу»	281
Из кинофильма «Золотая голова на плахе».....	282

Рубцовские

«В горнице моей светло».....	283
«В минуты музыки печальной».....	283
Привет, Россия!.....	284
Расплата.....	285
«Чудный месяц плывет над рекою».....	286
Звезда полей.....	286

Фатьяновские

Соловьи (на музыку композиторов)	287
На солнечной поляночке	288
Звездочка	289
Давно мы дома не были	290
Перелетные птицы	292
Тропки-дорожки	293
Где же вы теперь, друзья-однополчане?.....	294
Три года ты мне снилась	295
«По мосткам тесовым, вдоль деревни»	296
«Поет гармонь за Вологдой»	297
Золотые огоньки.....	298
В городском саду	298
Частушки Коли Курочкина из кинофильма «Свадьба с приданным».....	299
«На крылечке твоём»	301
Ромашка моя	301
За Рогожской заставой.....	302
«Ничего не говорила»	303

Песня из кинофильма «Весна на Заречной улице»	304
Дорожная	305
<i>Воронежские</i>	
Русь	306
Музыка леса	307
Утро	308
Кольцо	308
«Не весна тогда красовалась»	309
Весна	310
Последняя встреча	310
«Черные листья осины»	311
Белеет зябь.....	312
«Земля, поросшая травой»	312
«Опять я подумал о Родине»	313
«Тихое поле над логом»	313
«Загорелась листва на березах».....	314
<i>Смоленские</i>	
«Бродит ветер по болоту»	315
Полночь.....	316
Моя золотаяюшка	317
<i>По разным городам и весям</i>	
Руки на снегу	317
Штрафной батальон	318
Комбат.....	318
«Еще не все потеряно, мой друг»	319
«Художник рисовал Москву»	320
Две радости	322
Чудо земное	322
Под свисты ятагана	323
Марина	324

Рыжая буфетчица (Ироничная песня)	325
Березовый сок	326
Березы	326
Вологда	328
Течет ручей	329
Далеко-далеко	330
Дрозды	331
Большак	332
Ой, ты рожь	333
Осень	333
Осенние листья	334
«При лужке, лужке, лужке»	334
Последний нынешний денечек	336
Разлука	337
Белоснежная вишня	337
«Я люблю тебя, Россия»	338
Ромашки спрятались	339
Сиреневый туман	340
«Когда иду я Подмосковьем»	340
Русское поле	341
Сладка ягода	342
Старый клен	343
Случайный вальс (офицерский)	343
Счастье мое	344
Соловьиная роща	345
Пшеница золотая	346
Темная ночь	346
Ты не печалься	346
У самовара	347
Услышь меня, хорошая	347
Утомленное солнце	348

У Черного моря	349
Черное море мое	350
Черноглазая казачка.....	351
Черный ворон	351
Черемуха.....	352
Кони мои вороные	352
«Я в весеннем лесу пил березовый сок»	353
Яблоневого вечера.....	354
Я люблю тебя, жизнь	354
Конь вороной.....	355
Арии из опер	357
Ария Ленского (из оперы «Евгений Онегин»).....	358
Ариозо Ленского	359
Ариозо Канио (из оперы Леонкавалло «Паяцы»)	360
Ария Каварадосси (из оперы Пуччини «Тоска»)	360
Ария Германна (из оперы Чайковского «Пиковая дама»).....	361
Ария Дубровского (из оперы Направника «Дубровский»).....	362
Ария Альфреда (из оперы Верди «Травиата»).....	363
Песенка герцога (из оперы Верди «Риголетто»).....	363
Баллада герцога	364
Песня певца за сценой (из оперы Аренского «Рафаэль»)	365
Романс Надира (из оперы Бизе «Искатели жемчуга»)	366
Песня индийского гостя (из оперы Римского-Корсакова «Садко»)	367
3-я песня Леля	367

(из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка»).....	367
Каватина князя.....	368
(из оперы Даргомыжского «Русалка»).....	368
Песня Левко.....	369
(из оперы Лысенко «Майская ночь»).....	369
Ария Демона.....	370
(из оперы А.Рубинштейна «Демон»).....	370
Ария Демона.....	370
Песня молодого цыгана.....	371
(из оперы Сергея Рахманинова «Алеко»).....	371
Каватина Фауста.....	371
(из оперы Гуно «Фауст»).....	371
Серенада Дон Кихота.....	372
Мои стихотворения к концертам	373
Сонет (Из моей «Шекспирианы»).....	374
Чаша Грааля.....	374
Малоархангельск	
(На стратегическом направлении).....	375
Богатырь-городок (Героическая песня).....	377
На Малоархангельских высотах.....	378
Сабуровское поле.....	379
Китель Рокоссовского.....	380
Столица Белой Глины (Малоархангельск).....	381
Родная улица.....	382
Мадонна и кони.....	383
Скиф, едущий на трамвае.....	385
Есенинские колодцы.....	386
Страны света.....	386
Собирал чемоданчик с собой на вокзал.....	387
«Живу у леса с краю».....	388
Бабкина медаль.....	390

Баллады про стаканы	391
Песенка о Мухе	392
Адамант (Золотой треугольник)	393
«Милые, милые»	394
Матица	394
Прощание с Синяевским (песня)	396
Погоня	397
Священная корова (Деревенская баллада)	398
Сарматы	402
Вятичи	404
Тайная вечера	405
Плащаница	406
«Владыко, нас обереги»	407
Золотистая роза	407
Парижанка	408
Монна Лиза (песня)	410
Заповедь первая (жития)	411
Заповедь первая (блаженств)	411
<i>Пушкиниана (Времена года) (Сонеты)</i>	
Осень	413
«На пруду уж стекло. Уж от берега кромка»	413
«По грибы, чтоль, сходить? Чтобы грусть перебить»	414
«Опять октябрь. И цифра “19”»	414
«Осень. Болдино. Денечки»	415
«Осень стынет. Прозрачное утро»	416
«Нет, не утратил назначенье»	416
Зима	417
«Денек хорош! Денек чудесный!»	417
«Леса торжествуют под флагом зимы»	418
«“Ай да Пушкин! Ай да молодец!”»	418

«В зимнюю порошу».....	419
Весна	420
«Весна прилетела, сова пролетела».....	420
«Уже зеленее трава»	420
Лето.....	421

Есениниана (Сонеты)

«Не говорю: я и Есенин»	422
«Открытость русского поэта»	422
«Наш зять Орловский»	423
«“Несказанное. Синее. Нежное”»	424
«В Константиново был, в Константиново»	424
«Душа замирала от страха».....	425
«Те говорили: «Отечество не то»	425
«“Если сердце вы любить до дна...”».....	426
«Вот он, университет!».....	427
«И что я понял, что я осознал?»	427
«Сон жалость в сердце пробуждал»	428
«Ни слова про Оку? А почему?»	428
«Попал же в город деревенский житель»	429
«У Оки мы были, у истока»	429
«Повыбрасывали! Пубили».....	430
«На Мещоре — сплошное язычество».....	430

«Термометр жизни человечества»

<i>Мир лиризма, мир фантастического</i>	431
«В грозном ореоле «Анчара»	435

Золотарев Леонард Михайлович
«Вечерний звон»
(Сто песен, которые пою)

Золотарев Игорь Леонардович
Вместо послесловия
Литературно-критические статьи

Издатель Александр Воробьёв
Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Подписано в печать 11.11.2008 г. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 539.



**... Пойдем под ручку с чувствами
Размывами дорог.
И любится и плачется, и песне далеко
Весь путь наш обозначится,
И так легко, легко.**

**Леонард Золотарев.
Синеглазая. Песня. 2008**

На обложке: Илья Глазунов. Русское поле. (1960)